ТОМ 1, №2, 2023
eISSN 2949-1843
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частно-правовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

www.lawandorder-donstu.ru
DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Том 1, № 2, 2023

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4 – Уголовно-правовые науки
5.1.5 – Международно-правовые науки

Индексация:	РИНЦ, CyberLeninka, CrossRef
Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ).
Периодичность	4 выпуска в год
Адрес учредителя и издателя	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Телефон	+7 (863) 2–738–372
Сайт	https://lawandorder-donstu.ru
Дата выхода в свет	30.06.2023

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.985.7

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15

Научная статья

Родина — форма коллективного выживания и актуальный объект обеспечения национальной безопасности

А.И. Мелихов[1], Г.С. Працко[2, 3]

[1] Волгоградская академия МВД России, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130
[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
[3] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66

✉ M-13913@ya.ru

Аннотация
Введение. В современной гуманитарной науке отсутствует единство в вопросе понимания сущности национальной безопасности и основного объекта ее обеспечения в силу отдаленности современной юриспруденции от естественной природы и врожденных возможностей человека. Современное геополитическое противоборство наглядно показывает ограниченность имеющихся подходов к национальной безопасности как простой совокупности безопасности человека, общества и государства в настоящем времени, поскольку современные гибридные войны, прежде всего, направлены на уничтожение прошлого и программирование будущего для противника. В этой связи назрела задача по выявлению актуального содержания отношений национальной безопасности для дальнейшего успешного выживания многонационального народа России и сохранения существующей системы сдержек и противовесов в мире. Цель исследования — определение актуального субъекта и объекта обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.
Материалы и методы. Материалами исследования являются результаты анализа более 1000 файлов, содержащих научно-методические, нормативные и учебные материалы по национальной безопасности как правовой категории. Многогранность изучаемых правовых явлений обусловила использование междисциплинарного подхода, обращение к данным, полученным представителями антропологии, теологии, философии и историко-правовых наук. Как частнонаучные методы применялись схемы и категории теории правового порядка общества, теории институциональных изменений, геополитической теории, теории безопасности. Широко использовался диалектический метод научного познания, методы теории социальных систем, теории управления, теории игр, позволяющие рассматривать поведение участников отношений в области обеспечения безопасности с позиций прагматизма.
Результаты исследования. Современная Россия как момент бытия многонационального народа Российской Федерации в сложившейся пространственно-временной реальности является суверенным объединением российского человека, общества и государства для коллективного выживания, обеспечения защищенности и безопасности посредствам наличия необходимых сил и средств, единого национального порядка и мировоззрения, с единой волей, воплощенной в президентской власти. «Национальная безопасность Российской Федерации» — это результат деятельности по оценке и поддержанию силами и средствами граждан, общества и государства такого бытия многонационального народа РФ, при котором суверенно и самостоятельно удовлетворяются его витальные потребности в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве в прошлом, настоящем и будущем. Предлагаемое определение, вводя актуальный объект обеспечения национальной безопасности и меняя характер взаимоотношений между субъектами, создает доктринальную основу для перехода к коллективной модели выживания в современной геополитической обстановке.

Обсуждение и заключения. Сущность понятия «национальная» в контексте «Стратегии обеспечения национальной безопасности»[1] проявляется как единая государственная форма, содержанием которой выступает существование и бытие российского государства, общества и личности в их становлении и развитии в прошлом, настоящем и будущем, в геополитическом философском измерении. Это соответствует понятию «цивилизация» как социальной форме движения материи, обеспечивающей ее стабильность и способность к саморазвитию путем саморегуляции и обмена с окружающей средой. Многонациональный народ Российской Федерации как цивилизация или «тысячелетнее государство» обладает реальным суверенитетом, собственным национальным порядком и мировоззрением, который никогда не терял своей государственности, смог пережить все фатальные угрозы безопасности своего существования. По нашему мнению, в сложившейся пространственно-временной реальности эффективным субъектом безопасности, одновременно являющимся основным объектом обеспечения безопасности и единственной формой коллективного выживания для человека, является многонациональный народ Российской Федерации как нация, объединенная государственной формой и управляемая ею. Родина как патетическое обозначение российской цивилизации, законодательно определяемая Конституцией России как «многонациональный народ РФ» — это актуальная форма коллективного выживания для российского человека, личности, общества и государства.

Ключевые слова: Родина, выживание, самосохранение, самоподдержание, самовоспроизводство, многонациональный народ России, национальная безопасность, оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Мелихов А.И., Працко Г.С. Родина — форма коллективного выживания и актуальный объект обеспечения национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;1(2):5–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15

Original article

Motherland as a Form of Collective Survival and a Relevant Object of Ensuring the National Security

Alexander I Melikhov[1], Gennady S Pratsko[2, 3]

[1] Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130, Istoricheskaya St., Volgograd, Russian Federation
[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Rostov Branch of the Russian State University of Justice, 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ M-13913@ya.ru

Abstract
Introduction. In the modern humanitarian science, there is no unanimity in understanding the essence of national security and the main object it is to ensure due to detachment of the modern jurisprudence from the genuine nature and innate capabilities of a human being. The modern geopolitical confrontation clearly shows the constraints of the existing approaches, which consider the national security as a simple aggregate of a person's, society's and the state's security at the present time, whereas the contemporary hybrid wars are first of all aimed at destroying the enemy's past and programming its future. Therefore, the task to elucidate the relevant subject matter of the national security relations has become an urgent issue for further successful survival of the multinational people of Russia and preservation of the checks and balances principle existing in the world. The aim of the study is to determine the relevant subject and object of ensuring the national security of the Russian Federation.
Materials and Methods. The result of the analysis of more than 1000 files containing scientific, methodological, regulatory and educational materials regarding the national security as a legal category has become the material for the present research. The multifacetedness of the studied legal phenomena has induced the application of the interdisciplinary approach and reference to the data obtained by the representatives of anthropological, theological, philosophical and historical legal sciences. The diagrams and categories of the theories of the legal order of society, institutional changes,

[1] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: https://base.garant.ru/401425792 /(дата обращения: 20.03.2023).

the geopolitical and security theories have been used as the specific scientific methods. The method of dialectical scientific knowledge, the social systems, management and gaming theories methods were widely used enabling considering the behavior of the security ensuring process participants from the pragmatic perspective.

Results. Today's Russia, as a moment of being of the multinational people of the Russian Federation in the current spatial-temporal reality, is the sovereign unity of the Russian person, society and state formed for collective survival, provision of protection and safety through availability of the necessary forces and facilities, single national order and worldview, along with the single will embodied in the presidential power. "The national security of the Russian Federation" is the result of assessment and maintenance of such beingness of the multinational people of the Russian Federation by means of the citizens', society's and state's forces and facilities, that satisfies in the sovereign and independent way its vital needs for self-preservation, self-renewal and self-reproduction in the past, present and future. By introducing a relevant object of ensuring the national security and by changing the nature of relationships between the subjects, the proposed definition creates the doctrinal basis for transition to a collective model of survival in the present geopolitical situation.

Discussion and Conclusions. The essence of the notion "national" in the context of the "National Security Strategy"[2] is manifested as a single state form, comprising the existence and beingness of the Russian state, society and personality in the frame of their genesis and evolvement in the past, present and future in the geopolitical philosophical dimension. This corresponds to the notion "civilization" as a social form of the motion of matter, providing its stability and ability to self-development through self-regulation and exchange with the environment. The multinational people of the Russian Federation as a civilization or a "thousand-year-old state" possesses the real sovereignty, its own national order and worldview; it had never lost its statehood, was able to survive all the fatal threats to its secure existence. In our opinion, in the current spatial-temporal reality, an efficient subject of security, which is at the same time the main object of ensuring security and the only form of collective survival for a person, is the multinational people of the Russian Federation as a nation united by the state form and governed by it. Motherland as a pathetic designation of the Russian civilization, legislatively defined by the Russian Constitution as "the multinational people of the Russian Federation", is a relevant form of collective survival for the Russian person, personality, society and the state.

Keywords: Motherland, survival, self-preservation, self-renewal, self-reproduction, the multinational people of Russia, national security, operational and investigative actions, Internal Affairs Bodies.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to a significant enhancement of the article's quality.

For citation. Melikhov AI, Pratsko GS. Motherland as a Form of Collective Survival and a Relevant Object of Ensuring the National Security. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):5–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15

Введение. В современной гуманитарной науке отсутствует единство в вопросе понимания сущности национальной безопасности и основного объекта ее обеспечения в силу отдаленности современной юриспруденции от естественной природы и врожденных возможностей человека. Как правильно отмечают ведомственные исследователи безопасности, «...безопасность как условие и стратегия защиты нацелена в конечном счете на выживание социальной системы, личности, общества и государства» [1, с. 101].

Выживание — это цель обеспечения безопасности. Выживание обеспечивается за счет реализации витальных потребностей — самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания. Природой в человека заложены три стратегии выживания — бежать, оборонятся, притвориться мертвым. Природой не выработана такая стратегия безопасности, как «непротивление злу» [2].

Как правильно отмечают биологи, в этой связи философские взгляды Льва Толстого повлияли на множество людей. В результате были основаны колонии последователей его учения — толстовцев. Одним из главных принципов их жизни было «непротивление злу насилием», что соответствует определенному типу поведения. Все эти многочисленные колонии исчезли, когда началась Первая мировая война, а затем и Гражданская война, т. е. в тех условиях, когда «для выживания необходимо было не терпеть и выжидать, а пытаться активно взаимодействовать со средой обитания» [3, с. 408].

В этой связи современная стратегия безопасности включает в себя три компонента — это «оборона» как наращивание своих полезных свойств с целью нецелесообразности посягательства на себя, попытка «убежать» от опасности в будущем (предупредить опасность), бороться с опасностью в настоящем, «притворится мертвым»,

[2] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Available at: https://base.garant.ru/401425792 /(accessed: 20.03.2023).

пожертвовав своим существованием в настоящем, чтобы обеспечить свое бытие в будущем (жертвование настоящим ради будущего).

Цель исследования — определение актуального субъекта и объекта обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы. Многогранность изучаемых правовых явлений обусловила использование междисциплинарного подхода, обращение к данным, полученным представителями антропологии, теологии, философии и историко-правовых наук. Широко использовался диалектический метод научного познания, методы теории социальных систем, теории управления, теории игр, позволяющие рассматривать поведение участников отношений в области обеспечения безопасности с позиций прагматизма. Как частнонаучные методы применялись схемы и категории теории правового порядка общества Г.С. Працко [4], теории институциональных изменений Д. Норта [5], геополитической теории А.Г. Дугина [6], теории безопасности П.Г. Белова, М.В. Величко, А.М. Величко, В.А. Ефимова, Р.Ф. Идрисова, Н.И. Костюченко, В.С. Поликарпова, Н.Н. Рыбалкина, Д.О. Рогозина, В.Л. Шульца и др. [7–10].

Результаты исследования. Определим понятие «безопасность» как модель (стратегия) выживания, при которой происходит самостоятельное удовлетворение витальных потребностей самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства сущности субъекта в его бесконечном бытие, т. е. в настоящем, прошлом и будущем, вне зависимости от изменения свойств самого субъекта и окружающего его мира и проявления этих свойств. Безопасность — это преодоление зависимости выживания сущности субъекта безопасности (он же объект обеспечения безопасности) от внешних свойств окружающего мира и его внутренних изменений.

Выживание требует крайней степени прагматизма субъекта безопасности по отношению к окружающему миру — рассмотрения его либо как опасность, либо как средства своего выживания, что является важным методологическим аспектом безопасности как стратегии выживания. Есть две стратегии выживания — индивидуальная и коллективная. Индивидуальная стратегия построена на эгоизме как принципе поведения. В коллективной стратегии выживания совмещены альтруистические и эгоистические принципы поведения субъекта. По умолчанию все свойства окружающего мира считаются опасными, пока иное не будет установлено.

Индивидуальная безопасность — это модель выживания, в которой объект обеспечения безопасности и субъект безопасности, а также силы и средства обеспечения безопасности совпадают. Образно данную модель можно назвать «Каждый сам за себя».

При изменении окружающего мира, потери собственных полезных свойств в результате отражения внешних и внутренних угроз формируется вызов безопасности субъекта как такая угроза (проявление опасных свойств), при которой он рискует потерять свою субъектность, то есть превратится в средство обеспечения своей безопасности.

На вызов безопасности субъект должен ответить либо изменением своих свойств, которые могут подтвердить его субъектность как возможность обеспечения собственной безопасности, либо перейти к модели обеспечения коллективной безопасности.

Существуя в естественных природных условиях, человек может самостоятельно удовлетворить только часть своих витальных потребности, но в плане своего бытия он не является самодостаточным, поскольку ему необходимо вступить во взаимодействие с другими людьми для своего воспроизводства в будущем. Самовоспроизводство одного человека невозможно. Указанная природная данность обусловила коллективную форму существования человека как феномена.

Более того, согласно последним изысканиям биологов, естественный отбор происходил не на уровне индивида, а на уровне рода или племени. Истоки кооперации свойственны ему не из-за тесного родства, не из-за реципрокности, не из-за нравственного воспитания, а из-за «группового отбора»: сотрудничающие группы преуспевают, а эгоистичные — нет [11]. Что подтверждает слова Ч. Дарвина о том, что «племя, заключающее в себе большое число членов, наделенных высокоразвитыми чувствами патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим — членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, — должно одержать верх над большинством других племен. Это будет естественным отбором» [12, с. 244].

Несомненно, что на территории государства отдельные индивиды могут удовлетворять все свои витальные потребности вне зависимости от общества и государства. Однако как минимум удержание территории природной среды, где они удовлетворяются в условиях наличия иных конкурирующих коллективных форм, является результатом наличия «зонтика ядерной защиты», военных сил, удерживающих границы, и других продуктов коллективного труда, которые в отдельности друг от друга человек, общество и государство обеспечить не могут.

Таким образом, для человека свойственная коллективная форма выживания — коллективная модель обеспечения безопасности, поскольку не один «орган» нашего условного тела не может существовать вне

системы «тела».

Индивидуальное выживание человека невозможно изначально от природы, поэтому он прибегает к созданию коллективной формы выживания как субъекту безопасности, способному к самостоятельному и суверенному удовлетворению своих витальных потребностей в определенном пространственно-временном измерении — назовем его «актуальный субъект безопасности».

В коллективной модели безопасности риски как трудозатраты на обеспечение витальных потребностей делятся на всех участников, повышая вероятность их выживания. В модели коллективного выживания, помимо главного объекта–субъекта обеспечения безопасности, можно выделить актуальный оперативный объект обеспечения безопасности — это объект, субъект или процесс, который в зависимости от конкретных обстоятельств обладает наиболее перспективными возможностями (набором полезных свойств) обеспечения своего выживания и существования своих сил и средств. Они меняются в зависимости от изменения внутренних свойств субъекта и объекта безопасности и внешних свойств окружающего мира.

Приведем пример, подводная лодка является объектом обеспечения безопасности на глубине, поскольку ее выживание обеспечивает существование и выживание ее экипажа (сил и средств).

Человек в естественных экстремальных природных условиях является и субъектом, и объектом обеспечения безопасности. Процесс подачи кислорода в легшую на дно подводную лодку является объектом обеспечения безопасности, поскольку это обеспечивает выживание экипажа и подводной лодки как основного объекта обеспечения безопасности.

Субъект как обладатель воли и дееспособности, в случае невозможности самостоятельного выживания, переходит к коллективной модели выживания или обеспечения безопасности. В результате общественного соглашения несамодостаточные субъекты объединяют свои полезные свойства, образуя актуальный для окружающего мира самодостаточный объект безопасности, в котором несамодостаточные субъекты, становясь силами и средствами обеспечения безопасности, получают соответственно защиту и охрану со стороны нового коллективного субъекта, что обеспечивает их существование и повышает возможности их выживания как субъектов. Выделение необходимости защиты и охраны образует систему, построенную на взаимовыгодном взаимодействии объекта безопасности и его сил и средств в случае несовпадения их в одном лице.

Однако есть модели безопасности, в которых выживание коллективного объекта обеспечивается не за счет защиты и охраны внутренних сил и средств его безопасности, а за счет внешних сил — частных военных компаний, военных блоков и т. п. Однако в данном случае необходимо различать процессы обеспечения безопасности за счет использования полезных свойств окружающего мира. Например, использование частной военной компании для сбережения собственного населения. Несамодостаточный субъект, который, используя чужие сила и средства для своего выживания, рано или поздно станет частью коллективного субъекта, чьими силами и средствами он пользуется. В качестве примера можно привести судьбу марионеточных европейских государств, состоящих в блоке НАТО.

В настоящее время иллюзия самодостаточности и самостоятельного удовлетворения человеком его витальных потребностей вне зависимости от общества и государства как коллективных форм его бытия создается пропагандой конкурирующих коллективных форм или, другими словами — геополитическими соперниками.

В этой связи провозглашение наличия отдельной безопасности общества, личности и государства является тупиковой стратегией обеспечения безопасности, поскольку единственным актуальным в настоящее время коллективным образованием, способным к обеспечению безопасности, является многонациональный народ Российской Федерации, обладающий государственной формой и устройством, а не отдельные территориальные общины, квазигосударства, индивиды и их объединения и т. п. Все они являются формами существования многонационального народа Российской Федерации и одновременно силами и средствами обеспечения его безопасности. В отношении сил и средств обеспечения безопасности соответственно следует применять следующие термины — защита (в отношении сил как одушевленных объектов, обладающих право- и дееспособностью), либо охрана (в отношении средств обеспечения безопасности как неодушевленных объектов или процессов).

Таким образом, человек, общество и государства по отдельности в настоящее время не являются жизнеспособными субъектами безопасности как модели выживания.

Основным субъектом социального программирования в области безопасности являются малые и большие сообщества — семья, национальная община, муниципальная единица, национальная республика или область. Они представляют собой «первородный бульон», «варясь» в котором человек получает первичные навыки и роль, апробированную природой общинной модели выживания, приобретая начальный уровень понимания безопасности. Данный слой населения позволяет многонациональному народу РФ как актуальной форме коллективного выживания оставаться в естественной, а потому объективной реальности. В этом заключается его отличие от западной цивилизации, которая утратила понимание безопасности (не без помощи западной

либеральной идеологии, заинтересованной в создании как можно более беспомощного человека, зависимого от мировой экономики), потому этот контингент нуждается в повышенной защищенности.

Безопасность личности — это понятие субъективной психологии, охватывающее только одну — субъективную часть безопасности — оценка своего состояния как безопасного, что подтверждается паспортом научной специальности 5.3.9. «Юридическая психология и психология безопасности». Задачей психологии является создание иллюзорного чувства безопасности у личности в силу невозможности осуществления им в реальном мире объективной составляющей безопасности — самостоятельного поддержания состояния удовлетворенности всех витальных и вторичных потребностей, а иными словами самостоятельного существования в современном мире. Осознание своей зависимости является сильнейшим стрессом для человека, а поэтому нуждается в разработке психологических механизмов его снятия.

В свете предложенной нами терминологии следует говорить о защищенности личности, общества и государства, которая достигается за счет их совместного обеспечения безопасности многонационального народа России. Защищенность — это субъективное понятие, означающее удовлетворенность результатами оценки и поддержания состояния самостоятельного удовлетворения витальных потребностей многонационального народа РФ или его выживания. Человек чувствует себя защищенным, когда над ним есть «зонтик ядерной защиты», когда обеспечивается правопорядок и есть другие продукты коллективного труда. Человек, общество и государство отдельно друг от друга всего этого обеспечить не могут.

Чувство защищенности (психологической безопасности личности) возникает, когда человек сознательно и, сохраняя ответственность, воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного равновесия и гармоничного развития. В отечественных концепциях, т. е. документах, где констатируется наличие проблемы и ставятся задачи по ее решению, говорится о национальной безопасности как «безопасности многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»[3], а в стратегиях национальной безопасности[4], т. е. руководстве к действию, раскрывается понятие национальной безопасности как защищенности человека, общества и государства, перечисляя факторы, от которых зависит безопасность многонационального народа РФ. Упрощенно это звучит так: «Ваша защищенность — это наша безопасность». Выживание многонационального народа России (человека, общества и государства как феномена) зависит от такой модели выживания наличных (современных, живущих) человека, общества и государства, при которой их сила и средства направлены на взаимное сохранение памяти и обеспечение их витальных потребностей не только в настоящем, но и в будущем.

Будущее строится человеком не для своего существования, а для потомков как бытия своих генетических и социальных свойств. В этой связи индивидуализм, эгоизм является путем разрушения человека как феномена. К примеру, люди и государства берут кредиты, чтобы обеспечить свои вторичные потребности в настоящем, тем самым ставя под угрозу обеспечение своих витальных потребностей и своих потомков в будущем. Современный капитализм потребовал от людей утратить будущее ради счастливого настоящего, поэтому современная актуальная модель безопасности направлена, прежде всего, на сохранение будущего. Приоритет сохранения прошлого, настоящего показали свою несостоятельность.

Для обеспечения безопасности нации, формы ее существования — человек, общество, государство должны придерживаться другой модели выживания — защиты. Защита как модель выживания — это отказ от самостоятельного удовлетворения витальных потребностей как части своей субъектности, отказ от самодостаточности и независимости в силу неспособности их индивидуальной реализации и делегирование этой функции другому субъекту в обмен, как правило, на предоставление возможности использования своих свойств в интересах этого субъекта, в том числе для обеспечения его выживания и своего существования.

В этой связи необходимо отметить разницу между «выживанием» как самостоятельным удовлетворением витальных потребностей и «существованием» как жизнью в условиях, в которых удовлетворение витальных потребностей зависит не только от тебя. Силы обеспечения безопасности — человек, общество, государство — «существуют», но «выживут» они только в случае успешного обеспечения национальной безопасности. То есть «призом» в игре «безопасность» является выживание. Выживание — результат безопасности как самостоятельного осуществления витальных потребностей в самосохранении, самовоспроизводстве и самоподдержании.

Можно справедливо отметить, что по сути мы называем человека, общества и государство силами и средствами безопасности нации, а не целью, что противоречит Конституции РФ и гуманистическим философским установкам, на которых построено наше исследование. Однако как право частной собственности на землю не означает право каждого гражданина на получение конкретного земельного участка, так и признание

[3] *Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 1300 от 17.12.1997. URL: https://base.garant.ru/3974153/ (дата обращения: 20.03.2023).

[4] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: https://base.garant.ru/401425792 /(дата обращения: 20.03.2023).

человека высшей ценностью не означает неприкосновенность конкретного гражданина, государства или общества как объединения граждан. Конкретный человек, общества, в которые люди объединяются, и государство, которое придает обществу форму, коллективную субъектность и управляет им, являются формами жизни человеческой популяции, феноменальных генов, образовавшихся в природной среде планеты Земля. То есть основной ценностью являются не животные, которые, согласно последним исследованиям биологов, так же, как человек обладают сознанием и субъектностью, т. е. самостоятельностью и самодостаточностью в естественной природной среде. Также основной ценностью не являются компоненты природной среды и иные формы жизни. Ценностью, т. е. целью существования государства, является обеспечение бытия человека, т. е. его жизни в настоящем, прошлом (сохранение памяти) и будущем.

Сущность безопасности социальной системы, которой является и коллективная форма выживания, хорошо выразил Н.Н. Рыбалкин, указав, что «безопасность социальной системы определяется сохранением ее природы, а не существующего состояния» [13, с. 15].

Таком образом, субъектом безопасности не является конкретный человек, общество или государство в своем настоящем, а его сущности в бесконечном бытие. Сущность человека выражается в его природной и социальной составляющей, под которыми выступают гены как совокупность врожденных свойств, приобретенных человеком в результате его многолетней селекции, а также приобретаемые социальные свойства в виде знаний, традиций, ценностей и других результатов эволюции коллективных форм его существования как единственного оптимального выживания. Если человек является физическим носителем генетической информации, то общество является носителем или местом приобретения полезных социальных свойств. Сохранение и передача этих человеческих свойств является задачей безопасности в свете конституционного положения о человеке как высшей ценности государства.

Прагматизм нации как природы (того, что порождает) обеспечивает выживание сущности человека за счет альтруизма форм ее существования — человека, общества, государства.

Отказ от выполнения от своей обязанности по обеспечению безопасности Родины — это отказ от выживания. Несомненно, что такой юридический факт должен нести поражение в правах, поскольку является отказом от выполнения своих обязательств, т. е. по сути «банкротством» — отказом от своей правосубъектности в рамках формы коллективного выживания или единого субъекта безопасности. Представляется, что данное поведение должно привести к смене правового статуса данного субъекта с «силы и средства обеспечения национальной безопасности» на «платного потребителя услуг по обеспечению национальной безопасности». «Потребитель» отстраняется от управления коллективной формой выживания, т. е. должен быть лишен активного и пассивного избирательного права, права на приобретение средств обеспечения национальной безопасности (оружия и т. п.), права зарабатывать на жизнь. Он также обязан осуществлять отдельную плату за проживание в пространственно-временной сфере обеспечения безопасности в виде повышенного налога. Указанные последствия приближены к статусу лица без гражданства. Однако множество международных конвенций и договоров, подписанных РФ проводят политику по недопущению «бесхозных» людей, не включенных в коллективные формы выживания, в связи с чем необходимо говорить о разработке статуса гражданина РФ как «потребителя» с неполной правоспособностью. Условно можно разделить граждан на «хозяев субъекта коллективного выживания» и «потребителей услуг субъекта коллективного выживания». Обратный переход от правового статуса гражданина-потребителя к гражданину-хозяину должен происходить через инициацию в виде принятия участия в обеспечении национальной безопасности своими силами или средствами, в том числе в виде оказании целевой материальной помощи для улучшения полезных свойств сил и средств обеспечения безопасности. В этой связи необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ, позволяющие компенсировать службу в вооруженных силах внесением целевых средств на нужды сил и средств обеспечения национальной безопасности. Подобный механизм уже используется в системе МВД РФ, когда проходивший обучение в ведомственном вузе, в случае отказа от исполнения обязательного пятилетнего контракта, компенсирует стоимость обучения государству в бюджет МВД РФ.

Отдельного аспекта заслуживает участие сил и средств обеспечения правопорядка, в том числе подразделений и лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в военных действиях. Представляется, что оно должно осуществляться в соответствии со специализацией, в связи с чем необходимо нормативно сопоставить военные специализации с правоохранительными.

В современном мире коллективные формы существования (общества, государства) человечества расширяют возможности человека по удовлетворению его потребностей посредством разделения труда и других форм оптимизации человеческой деятельности. Коллективная форма безопасности — это модель выживания, при которой выживание объекта безопасности обеспечивается существованием сил и средств обеспечения безопасности объекта. Данную модель назовем «Один за всех и все за одного». Создание указанной модели выживания происходит в случае невозможности обеспечения своего выживания самостоятельно, то есть

несамодостаточности как субъекта и объекта безопасности. Субъекты должны объединяться в такие коллективные формы, которые способны самостоятельно обеспечить свое выживание, при этом они предоставляют или сами становятся силами и средствами обеспечения безопасности созданного объекта, получая взамен защиту и охрану, необходимую для обеспечения их существования и повышения шансов на выживание в составе нового актуального объекта безопасности, становящегося одновременно и новым ее субъектом.

С течением времени коллективный объект безопасности, способный самостоятельно и независимо выжить, т. е. реализовывать свои витальные потребности, менялся. Сначала это семья, община, город-полис с высокими городскими стенами, религия, государство с вооруженными силами, объединение государств, государство с ядерным оружием и т. д. Так, Э. де Ваттель — исследователь государства и права в человеческом измерении, отмечал, что «Европа представляет собой политическую систему, некоторое целое, в котором все связано отношениями и различными интересами наций, живущих в этой части света. Она не является, как некогда была, беспорядочным нагромождением отдельных частиц, каждая из которых считала себя мало заинтересованной в судьбе других и редко заботилась о том, что не касалось ее непосредственно» [14].

В настоящем конституционно-правовом измерении понятию «нация» соответствует понятие «многонациональный народ Российской Федерации». Однако было бы большой ошибкой в понятийной парадигме Стратегии национальной безопасности — личность, общество, государство — ассоциировать многонациональный народ РФ или нацию с обществом как существующей в реальном времени совокупности людей, проживающих на территории государства. Еще опаснее ассоциировать его с таким понятием, как гражданское общество, являющееся институтом механизма противопоставления единовременных форм существования многонационального народа России — личности, общества и государства. Как показывает новейшая история, национальная безопасность не может сводится к безопасности отдельных органов государства, сообществ или личностей, поэтому рассмотрение проблем опасностей, которые угрожают нации, следует проецировать на комплексные целостные понятия — природа, цивилизация, сложная социальная система, империя — и рассматривать спектр опасностей и защищенностей применительно к ним.

Данная точка зрения, хотя и с другими обоснованиями, нашла поддержку в научной среде. Так, Е.А. Пушкарев указывал, что «главным объектом национальный безопасности, … должен выступить «носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации» — российский народ с присущим им укладом жизни и территорией» [15, с. 13].

Обсуждение и заключения. На наш взгляд, сущность понятия «национальная» в контексте «Стратегии обеспечения национальной безопасности» проявляется как единая государственная форма, содержанием которой выступает существование и бытие российского государства, общества и личности в их становлении и развитии в прошлом, настоящем и будущем. В геополитическом философском измерении это соответствует понятию «цивилизации» как социальной форме движения материи, обеспечивающей ее стабильность и способность к саморазвитию путем саморегуляции обмена с окружающей средой. В социологии это определяется понятием «сложная социальная система». Нацию в рассматриваемом нами философском контексте можно отождествить с природой, т. е. тем, что порождает и, по словам Гераклита, любит прятаться.

Таким образом, эффективным субъектом безопасности, одновременно являющимся основным объектом обеспечения безопасности и единственной формой коллективного выживания для человека в сложившей пространственно-временной реальности является наша Родина — многонациональный народ Российской Федерации как нация, объединенная государственной формой и управляемая ею.

В настоящее время, как и много веков ранее, нация или многонациональный народ РФ, живущий в «тысячелетнем государстве», является эффективной коллективной моделью выживания, обладая для этого следующими основными сущностными свойствами актуального субъекта безопасности:

– суверенностью как независимостью, самостоятельностью и самодостаточностью;
– ориентированностью в своем большинстве на символ нации (божества, монарха, национального лидера, признанного религиозного или политического деятеля), обеспечивающего единство и оперативную управляемость ею;
– наличием единого мировоззрения, основанного на признании необходимости самосохранения нации как источника и средства передачи жизненно необходимой информации об оптимальных алгоритмах обеспечения своих витальных и социальных потребностей, а также как среды реализации и расширения своих возможностей;
– непознаваемостью в рамках одной человеческой жизни в силу многовекового существования и сложности организации нации, что обусловливает необходимость доверительного, подсознательного и бессознательного усвоения алгоритмов национального мировоззрения для достижения личного жизненного успеха и общего благополучия в условиях разделения труда;
– наличием культуры, оптимального для выживания сочетания альтруистического и эгоистического поведения в разных функциональных группах общества;

– наличием готовности направить данное поведение на суверенное обеспечение общей безопасности в силу сложившегося мировоззрения или реальной удовлетворенности его потребностей существующим национальным порядком;

– наличием механизма защищенности от опасностей человека, общества и государства как сил и средств обеспечения безопасности;

– наличием механизмов сублимации естественной эгоистической энтропийной энергии (поведения) человека и его сообществ в полезную энергию альтруизма, посредством институтов воспитания, образования и труда, а также механизма контроля за не сублимированной энтропийной энергией, представляющей опасность для нации и форм ее существования [16].

Многонациональный народ РФ как цивилизация или «тысячелетнее государство», обладая реальным суверенитетом, собственным национальным порядком и мировоззрением, который никогда не терял своей государственности, в условиях политической и даннической зависимости от Монгольской империи, смог пережить все фатальные угрозы безопасности его существования и бытия в виде интервенций (польской, Антанты), двух мировых войн, множества освободительных и гражданских войн, революций и государственных переворотов.

Родина как патетическое обозначение российской цивилизации, законодательно определяемая Конституцией России как «многонациональный народ РФ» — это актуальная форма коллективного выживания для российского человека, общества и государства.

Список литературы

1. Нижник Н.С., Ахмедов Ч.Н. *Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства.* Санкт-Петербург; 2001. 514 с.
2. Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Принцип «Непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. *Вестник РУДН. Серия: Философия.* 2020;2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neprotivleniya-zlu-nasiliem-l-n-tolstogo-v-kontekste-russkoy-religioznoy-filosofii-kontsa-xix-nachala-hh-veka (дата обращения: 18.04.2023).
3. Жуков Д.А. *Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей.* В Т. 1. Москва: Альпина нон-фикшн; 2014. 428 с.
4. Працко Г.С. *Порядок общества: теоретико-правовой и институциональный анализ.* Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Краснодар; 2007. 63 с.
5. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Д. Узланер, М. Марков, Д. Расков и др. (пер. с англ.). Москва; 2011. 480 с.
6. Дугин А.Г. Геополитика как эффективный метод современной Российской политической теории и практики. *Научная мысль Кавказа.* 2008;3(55):5–13.
7. Костюченко Н.И., Мелихов А.И. Современные проблемы формирования теории национальной безопасности и ее преподавания, обусловленные отсутствием понятия феномена «безопасность» и разделов по основам теории социальных систем и теории управления. *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2019;3(50):146–151.
8. Белов П.Г. Политико-правовое и научно-образовательное обеспечение национальной безопасности. Обзор состояния и пути совершенствования. *Обозреватель.* 2018;4(339):35–50.
9. Працко Г.С., Мелихов А.И., Никитина Г.А. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России. *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2019;2(49):183–188.
10. Кардашова И.Б. *МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации*. Дис. д-ра юрид. наук. Москва; 2006. 494 с.
11. Ридли М. *Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству.* А. Чечина (пер. с англ.). Москва: Эксмо; 2013. 332 с.
12. Дарвин Ч. *Сочинения.* В Т. 5. Москва; 1953. 1040 с.
13. Рыбалкин Н.Н. *Природа безопасности.* Дис. д-ра филос. наук. Москва; 2003. 407 с.
14. Ваттель Э.де. *Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов*. Москва: Госюриздат; 1960. 179 с.
15. Пушкарёв Е.А. *Политическое управление системой правовой безопасности личности в современной России.* Автореф. дис. д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону; 2011. 50 с.

16. Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности. *Юристъ-Правоведъ.* 2022;2(101):150–156.

References

1. Nizhnik NS, Akhmedov CN. *Pravookhranitel'naya sistema kak sub"yekt obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva.* Saint Petersburg; 2001. 514 p. (In Russ.).
2. Evlampiev II, Matveeva IY. L.N Tolstoy's Principle of "Non-Resistance to Evil by Violence" in the Context of Russian Religious Philosophy of the Late XIX - Early XX Century. *RUDN Journal of philosophy. Series: Philosophy*. 2020;2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neprotivleniya-zlu-nasiliem-l-n-tolstogo-v-kontekste-russkoy-religioznoy-filosofii-kontsa-xix-nachala-hh-veka (accessed: 18.04.2023) (In Russ.).
3. Zhukov DA. *Stoy, kto vedet? Biologiya povedeniya cheloveka i drugikh zverey: in 2 vol.* Vol. 1. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2014. 428 p. (In Russ.).
4. Pratsko GS. *Poryadok obshchestva: teoretiko-pravovoy i institutsional'nyy analiz.* Extended abstract of D. Sc. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2007. 63 p. (In Russ.).
5. North D, Wallis J, Weingast B. *Violence and Social Orders. Conceptual Framework for nterpretating Recorded Human History.* Uzlaner D, Markova M, Raskov D, et al. (transl. from English). Moscow; 2011. 480 p. (In Russ.).
6. Dugin AG. Geopolitics as an Effective Method of Modern Russian Political Theory and Practice. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 2008;3(55):5–13. (In Russ.).
7. Kostuchenko NI, Melikhov AI. Modern Problems of Formation of the Theory of National Security and its Teaching, Due to the Lack of the Concept of the Phenomenon of "Security" and Sections on the Foundations of the Theory of Social Systems and Control Theory. *Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest.* 2019;3(50):146–151. (In Russ.).
8. Belov PG. Political-Legal and Scientific-Educational Provision National Security. Status Review and Ways of Improvement. *Observer*. 2018;4(339):35–50. (In Russ.).
9. Pratsko GS, Melikhov AI, Nikitina GA. The Concept of "Security" in Modern Humanities and Russian Legislation. *Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 2019;2(49):183–188. (In Russ.).
10. Kardashova IB. *MVD Rossii v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii*. D. Sc. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 494 p. (In Russ.).
11. Ridley M. *The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation.* Chechina A. (transl. from English). Moscow: Eksmo; 2013. 332 p. (In Russ.).
12. Darwin C. *Collected Works*. In Vol. 5. Moscow; 1953. 1040 p.
13. Rybalkin NN. *Priroda bezopasnosti.* D. Sc. (Philosophy) Dissertation. Moscow; 2003. 407 p. (In Russ.).
14. Vattel E.de. *The Law of Nations: or, Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns.* Moscow: Gosyurizdat; 1960. 179 p. (In Russ.).
15. Pushkarov YA. *Politicheskoye upravleniye sistemoy pravovoy bezopasnosti lichnosti v sovremennoy Rossii.* Extended abstract of D. Sc. (Political Science) Dissertation. Rostov-on-Don; 2011. 50 p. (In Russ.).
16. Melikhov AI. Entropic Crime As A Threat To National Security. *Jurist-Pravoved.* 2022;2(101):150–156. (In Russ.).

Об авторах:

Мелихов Александр Иванович, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России (400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130), кандидат юридических наук, доцент ORCID, M-13913@ya.ru

Працко Геннадий Святославович, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.И. Мелихов — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. Г.С. Працко — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 20.04.2023.
Поступила после рецензирования 22.05.2023.
Принята к публикации 22.05.2023.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Alexander I Melikhov, associate professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (130, Istoricheskaya St., Volgograd, 400075, RF), Cand. Sc. (Law), associate professor, ORCID, M-13913@ua.ru.

Gennady S Pratsko, professor of the Business and Commercial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Law), professor, ORCID, dasha_sam94@mail.ru.

Claimed contributorship:

AI Melikhov: formulating the main concept, research methodology, preparation of the text, formulating conclusions. GS Pratsko: study results analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 20.04.2023.
Revised 22.05.2023.
Accepted 22.05.2023.

Conflict of interest statement
The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340:378

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-16-23

Научная статья

Формирование правосознания и гражданской позиции студентов в высших учебных заведениях

И.В. Абакумова, О.А. Матвеева

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ oleksisa@mail.ru

Аннотация

Введение. Для всех настоящих и будущих поколений граждан страны принципы и ценности, на которых формируется и функционирует гражданское общество, должны быть приоритетными. При этом теоретическое осмысление указанных категорий должно быть подкреплено их практической реализацией. Поэтому целью исследования является экспериментальное педагогическое изучение проблемных аспектов развития правосознания для выявления комплексной оценки уровня сформированности гражданской позиции педагогов и студентов в высших учебных заведениях.

Материалы и методы. Материалом исследования является процесс организации педагогической работы в вузе, деятельность кураторов студенческих групп. В исследовании использован комплекс общенаучных и специализированных научных методов, направленных на анализ и систематизацию релевантных материалов, а также практическое экспериментальное изыскание.

Результаты исследования. Содержание работы педагогов и студентов по развитию самосознания рассмотрено как в процессе их аудиторной, так и внеаудиторной деятельности. В качестве основных принципов организации педагогической работы обозначены принципы правосознания и гражданственности, демократии, а также толерантности и вовлечения в опыт гражданского действия. Также проанализированы особенности работы кураторов, целью которой выступила деятельность по формированию правосознания и гражданской позиции студентов. Кроме того, в статье сделан акцент на необходимость формирования и укрепления партнерских отношений с общественностью, образовательными учреждениями, властью, бизнесом.

Обсуждение и заключения. Управляемость процесса развития гражданского самосознания была выявлена как основной результат аналитической деятельности авторов статьи. Были определены основные педагогические условия указанного процесса: организация взаимодействия всех участников процесса и во время образовательной деятельности, и вне таковой, учет специфики профессиональной подготовки студентов и вовлечение общественности в процесс развития самосознания. К педагогическим условиям относится также активизация методов обучения, связанных с развитием правосознания и гражданственности студентов. Показало свою эффективность формирование временных педагогических сообществ, включающих специалистов, непосредственно работающих со студентами и разрабатывающих специализированные подходы к развитию указанных выше качеств у обучающихся, за счет выделения в изучаемых студентами дисциплинах специальных тем и вопросов, рассмотрение которых позволит повысить эффективность проводимой работы в области развития гражданского правосознания. Была разработана и предложена программа деятельности кураторов учебных групп в области формирования гражданской позиции студентов, а также организован поэтапный мониторинг процесса формирования гражданской позиции обучающихся.

Ключевые слова: правосознание, гражданская позиция, высшие учебные заведения, студенты, педагоги.

Благодарности. Авторы выражают благодарность и признательность рецензенту, чья критическая оценка работы способствовала значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Абакумова И.В., Матвеева О.А. Формирование правосознания и гражданской позиции студентов в высших учебных заведениях. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):16–23. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-16-23

Original article

Formation of Students' Legal Consciousness and Civic Position in Higher Education Institutions

Irina V Abakumova , Olesya A Matveeva

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ oleksisa@mail.ru

Abstract

Introduction. The principles and values, which form and keep functioning the civil society, should be a priority for all the present and future generations of citizens of the country. At the same time, the theoretical understanding of these categories should be backed up by their practical implementation. Therefore, the article aims at conducting the experimental pedagogical study of the problematic aspects of legal consciousness development for enabling a comprehensive assessment of the civic position maturity level of higher education teachers and students.

Materials and Methods. The pedagogical activity management process in a Higher Education Institution and the work of tutors served the material for the present research. The research was conducted using a set of general scientific and specific scientific methods targeted at analysis and systematisation of the relevant materials, as well as at practical and experimental investigation.

Results. The content of educators' and students' work on development of self-consciousness was considered during both in-class and extracurricular activities. Among the fundamental principles of the pedagogical activity management, the principles of legal consciousness and citizenship, democracy, as well as tolerance and civic actions engagement experience were defined. The features of tutors' work targeted at students' legal consciousness and civic position formation were also analysed. In addition, the article focused at the need to form and strengthen partnerships with the general public, educational institutions, authorities and business.

Discussion and Conclusions. The manageability of the civic self-consciousness development process has been revealed as the main result of the authors' analytical research. The essential pedagogical requirements for this process have been distinguished: setting up interaction among all participants of this process both during educational as well as extracurricular activities, considering student professional training specifics and involvement of the general public into the process of self-consciousness development. The need to sensitize the teaching methods fostering students' legal consciousness and citizenship formation has also been mentioned among the pedagogical requirements. The efficiency has been proved of setting up the temporary pedagogical communities of experts working directly with students and elaborating the specialised approaches designated to form the above-mentioned qualities in students through promotion of the special topics and issues within the curricula courses, the study of which can multiply the efficiency of the civil legal consciousness development efforts. The tutor activities programme aimed at students' civic position formation has been worked out and suggested; step-by-step monitoring of students' civic position formation process has also been envisaged.

Keywords: legal consciousness, civic position, higher education institutions, students, educators.

Acknowledgements. The authors express their gratitude and appreciation to the reviewer, whose critical assessment of the article, has significantly fostered the article's quality.

For citation. Abakumova IV, Matveeva OA. Formation of Students' Legal Consciousness and Civic Position in Higher Education Institutions. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):16–23. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-16-23

Введение. Во всех странах мира принципы гражданского воспитания выступают приоритетом в области развития правосознания подрастающего поколения. Если в той или иной стране установлен недемократический режим, то в качестве основной своей цели в рассматриваемом направлении правительство страны пропагандирует формирование готовности у граждан ставить себя в подчинение лидерам и проявлять высокий уровень лояльности к их решениям. Если в стране установлен демократический режим, то высшей целью

позиционируется толерантность, которая представляется как особая ценность прав человека [1]. Активность граждан страны и их желание участвовать в ее управлении также являет собой необходимый принцип демократии, поскольку данный тип организации государственной власти основан именно на власти народа [2].

Гражданско-правовое воспитание во все времена развития цивилизации признавалось как флагман процесса формирования патриотизма и нравственных ценностей у подрастающего поколения. Правовое воспитание, по своей сути, представляет сложный комплексный феномен, подразумевающий «социально-положительное воздействие на личность с целью выработки у неё необходимого обществу правомерного поведения» [3 с. 128]. Гражданственность должна включать глубокое осознание себя гражданином той или иной страны, готового к реализации своей роли в этом качестве. Гражданственность выражается в непреложном следовании законам и правилам, установленным государственной властью, в эффективной реализации налагаемых этой властью обязанностей, а также в выражении активной жизненной позиции к общественной и политической жизни страны.

Важным также выступает развитие осознанности себя в качестве гражданина страны, которая может быть сформирована на основе изучения историко-культурного опыта государства.

У представителей каждого поколения страны должно с детства развиваться правосознание, благодаря которому граждане становятся полноценными участниками социальной, экономической и политической жизни государства. Совместная работа граждан в интересах своего государства, формирование общего блага, а также реализация прав и обязанностей, закрепленных в Основном законе страны — это залог реализации государством концептуальных подходов в области формирования гражданского общества. Именно в совместной созидательной работе формируется понимание собственной гражданской полезности и развиваются навыки будущей гражданственности у подрастающего поколения.

Развитие активной жизненной позиции у будущих граждан страны важно еще и по той причине, что в этом случае их деятельность будет направлена на внесение конструктивных изменений в развитие той или иной сферы деятельности государства и может принести огромную пользу стране. Именно в этом и заключается одно из важнейших направлений реализации демократии в любом государстве [4].

Необходимо сказать, что демократия и ее развитие в стране часто встречает противодействие со стороны недемократических сил, кроме того, в разрез с демократическими принципами развития государства идут идеологии международного терроризма, экономической рецессии, национализма и т. д. С каждым годом данное давление усиливается, что, в свою очередь, актуализирует проведение данного исследования.

Специалисты отмечают, что если в прошлом развитие демократии и ее принципов не сталкивалось с таким количество противодействующих факторов, то сегодня давление на демократический миропорядок с каждым голом возрастает. Для укрепления принципов демократии на перспективу необходимо решить главную проблему, заключающуюся в недостаточном уровне приверженности молодого поколения к демократическим устоям. Известно, что в последний период недоверие граждан к своему правительству растет все более высокими темпами, и наиболее опасным аспектом в данном разрезе выступает рост недоверия к решениям правительства среди молодых людей. Для повышения лояльности граждан к деятельности органов управления (особенно это касается молодого населения страны) ежегодно в разных странах вводят образовательные программы, специальные практики и мероприятия, цель которых — организация поощрения граждан к активному участию в демократической жизни государства.

Совместно с государством данная работа также ведется и общественными организациями, которые призваны претворить в жизнь решения и программы, выработанные на государственном уровне. Наиболее активными участниками данного процесса выступают образовательные организации, школы и вузы, которые призваны формировать у учащихся активную гражданскую позицию посредством применения различных педагогических подходов. Выполняя свои основных задачи, закрепленные государственными образовательными программами, школы и вузы ведут активную работу по формированию гражданской позиции обучающихся, по развитию их правового мышления на основе формирования нравственно-политических убеждений. Каждая образовательная организация обладает расширенным инструментарием и возможностями в данной области, однако не всегда указанные выше направления работы реализуются в практической деятельности школ и вузов в полном объеме. Кроме того, могут также иметь место сценарии, при которых развитию гражданской позиции и правосознания молодежи в образовательных организациях на практике не уделяется достаточного внимания.

В связи с этим, целью нашего исследования было теоретически обосновать и экспериментально проверить педагогические условия формирования правосознания и гражданской позицией личности, что в настоящей работе понимается как интегративные характеристики социального, личностного и гражданского развития, включающего особенности отношения подрастающего поколения к данному процессу в целом, которое находит проявление в активном участии в гражданской, политической, социальной, экономической, правовой и культурной сферах жизни общества и формируется в процессе приобретения им гражданских знаний и умений [4], что обосновывает теоретическую значимость данной работы. Как мы считаем, формируемое

отношение отличается синтетическим характером и включает тесные взаимосвязи гражданских знаний, навыков, взглядов и опыта, приобретенных обучающимся. Углубленное изучение и развитие этих взаимосвязей определяет практическую значимость исследования.

В научном контексте вопросам правосознания и гражданской осознанности уделяется значительное внимание, и многие современные исследователи поднимают вопросы социально-педагогического воздействия образовательной системы на формирование гражданской позиции молодежи. Так, среди отечественных исследователей можно назвать Мирошину Т.А. [1], Загороднову Е.М. [2], Гурьеву А.А. [4] и других.

Вопросы изучения демократического образования за рубежом освещаются в работах таких ученых, как Хартли М. и Хаддлстон Т. [6], раскрывающих проблемы гражданственности в Европе и США.

Таким образом, система развития гражданских позиций и формирование правосознания в высших учебных заведениях носит комплексный характер и требует к себе пристального научного внимания.

Материалы и методы. В ходе проведения данного исследования были использованы как общенаучные, так и частные научные методы. Анализ существующих релевантных материалов и синтез наиболее значимых изысканий способствовали подготовке эмпирической базы исследования. Методы систематизации и категоризации принципов гражданского воспитания использовались с целью выявления проблемных аспектов в развитии правосознания молодого поколения. Специализированные методы организации и регулирования учебного процесса, а также использование системы мониторинга применялись для практического обоснования процесса формирования гражданской осознанности у студентов.

Научная методология также включает в себя проведение эксперимента на основе вышеупомянутого мониторинга, состоящего из опроса студентов, преподавателей и кураторов, фактической оценки уровня использования образовательных средств, а также синтез рабочих программ и инструментов, реализуемых с целью развития устойчивой гражданской позиции.

Значительная часть методологической базы исследования и отобранных материалов обусловливается необходимостью практического изучения деятельности институтов высшего образования в процессе формирования правосознания у студентов и представителей подрастающего поколения, а также систематизации данных, касающихся эффективности ранее применяемых систем и подходов.

Результаты исследования. В объем понятия правосознания и гражданской позиции включаются знания, раскрывающие сущность природы демократии, особенности формирования и реализации правовых норм, а также понимание возможностей гражданской активности и истории страны, которая является неотъемлемой частью формирования национальной идентичности. Также внимание педагогов должно быть уделено развитию совместной деятельности участников образовательного процесса в области укрепления гражданских принципов развития демократического государства. Активная гражданская позиция должна получать выражение через развитие умения отстаивать свою точку зрения, беззаветно служить общественным интересам для блага будущего своей страны. Все вышесказанное выступает как основа активной гражданской позиции студентов вуза, развитие которой представляет собой одну из основных педагогических задач.

Опираясь на определение гражданского воспитания и образования в области прав человека [6], считаем, что процесс формированием правосознания и гражданской позиции студентов вузов основан на педагогическом взаимодействии субъектов образовательного пространства. Результатом этого взаимодействия должно стать формирование активной гражданской позиции обучающихся, основанной на становлении у них гражданских убеждений личности об обществе и государстве, людях и социально-политических явлениях. При этом у обучающихся появляется понимание собственных прав и обязанностей в обществе, формируются и развиваются умения защиты своих прав для обеспечения верховенства конституционного закона.

С учетом вышесказанного, считаем необходимым также дополнить группу принципов воспитания нижеследующими принципами:

– принцип гражданственности, в основу которого положен процесс, соотносящий деятельность и интересы индивида с основными направлениями воспитательной деятельности. Педагогам необходимо на основе потенциала подрастающего поколения в области саморазвития формировать у них уважение к основным ценностям государства, законотворчеству, нормам и ценностям общественной жизни, а также развивать у молодых людей патриотизм, дисциплинированность, добросовестное и профессиональное отношение к труду, гуманизм, предприимчивость;

– принцип демократии, на основе которого студенты могут принимать активное участие в общественной жизни вуза, становиться полноправными участниками самоуправленческого процесса, выдвигать идеи, связанные с будущим развитием образовательной организации и активно участвовать в процессе их реализации;

– принцип толерантности, предопределяющий формирование уважения к чужому мнению и взглядам;

– принцип включения студентов в опыт гражданского действия.

– На основе теоретического осмысления материала в рамках темы исследования мы сформулировали ряд

педагогических условий, которые могут способствовать формированию правосознания и гражданской позиции студентов вуза:

– организация взаимодействия всех участников процесса как во время образовательной деятельности, так и вне таковой, вовлечение общественности в процесс профессиональной подготовки студентов;

активизация методов обучения, связанных с развитием правосознания и гражданственности студентов. Показало свою эффективность формирование временных педагогических сообществ, включающих специалистов, непосредственно работающих со студентами и разрабатывающих специализированные подходы к развитию указанных выше качеств у обучающихся, за счет выделения в изучаемых студентами дисциплинах специальных тем и вопросов, рассмотрение которых позволит повысить эффективность проводимой работы в области развития гражданского правосознания;– разработка программы деятельности кураторов учебных групп в области формирования гражданской позиции студентов;

организация поэтапного мониторинга процесса формирования гражданской позиции обучающихся.

Констатирующий этап эксперимента был посвящен выявлению уровня сформированности гражданской позиции испытуемых с учетом применения ряда разработанных нами критериев и показателей [5]. Полученные данные нашли отражение в таблице 1.

Таблица 1

Результаты уровня сформированности правосознания и гражданской позиции студентов, преподавателей и кураторов ДГТУ

Самооценка	Группа А (низкий – 0–16 баллов)	Группа Б (средний – 17–32 баллов)	Группа В (высокий – 33–48 баллов)
студентов, %	34	56	10
преподавателей и кураторов, %	4	21	74

В процессе опроса, проведенного среди преподавателей и кураторов, было определено существующее содержание работы с субъектами воспитательной и образовательной деятельности. Было выявлено, что уровень использования преподавателями образовательных возможностей той или иной дисциплины в области развития у студентов гражданственности и правосознания не достаточен. Все это определило необходимость проведения в процессе заседаний кафедр бесед с преподавателями, а также организацию тематических консультаций, мастер-классов, семинаров, целью которых выступало целенаправленное формирование концептуального подхода к реализации поставленных перед педагогическим коллективом задач в области развития правосознания и гражданственности студентов. По итогам проведения указанных выше видов работ преподаватели активно включились в данный процесс, формировали творческие коллективы, проводили анализ рабочих программ с целью возможной реализации поставленных задач, а также разрабатывали планы аудиторных занятий, позволяющих расширить педагогические возможности развития гражданственности студентов не только в аудиторное, но и во внеаудиторное время.

Таким образом, можно заключить, что процесс формирования гражданственности и правосознания возможен через опыт гражданского действия. Истоки данного процесса лежат в дошкольной образовательной среде и начальной школе, когда у подрастающего поколения закладываются основы любви к родине и гражданского воспитания. Дальнейшее развитие гражданственности осуществляется в среднем и старшем звене школы, в профессиональных средних учебных заведениях и в вузах, где уже заканчивается формирование активной личности гражданина, готового активно участвовать в жизни своей страны.

Изучению были подвергнуты факторы, которые прямо влияют на процесс формирования правосознания и гражданской позиции студентов. Среди ряда факторов, которые прямо связаны с достижением указанного выше результата, на основании опроса участников процесса формирования гражданственности и развития правосознания, было определено, что основными факторами в данном ключе были признаны «фактор «воспитательно-образовательный процесс вуза», а именно аудиторная деятельность по социально-гуманитарным дисциплинам и фактор «семья». При этом участниками опроса не отрицалась взаимосвязь и взаимообусловленность всех представленных факторов [7].

В соответствии с последними тенденциями и развитием технологий изменения в мире, в общественной и экономической жизни идут достаточно интенсивно. Соответственно, выпускники вузов должны быть готовы к таким изменениям и уметь применять на практике в будущей профессиональной деятельности, как проектный подход, так и инновационные приемы деятельности. Все это достигается посредством применения в учебном процессе практико-ориентированного подхода. Именно данный подход позволяет студентам осознать собственную значимость и реализовать себя как полноценного гражданина общества, способного не только выполнять должностные обязанности, но и вносить свой посильный вклад в формирование и развитие благосостояния государства. Студенты ДГТУ, которые принимают активное участие в проектной деятельности

на занятиях, могут с уверенностью сказать, что их гражданская позиция в будущем будет достаточно активна, и они, осуществляя совместную деятельность с коллегами по профессиональному коллективу, смогут принести значительную пользу государству, укрепив его демократические основы.

Обсуждение и заключения. Результаты научного исследования позволили прийти к выводу о том, что гражданственность являет собой «потенциал ценностей права как силы, которая эффективно влияет на функционирования всего гражданского общества» [8]. Предложенная система работы вуза по формированию у обучающихся правового самосознания должна включать такие составляющие, как глубокое осознание студента себя в качестве гражданина той или иной страны, готового к реализации своей роли в этом качестве. Гражданин должен следовать законам и правилам, установленным государственной властью, исполнять обязанности, налагаемые этой властью, уметь выражать активную жизненную позицию к общественной и политической жизни страны.

Большинство исследователей «рассматривают правовое воспитание, прежде всего, как целенаправленную деятельность государства, общественных организаций, средств массовой информации по формированию правовой культуры граждан» [9, с. 47], однако, по нашему мнению, на развитие гражданственности в большей степени воздействуют учебные заведения, в том числе учреждения высшего образования.

Чтобы у студентов сформировались правильные гражданско-патриотические нормы, преподаватели должны направить свою деятельность на:

– воспитание патриотизма и гражданского долга;
– развитие духовной культуры и нравственности;
– расширение кругозора в патриотическом и правовом плане;
– воспитание толерантности и взаимопомощи;
– проведение различных экскурсий, походов и экспедиций;
– создание определенного механизма, направленного на эффективное формирование системы гражданско-патриотического воспитания в вузе.

Также необходимо подчеркнуть, что развитие и формирование гражданственности и развитие правосознания студентов вузов должно происходить не только во время аудиторного обучения, но и во внеурочное время, поскольку данный процесс должны быть системным, а его результативность зависит от постоянного, грамотно организованного педагогического воздействия. Здесь значительную роль играют кураторы студенческих групп, которые непосредственно общаются со студентами, как во время учебного процесса, так и вне его. В этой связи актуализируется необходимость приведения содержания кураторской деятельности в соответствие с требованиями сегодняшнего дня [10].

Список литературы

1. Мирошина Т.А. Штрихи идеального гражданина в различных социально-исторических условиях. *Векторы благополучия: экономика и социум.* 2020;2(37):66–76.

2. Загороднова Е.М. «Гражданская позиция» как педагогическая категория. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки.* 2019;4:178–185.

3. Гусейнов О.М., Гусейнов Г.О. К вопросу о путях и средствах формирования правовой культуры личности. *Социально-гуманитарные знания.* 2020;5:123–134.

4. Гурьева А.А. Формирование гражданской позиции в политехнических школах Республики Саха (Якутия). *Современная школа России. Вопросы модернизации*. 2021;7-1(37):148–149.

5. Мирошина Т.А., Игонина Т.Б. Активизация деятельности студентов как условие формирования их гражданской позиции в вузе. *Вестник КрасГАУ*. 2013;10(85):332–335.

6. Hartley M., Huddleston T. School-Community-University Partnerships for a Sustainable Democracy: Education for Democratic Citizenship in Europe and the United States of America. *Council of Europe Publishing*. 2010;11. URL: http://repository.upenn.edu/gse_pubs/386 (дата обращения: 20.12.2022).

7. Мирошина Т.А. Влияние социально-педагогических факторов на формирование гражданской позиции студентов вуза. *Профессиональное образование в современном мире.* 2017;7(3):1269–1273. https://doi.org/10.15372/PEMW20170318

8. Працко Г.С. Гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(1):5–17. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17

9. Богданова О.В. Правовое воспитание: основные подходы к трактовке и реализация некоторых форм. *Вестник СГТУ. Серия: Психолого-педагогические науки.* 2014;1(21):44–51.

10. Мирошина Т.А. Педагогическая модель деятельности куратора по формированию гражданской позиции студентов вуза. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки.* 2019;4(44):166–180. https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.11

References

1. Miroshina TA. Features of an Ideal Citizen in Various Socio-Historical Conditions. *Journal of Wellbeing Technologies.* 2020;2(37):66–76.

2. Zagorodnova EM. "Civil Position" As A Pedagogical Category. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki.* 2019;4:178–185 (In Russ.).

3. Gusejnov OM, Gusejnov GO. To the Question of Ways and Means of Forming a Legal Culture of the Individual. *Social and humanitarian knowledge*. 2020;5:123–134. (In Russ.).

4. Gur'eva AA. Formirovanie Grazhdanskoj Pozicii v Politekhnicheskikh Shkolakh Respubliki Sakha (Yakutiya). *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizacii.* 2021;7-1(37):148–149. (In Russ.).

5. Miroshina TA, Igonina TB. Student Activity Activization as the Condition of their Civilian Position Formation in the Institution of Higher Education. *Bulletin of KrasSAU*. 2013;10(85):332–335. (In Russ.).

6. Hartley M, Huddleston T. School-Community-University Partnerships for a Sustainable Democracy: Education for Democratic Citizenship in Europe and the United States of America. *Council of Europe Publishing.* 2010;11. Available at: http://repository.upenn.edu/gse_pubs/386 (accessed: 20.12.2022).

7. Miroshina TA. Influence of Social and Pedagogigal Factors on Students' Civil Position at Higher Educational Institution. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 2017;7(3):1269–1273. (In Russ.).

8. Pratsko GS. Civil Society and Legal Values to Ensure Decent Standard of Personality Life-Activity. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(1):5–17. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17 (In Russ.).

9. Bogdanova OV. Legal Nurturing: Basic Principles of Treatment and Realization of Several Forms. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2014;1(21):44–51. (In Russ.).

10. Miroshina TA. Pedagogical Model of Curator Activity for Formation of Student Civil Position at Higher Educational Institution. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2019;4(44):166–180. https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.11 (In Russ.).

Об авторах:

Абакумова Ирина Владимировна, декан факультета «Психология, педагогика и дефектология», заведующая кафедрой «Общая и консультативная психология» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор психологических наук, профессор РАО, ORCID, abakira@mail.ru

Матвеева Олеся Александровна, преподаватель кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), ORCID, oleksisa@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

О.А. Матвеева — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. И.В. Абакумова — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 02.04.2023.
Поступила после рецензирования 20.04.2023.
Принята к публикации 20.04.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Irina V Abakumova, dean of the Psychology, Pedagogy and Defectology Faculty, head of the General and Consultative Psychology Department**,** Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), D.Sc. (Psychology), professor the Russian Academy of Education. ORCID, abakira@mail.ru

Olesya A Matveeva, lecturer of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF). ORCID, oleksisa@mail.ru

Claimed contributorship:

OA Matveeva: formulating the main concept, research methodology, preparation of the text, formulating conclusions. IV Abakumova: study results analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 02.04.2023.
Revised 20.04.2023.
Accepted 20.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.9

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-24-33

Научная статья

Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

М.В. Алексеева[1, 2], **И.А. Подройкина**[2, 3]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20

[3] Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

✉ 919820@mail.ru

Аннотация

Введение. В России последних десятилетий сформировалось несколько поколений людей, дезориентированных в культуре, в традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Наблюдается тотальная замена традиционных ценностей псевдоценностями, признание людьми отклоняющегося поведения, нередко ведущего к самоуничтожению, новому пониманию нормы. К этому провело отсутствие со стороны государства должного контроля потоков информации. В последние годы наше государство активизировало деятельность, направленную на формирование информационной среды, способствующей развитию высоконравственных качеств человека, приверженности традиционным ценностным ориентирам. Так как особое влияние на формирование современного поколения оказывают информационные ресурсы, то важной задачей сегодня становится развитие и популяризация именно тех информационных ресурсов, которые способны остановить процесс утраты современным поколением социально-нравственных ориентиров. Целью исследования является оценка существующих нормативных актов с позиции полноты регулирования процесса формирования безопасной информационной среды, способной обеспечить должный уровень распространения тех духовных, нравственных ценностей, которые можно отнести к разряду традиционных.

Материалы и методы. Материалом исследования стали нормативные акты, регулирующие функционирование современных информационных ресурсов и их влияние на современное поколение. В статье использованы такие общепринятые методы научного познания, как диалектический и формально-юридический, а также методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[1] обозначена необходимость формирования безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Сама идея, сформулированная в концепции, заслуживает безусловной поддержки. Вместе с тем ее реализация может столкнуться с рядом проблем и сложностей, которые связаны в первую очередь с понятийным аппаратом. Отсутствие единообразного, качественного с позиции русского языка, логики наполнения, однозначного восприятия понятийного аппарата, используемого для смежных нормативных правовых актов, может нивелировать все попытки законодателя обеспечить формирование соответствующей информационной среды. Для полноты регулирования процесса формирования безопасной информационной среды, способной обеспечить должный уровень распространения тех духовных и нравственных ценностей, которые можно отнести к разряду традиционных, сегодня с учетом вышеизложенного и наряду с иными мерами, необходима инвентаризация и систематизация терминов и понятий в сфере правового регулирования формирования безопасной информационной среды.

Обсуждение и заключения. Дефинитивная часть правового обеспечения формирования информационного пространства знаний только формируется, но она уже сейчас требует более быстрого и полного определения своего содержания и функционального характера по предмету отношений, формам и методам правового

---

[1] *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (дата обращения: 16.03.2023).

воздействия. Инвентаризация и систематизация терминов и понятий в сфере правового регулирования формирования безопасной информационной среды должна быть проведена в максимально сжатые сроки, так как это будет способствовать реализации правовых условий информационного противоборства на современном этапе развития информационного общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: формирование безопасной информационной среды, информационное пространство, традиционные ценности.

Для цитирования. Алексеева М.В., Подройкина И.А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):24–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-24-33

Original article

Legal Aspect of Forming the Secure Informational Environment Fostering Dissemination of the Traditional Russian Spiritual and Moral Values

Marina V Alekseeva[1, 2], Inna A Podroykina[2, 3]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, 20, Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Chechen State University named after A.A. Kadyrov, 32, Sheripova St., Grozny, Russian Federation

✉ 919820@mail.ru

Abstract

Introduction. During the last decades, several generations of people in Russia matured being disoriented in culture, traditional Russian spiritual and moral values. There can be observed the overwhelming replacement of the traditional values with pseudo-values and acceptance by people of the deviant behavior, often leading to self-destruction and new understanding of the norm. This became possible due to the absence of proper control over the flow of information on behalf of the state. Recently, our state has sensitized activities aimed at forming the informational environment fostering development of the high moral qualities in a person and adherence to the traditional value benchmarks. Since the information resources have a particular influence on moulding the present generation, the important task today is allocated to development and promotion of such information resources that can stop the process of losing the social and moral benchmarks by the present generation. The aim of the study is to evaluate the existing legislative acts from perspective of their capacity for full-scale regulation of the process of forming the secure informational environment, that can ensure the proper dissemination level of the spiritual, moral values, which are deemed traditional.

Materials and Methods. The legislative acts regulating the work of the modern information resources and their impact on the present generation have become the material for the study. Such general methods of scientific cognition as the dialectical and legalistic methods, as well as the analysis, synthesis, induction and deduction have been used in the article.

Results. In the Strategy of the Information Society Development in the Russian Federation for 2017 – 2030[2], the need to form an informational environment based on promotion of the information resources fostering dissemination of the traditional Russian spiritual and moral values is indicated. The idea itself, formulated in the concept, deserves unconditional support. At the same time, its implementation may face a number of problems and difficulties, which are primarily related to the conceptual apparatus. The absence of a uniform, high-quality conceptual apparatus in terms of the Russian language, the logic of replenishing, the unambiguous comprehension thereof for using in the allied regulatory legal acts, can depreciate all the attempts of the legislators to ensure forming the appropriate informational environment. To enable a complete regulation of the process of forming the secure informational environment, that can ensure the proper dissemination level of the spiritual and moral values, which are deemed traditional, it is necessary today, taking into account the above-mentioned and along with the other measures, to make an inventory and systematise the terminology and concepts in the sphere of legal regulation of the secure informational environment formation.

Discussion and Conclusions. The definitional part of the legal background for forming the infosphere of knowledge is

[2] *About the Strategy of the Information Society Development in the Russian Federation for 2017 – 2030.* Executive Order of the President of the Russian Federation № 203 of 09.05.2017. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (accessed: 16.03.2023).

yet under development, but it already requires a quicker and more complete definition of its content and functional nature in terms of the subject of relations, the forms and methods of legal impact. The inventory and systematisation of the terminology and concepts in the sphere of legal regulation of the secure informational environment formation should be carried out as soon as possible, because this will foster implementation of the legal conditions for the informational counteracting at the present stage of the Russian Federation information society development.

Keywords: forming the secure informational environment, infosphere, traditional values.

For citation. Alekseeva MV, Podroykina IA. Legal Aspect of Forming the Secure Informational Environment Fostering Dissemination of the Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):24–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-24-33

Введение. Вопросы, связанные с необходимостью формирования информационного пространства знаний (далее — ИПЗ), важностью данного процесса, его востребованностью в современном, изменяющемся мире, который все быстрее и интенсивнее наполняется различными информационными технологиями [1], с необходимостью защиты информационной среды [2] уже затрагивались исследователями. Теоретики поднимают и более глобальные проблемы — проблемы нового мирового порядка [3], на построение которого также оказывает серьезное влияние информационная среда.

В настоящее время, особенно на фоне событий последнего года, проблема наличия безопасной информационной среды стоит максимально остро. С сожалением мы констатируем тот факт, что последние более чем 30 лет в нашем государстве не уделялось достаточного внимания тем процессам, которые были связаны с формированием безопасной информационной среды. Более того, отсутствие должного контроля со стороны государства за потоками информации привело к тому, что сформировалось несколько поколений людей, дезориентированных в культуре, в традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Наблюдается тотальная замена традиционных ценностей псевдоценностями, признание людьми отклоняющегося поведения, нередко ведущего к самоуничтожению, новому пониманию нормы. В итоге молодое поколение не в состоянии критически оценить те процессы, которые наблюдаются сегодня, не видит исторических аналогий, не может спрогнозировать возможные последствия тотального мирового господства «избранных» стран. Отказ от воспитания в школах и других учебных заведениях привело к тому, что такие чувства, как патриотизм, любовь к Родине, самопожертвование, уважение к окружающим, к сложившимся традициям не сформированы у значительной части молодого населения. Последние несколько десятилетий наблюдалось недостаточное внимание к курсу отечественной истории, при этом учеников не учили анализировать факты, делать выводы, находить связи исторических событий. Выпускники школ были готовы отвечать на типизированные вопросы, запоминать даты, не имеющие особого смыслового значения. В России выросло поколение, на которое, с одной стороны, возлагаются надежды, связанные с воспроизводством населения и соответственно воспитанием нового поколения, а с другой — с возможностью разрушения однополярного мира. Получив такой негативный результат, наше государство в последние годы, пусть запоздало, но все же активизировало деятельность, направленную на разработку механизмов формирования среды, которая бы способствовала развитию нравственных качеств человека, приверженность к традиционным ценностным ориентирам. Так как особое влияние на формирование подобной среды оказывают информационные ресурсы, то и важной задачей становится развитие и популяризация именно тех информационных ресурсов, которые способны обратить вспять процесс утраты населением социально-нравственных ориентиров.

Целью исследования является оценка существующих нормативных актов с позиции полноты регулирования процесса формирования безопасной информационной среды, способной обеспечить должный уровень распространения тех духовных, нравственных ценностей, которые относятся к разряду традиционных. Для решения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– определить круг документов, принятие которых направлено на формирование безопасной информационной среды, популяризацию распространения ценностей, являющихся традиционными для нашего государства и общества;

– проанализировать их терминологический аппарат, корректность используемых формулировок, наличие корреляционных связей;

– сформулировать авторские выводы с учетом заявленной темы исследования.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с построением безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — традиционных РДНЦ). В исследовании использованы: 1) диалектический метод познания, который обеспечил возможность всестороннего рассмотрения заявленной темы, с выявлением существующих противоречий и оценкой действующих нормативных актов с позиции полного регулирования процесса формирования безопасной информационной среды; 2) формально-юридический метод, на основе которого обоснован тезис о том, что задачей современности становится развитие и популяризация именно тех информационных ресурсов, которые способны обратить вспять процесс утраты населением социально-нравственных ориентиров с учетом роли и места информационных ресурсов в структуре правовой действительности; 3) методы анализа, синтеза, индукции и дедукции позволили исследовать достаточный массив специальной и научной литературы, систематизировать полученные знания и сформулировать аргументированные выводы.

Результаты исследования. Определяя меры для формирования ИПЗ, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы[3] обозначает необходимость «сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных РДНЦ» (подп. «г» п. 26). Данное положение соотносится с другими положениями, содержащимися в Стратегии и определяющими приоритетное значение традиционных РДНЦ для развития информационного общества в России (подп. «г» п. 3), а духовно-нравственного воспитания граждан — для формирования ИПЗ (подп. «а» п. 26). В то же время правовое регулирование реализации рассматриваемой меры имеет ряд проблем и сложностей, связанных с использованием необходимых для него правовых терминов и понятий, без которых оно не будет эффективным. Используются следующие термины и понятия по предметам и областям деятельности рассматриваемого правового регулирования: «формирование безопасной информационной среды» и «популяризация информационных ресурсов», а также «традиционные РДНЦ» и «распространение традиционных РДНЦ».

Используемый в Стратегии термин «формирование безопасной информационной среды» — новый для российского права. Традиционно дефинитивную основу рассматриваемой сферы правового регулирования обеспечивает правовой термин «обеспечение информационной безопасности», а с недавнего времени используются термины «формирование безопасной среды оборота достоверной информации» и «развитие безопасного информационного пространства». Доктрина информационной безопасности РФ[4] использует и определяет понятие «обеспечение информационной безопасности» как реализацию мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере, и устранение тех негативных последствий, которые проявились. Достижение национальных интересов в информационной сфере, в соответствии с Доктриной, направлено на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития и национальной безопасности страны (п. 9).

Стратегия национальной безопасности РФ[5] (2021 г.) (далее — Стратегия) определяет, что ее национальным интересом на современном этапе в том числе является «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» (подп. 4 п. 25). Обеспечение и защита национальных интересов РФ, согласно Стратегии, осуществляются в том числе за счет реализации такого стратегического национального приоритета, как «информационная безопасность» (подп. 4 п. 26). Целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета РФ в информационном пространстве (п. 56), а её достижение осуществляется путем решения в том числе такой задачи, как «формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры РФ и устойчивости ее функционирования» (подп. 1 п. 57).

Анализ приведенных положений показывает, что в документах стратегического планирования структуру и содержание обеспечения информационной безопасности как предмета, формирующего сферу правового регулирования, определяют:

[3] *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.* Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (дата обращения: 16.03.2023).

[4] *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 646 от 05.12.2016. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002 (дата обращения: 16.03.2023).

[5] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения: 16.03.2023).

– система мер по выявлению угроз информационной безопасности, пресечению и ликвидация последствий их реализации;
– безопасная среда оборота достоверной информации;
– защищенность информационной инфраструктуры и устойчивость ее функционирования.

Влияние информации на формирование предмета отношений в данном случае определяется на основе такого параметра её комплексного качества, как достоверность. Та же Стратегия развития информационного общества неоднократно указывает на необходимость получения, сохранения, производства и распространения достоверной информации. О ценности как параметре комплексного качества информации в документах стратегического планирования напрямую речи не идет. В то же время определенная в них к решению задача «формирование безопасной среды оборота достоверной информации» связана с обеспечением значимости информации для конкретного субъекта в каких-либо правоотношениях, т. е. именно с таким юридическим свойством информации, как её субъективная ценность.

Цели формирования ИПЗ названная Стратегия определяет как «обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора». Таким образом, «формирование безопасной среды оборота информации, которая является достоверной…» соответствует сложившейся в праве концепции структуры информационной безопасности. К числу ее базовых составных частей можно отнести «состояние информационной среды, способной удовлетворить информационные потребности субъектов соответствующих отношений; безопасность информации; состояние защищенности от негативного информационного воздействия» [4].

При этом следует помнить, что «защищенность субъектов от негативного информационного воздействия», как правило, обеспечивается в результате таких видов деятельности, как контрольно-надзорная и правоохранительная. «Состояние информационной среды, способной удовлетворить информационные потребности соответствующих субъектов» обеспечивается организационными формами деятельности, к которым относятся регламентирование, материально-техническое и программно-технологическое обеспечение, информационно-разъяснительная работа и т. д. «Безопасность информации» — это, прежде всего, состояние защищенности информации от несанкционированного доступа к данной информации.

Термин «информационная среда» используется в двух значениях:
– технические средства и способы хранения, обработки и передачи информации;
– информационные потоки, система информационного обмена, существующая в той или иной социальной среде.

С учетом этого в праве выделяются организационно-технологический и культурологический подходы к определению понятия «информационная среда».

Легального определения понятия «информационная среда» в организационно-технологическом аспекте нет. Однако в ранее действовавшем Законе от 04.07.1996 № 85-ФЗ данное понятие определялось как «сфера деятельности субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации»[6].

В культурологическом аспекте «информационная среда» легально формулируется как «совокупность средств массовой информации, радио- и телевещание, сеть «Интернет», распространяемые с их помощью текстовые и визуальные материалы, информация, а также созданные и создаваемые цифровые архивы, библиотеки, оцифрованные музейные фонды»[7]. Данная дефиниция позволяет конкретно определить социальную значимость рассматриваемой меры формирования ИПЗ, её основные механизмы накопления и управления информационными ресурсами, способствующими распространению традиционных РДНЦ на основе их популяризации.

Механизм правового регулирования обеспечения информационной безопасности с учетом выделения субъективной ценности информации должен определять Закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[8] (далее — Закон об информации). Но, регламентируя отношения, возникающие при осуществлении права на информацию (п. 1 ч. 1 ст. 1), в том числе права на доступ к информации (ст. 8), признаков субъективной ценности информации как предмета отношений названный закон не выделяет. «Обеспечение информационной безопасности» в нем рассматривается преимущественно в рамках обеспечения защиты информации (п. 3 ч. 1 ст. 1, п. 5 ст. 3, ст. 16.). «Защищенность субъектов от негативного информационного воздействия» оценивается на основе определения доступности информации признаком для

[6] *Об участии в международном информационном обмене.* Федеральный закон № 85-ФЗ от 04.07.1996 (ред. от 29.06.2004) (утратил силу). Собрание законодательства Российской Федерации. 1996;28:3347.
[7] *Об утверждении Основ государственной культурной политики.* Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014. Собрание законодательства Российской Федерации. 2014;52(I):7753.
[8] *Об информации, информационных технологиях и о защите информации.* Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 14.07.2022). Собрание законодательства Российской Федерации. 2006;31(1):3448.

квалификации неправомерных действий в информационной сфере.

Применительно к «состоянию информационной среды, обеспечивающему удовлетворение информационных потребностей субъектов информационных отношений» анализируемый закон содержит множество положений о достоверности информации. При этом внесение в него изменений в части установления порядка ограничения доступа к различным видам информации, распространяемой с нарушением закона (ст.ст. 15.1. – 15.6.1. и др.), обеспечило дефинитивное оформление понятия «вредная информация». Тесная смысловая связь данного понятия с понятием «недостоверная информация» способствует пониманию того, что роль достоверности как требования и условия существования информации качественно меняется» и «этот принцип в настоящее время является не обеспеченным достаточной системой информационно-правовых средств его реализации на практике [5]. Таким образом, нормативного регулирования обеспечения информационной безопасности с учетом выделения субъективной ценности информации, в том числе на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных РДНЦ, в Законе об информации в полной мере пока не обеспечено.

Отдельно применительно к термину «формирование безопасной информационной среды» как к предметной дефиниции, следует сказать о термине «популяризация информационных ресурсов» как о дефиниции функционального характера, определяющей содержание действий по предмету отношений. В частности, слово «популяризация» в словарях определяется в двух значениях:

– изложение какого-либо вопроса в популярной, общедоступной форме;
– распространение чего-либо, стремление сделать что-либо широко известным[9].

Таким образом, «популяризация информационных ресурсов» означает «обеспечение их широкого распространения». Термин «популяризация информационных ресурсов» широко используется в документах стратегического планирования и нормативных актах, определяющих цели, задачи и меры по реализации государственной политики в духовной сфере при развитии информационного общества. Так, Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года[10] (2015 г.) определяет, что «расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов предусматривает, в том числе содействие популяризации в информационном пространстве традиционных российских культурных ценностей».

В соответствии с Федеральным проектом «Цифровая культура» национального проекта «Культура», в перечень базовых цифровых информационных ресурсов о культуре, создаваемых Минкультуры России, включены:

– единый портал популяризации культурного наследия и традиций народов России «Культура.РФ» (culture.ru);

– портал популяризации истории «История.РФ» (histrf.ru) и другие[11].

Положение о Национальной электронной библиотеке, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 20.02.2019 № 169, целями формирования пространства знаний определяет «создание единой, целостной и авторитетной совокупности накопленных человечеством знаний, повышение интеллектуального потенциала РФ, популяризацию российской культуры и науки, в том числе за рубежом»[12]. В отдельных правовых документах расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов предусматривает тесную связь их с популяризацией и пропагандой, что допустимо с учетом значения слова «популяризация» как «изложение какого-либо вопроса в популярной, общедоступной форме».

Документы стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ указывают на то, что в настоящее время именно с помощью пропаганды осуществляется идеологическое и психологическое воздействие на граждан, ведется насаждение системы идей и ценностей, чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества. С учетом этого применительно к содержанию рассматриваемой меры формирования ИПЗ следует говорить не о «популяризации и пропаганде…», а о «популяризации и продвижении традиционных ценностей». Кроме того, определение рассматриваемой меры формирования ИПЗ в таком контексте имеет «оборотную сторону медали», необходимую и для обеспечения «защиты традиционных РДНЦ, культуры и исторической памяти».

---

[9] Новый словарь иностранных слов. Популяризация. By EdwART; 2009. URL: https://dic.academic.ru /(дата обращения: 17.03.2023).

[10] Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р от 29.05.2015. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015;23:3357.

[11] Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project /(дата обращения: 17.03.2023).

[12] Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Национальная электронная библиотека» и методики отбора объектов Национальной электронной библиотеки. Постановление Правительства Российской Федерации № 169 от 20.02.2019 (ред. от 15.09.2020). URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902260002 (дата обращения: 17.03.2023).

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных РДНЦ[13] (далее — Основы) указывают, что взаимодействие органов публичной власти со средствами массовой информации и массовых коммуникаций реализуется в целях популяризации и продвижения традиционных ценностей и является «информационным инструментом реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» (п. 28). Термин «традиционные российские духовно-нравственные ценности» широко и предметно используется в праве. В частности, слова и выражения, отражающие смысл и значение данного термина для правового регулирования реализации рассматриваемой меры формирования ИПЗ, содержатся практически во всех Посланиях Президента Федеральному собранию. Тенденцию институализации традиционных РДНЦ как важной нормы социального регулирования отражают и многие документы стратегического планирования. Эта тенденция находит развитие в формах реализации права. В частности, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ дополнил Конституцию РФ новой ст. 67.1, которая констатирует значение традиционных РДНЦ как важнейшего фактора развития российской государственности и правовой системы[14]. Важным для системного закрепления анализируемого понятия в праве является и внесение изменений в Закон «Об образовании РФ» по вопросам воспитания обучающихся[15]. Развитие и конкретизация этого понятия также имеются в подзаконном регулировании, в частности, связанном с введением обновленных образовательных стандартов, осуществлением просветительской деятельности и развитием дополнительного образования детей. С учетом изложенного, как справедливо отмечает И.И. Горлова, основной методической задачей модернизации законодательства в области гуманитарного развития является четкое и логичное нормативно-правовое описание традиционных духовно-нравственных ценностей и создание на его основе отраслевого законодательства и подзаконных актов [6].

Однако и в этом вопросе также имеются проблемы и сложности. Так, в отечественной системе правового регулирования долго не было определено, какие ценности следует считать традиционными. Определение понятия «традиционные ценности» в Основах, хотя и вывело проблему из статического состояния, связано с осуществлением «опережающего» нормотворчества Президентом РФ и в полной мере не решает её. В частности, проект Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных РДНЦ (далее — проект Основ), определявший понятие «традиционные ценности» был опубликован Министерством культуры России для общественного обсуждения ещё в декабре 2021 года[16]. В феврале 2022 года Министерство культуры РФ приостановило общественное обсуждение проекта Основ, в том числе из-за критики в отношении определения понятия «традиционные ценности» [7], и заявило о необходимости поиска новых подходов к разработке документа. Однако в утвержденных в ноябре 2022 г. Основах определение понятия «традиционные ценности», по сути, существенных изменений не претерпело. То же самое можно сказать и об официальном списке традиционных РДНЦ. Долгое время данного списка не было, традиционные ценности указывались в разных источниках и в разном составе.

Стратегия национальной безопасности РФ (2021 г.) перечислила традиционные ценности системно. При этом система этих же ценностей, но несколько в иной иерархии и в ином содержании, определялась и в утратившей силу Стратегии национальной безопасности РФ (2015 г.)[17]. Проект Основ относил к традиционным ценностям традиционные РДНЦ, перечисленные в Стратегии национальной безопасности РФ (2021 г.). Однако, как уже было указано выше, его общественное обсуждение по причине «отсутствия единого мнение насчет того, какие ценности можно считать традиционными», было приостановлено. В утвержденных Основах перечень традиционных ценностей оставлен без изменений. Действительно, весьма трудно определить круг ценностей, которые можно отнести к числу традиционных, особенно на фоне того, что наше государство является многонациональным и многоконфессиональным, со сложным историческим путем развития. Неслучайно исследователи обращают внимание и на проблемы, которые возникают с дефиницией «правовая культура», а также с ее наполнением и механизмами реализации [8].

Применительно к традиционным РДНЦ как к предметной дефиниции рассматриваемой меры формирования ИПЗ отдельно следует выделить проблемные моменты, связанные с использованием термина «распространение … ценностей» как дефиниции функционального характера, определяющей действия не только

[13] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. Собрание законодательства Российской Федерации. 2022;46:7977.
[14] *О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти.* Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14.03.2020. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020;11:1416.
[15] *О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся.* Федеральный закон № 304-ФЗ от 31.07.2020. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020;31(I):5063.
[16] *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.* Проект Указа Президента Российской Федерации (по состоянию на 21.01.2022) (подготовлен Минкультуры России, ID проекта 01/03/12-21/00123967). URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967 (дата обращения: 18.03.2023).
[17] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015 (утратил силу). Собрание законодательства Российской Федерации. 2021;27(II):5351.

по предмету отношений, но и по форме воздействия на них права. В частности, в пределах сферы применения данный термин должен быть однозначным, но это не совсем так. Поскольку ценности как «значение объекта для субъекта» «проявляются в отношениях», которые как «субъективную связь человека с внешним объектом», распространить нельзя. Распространить можно лишь «опредмеченные ценности», т. е. носитель ценности, а не её саму [9]. При этом наиболее важным для понимания значения рассматриваемого термина является наличие у «опредмеченных ценностей» способности заменять живых людей в информационных процессах общения, коммуникации и управления. Ценности направляют, ориентируют все формы предметности и одновременно регулируют отношения людей на основе информации эмоционально-интеллектуального содержания, адекватно выражающей их отношение к миру. С учетом этого становится предельно понятной идея формирования безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных РДНЦ.

С учетом этого необходимо понимать и значение термина «распространение» в рассматриваемой дефиниции. «Распространение … ценностей» следует рассматривать не как «получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц» от «опредмеченных ценностей», а как «формирование режима свободного доступа к информации от «опредмеченных ценностей» для неопределенного круга лиц» с целью превращения ценностей социума в ценности личности на основе таких способов, как воспитание, образование, обучение и управление.

Обсуждение и заключения. Подведем итоги нашего исследования. На наш взгляд, следует согласиться с позицией некоторых исследователей, которые говорят о том, что полное отрицание идей советского социалистического устройства и их неприятие Конституцией РФ 1993 года не могло не привести через определенное время к желанию вновь вернуться к идеологическим смыслам некоторых правовых институтов и категорий, важность которых для будущего развития государства и общества, очевидно, была недооценена на начальном этапе в постсоветской России [10].

Анализ правового регулирования формирования безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных РДНЦ, показывает, что оно имеет ряд проблем и сложностей, связанных с использованием необходимых для него терминов и понятий, и без которых оно не будет результативным и эффективным. Применительно к предметам и областям деятельности рассматриваемой сферы правового регулирования это такие термины и понятия, как «формирование безопасной информационной среды», «информационная среда», «популяризация информационных ресурсов», «традиционные РДНЦ», «распространение … ценностей». Некоторые из них являются новыми для российского права. Другие имеют легальное определение, но не во всех аспектах своего словарного значения. Третьи получили институализацию как важной социальной нормы, но не имеют системного оформления в праве. Определенные термины и понятия имеют основания для придания им правовой интерпретации, отличной от их словарного значения.

Дефинитивная часть правового обеспечения формирования информационного пространства знаний только формируется. Однако рассмотренные термины и понятия являются базовыми в сфере правового регулирования формирования безопасной информационной среды и поэтому требуют скорейшего и полного определения своего содержания и функционального характера по предмету отношений, формам и методам правового воздействия.

Инвентаризация и систематизация терминов и понятий в сфере правового регулирования формирования безопасной информационной среды также необходима с учётом актуальности задач модернизации законодательства в области гуманитарного развития. Всё изложенное имеет важное значение для правового обеспечения государственного управления в информационной сфере и для эффективной реализации правовых условий информационного противоборства на современном этапе развития информационного общества Российской Федерации.

Список литературы

1. Nikitin E, Marius MC. Unified digital law enforcement environment — necessity and prospects for creation in the “BRICS COUNTRIES”. *BRICS Law Journal*. 2020;7(2):66–93.

2. Alekseeva M, Podroykina I, Isakova Y. *Legal basis for the use of educational technologies in the knowledge information space formation.* In: Rudoy D., Olshevskaya A., Kankhva V., editors. E3S Web of Conferences “Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). Divnomorskoe village, Russian Federation, August 19-30”; 2020:210.

3. Yujun F. The “post-pandemic era” world order and Russia’s strategic choice. *Comparative Politics Russia*. 2021;12(3):123–141.

4. Яковец Е.Н. *Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации* : учеб. пособие. Москва: Юрлитинформ; 2014. 408 с.

5. Устюжанина Е.В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2017;4:47–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dostovernosti-informatsii-postanovka-problemy (дата обращения: 18.03.2023).

6. Горлова И.И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования. *Культурологический журнал.* 2021;2–44. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/537.html&j_id=47 (дата обращения: 18.03.2023).

7. Шевелев А. «Так себе идея»: почему Минкульт не одобрил проект о защите традиционных ценностей. *Газета. RU.* 14.02.2022. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2022/02/14/14534881.shtml?updated (дата обращения: 18.03.2023).

8. Богданович Н.В., Мельник М.Р. Правовая культура с точки зрения психологии: возрастная специфика и гендерный аспект. *Психология и право*. 2022;12(4):125–139.

9. Каган М.С. *Философская теория ценности.* Санкт-Петербург: Петрополис; 1997. 205 с.

10. Масленникова С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;14(5):24–47.

References

1. Nikitin E, Marius MC. Unified digital law enforcement environment — necessity and prospects for creation in the “BRICS COUNTRIES”. *BRICS Law Journal*. 2020;7(2):66–93.

2. Alekseeva M, Podroykina I, Isakova Y. *Legal basis for the use of educational technologies in the knowledge information space formation.* In: Rudoy D, Olshevskaya A, Kankhva V, editors. E3S Web of Conferences “Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). Divnomorskoe village, Russian Federation, August 19-30”; 2020:210.

3. Yujun F. The “post-pandemic era” world order and Russia’s strategic choice. *Comparative Politics Russia*. 2021;12(3):123–141.

4. Yakovec EN. *Pravovye osnovy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* : ucheb. posobie [Legal Basis for Ensuring Information Security of the Russian Federation: handbook]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014. 408 p. (In Russ.).

5. Ustyuzhanina EV. Princip dostovernosti informacii: postanovka problemy [The Principle of Reliability of Information: a Problem Statement]. *Ehlektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu» – Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal*. 2017;4:47–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dostovernosti-informatsii-postanovka-problemy (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).

6. Gorlova II. Tradicionnye dukhovno-nravstvennye cennosti v normativno-pravovykh dokumentakh Rossijskoj Federacii: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya. [Traditional Spiritual and Moral Values in the Regulatory Legal Documents of the Russian Federation: State and Ways of Improvement. *Kul'turologicheskij zhurnal – Journal of Cultural Research.* 2021;2–44. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/537.html&j_id=47 (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).

7. Shevelev A. «Tak Sebe Ideya»: Pochemu Minkul't Ne Odobril Proekt o Zashchite Tradicionnykh Cennostej. *Gazeta.ru*. 2022 Feb. 14. (In Russ.). URL:https://www.gazeta.ru/culture/2022/02/14/14534881.shtml?updated (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).

8. Bogdanovich NV, Mel'nik MR. Pravovaya kul'tura s tochki zreniya psikhologii: vozrastnaya specifika i gendernyj aspekt [Legal Culture in Psychology: Age Specific and Gender Aspect]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 2022;12(4):125–139. (In Russ.).

9. Kagan MS. *Filosofskaya teoriya cennosti.* Saint-Petersburg: Petropolis Publ.; 1997. 205 p. (In Russ.).

10. Maslennikova SV. Ideologiya konstitucionnykh popravok 2020 g. v sfere social'nogo i ehkonomicheskogo razvitiya [Ideology of Constitutional Amendments of 2020 in the Sphere of Social and Economic Development]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki – Law. HSE University Journal*. 2021;14(5):24–47. (In Russ.).

Об авторах:

Алексеева Марина Владимировна, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, alekseeva80@yandex.ru

Подройкина Инна Андреевна, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20), профессор кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова» (364093, Россия, г. Грозный, ул. Шерипова, 32), доктор юридических наук, доцент, ORCID, 919820@ mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

М.В. Алексеева — формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов. И.А. Подройкина — определение методологии исследования, анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 02.04.2023.
Поступила после рецензирования 25.04.2023.
Принята к публикации 25.04.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Marina V Alekseeva, head of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), associate professor of the State and Law Disciplines Department, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (20, Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, 344002, RF), Cand. Sc. (Law), associate professor, ORCID, alekseeva80@yandex.ru

Inna A Podroykina, head of the Criminal Law Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (20, Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, 344002, RF), professor of the Criminal Law, Procedure and National Security Department, Chechen State University named after A. A. Kadyrov (32, Sheripova St., Grozny, 364093, RF), D. Sc.(Law), associate professor, ORCID, 919820@mail.ru

Claimed contributorship:

MV Alekseeva: formulating the main concept, preparation of the text, formulating conclusions. IA Podroykina: determining the research methodology, study results' analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 02.04.2023.
Revised 25.04.2023.
Accepted 25.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 349.414:630

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-34-46

Выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения в России: законодательные новеллы и их реализация

М.Е. Родина[1], **Н.В. Закалюжная**[2, 3]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

[3] Академия труда и социальных отношений, Российская Федерация, г. Москва, ул. Лобачевского, 90

✉ Puta_1990@mail.ru

Аннотация

Введение. Применение экстенсивного земле- и лесопользования на заброшенных сельскохозяйственных территориях долгое время оставалось без соответствующих законодательных норм, регламентирующих выращивание леса. Отчаявшиеся от непосильных штрафов за неиспользование сельскохозяйственных земель собственники поджигали леса на своей территории, причиняя себе, обществу, государству и природе значительный урон. Площадь заброшенных сельхозземель в России, пригодных для выращивания леса, составляет около 76 миллионов гектаров[1]. В 2020 году в отношении лесов, растущих на сельхозземлях, не используемых по назначению, было принято два чрезвычайно значимых нормативных правовых документа — Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509[2] (далее — Постановление № 1509) и Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482[3]. Заинтересованные в развитии данного направления хозяйствующие субъекты (в т. ч. собственники, лесоводы) отметили положительную динамику развития законодательства, поскольку открылись большие возможности для преумножения лесов — появилась возможность заняться лесным фермерством и выращивать лес на заброшенных землях сельскохозяйственного назначения, создавать лесные питомники, развивать сельские территории, особенно в Нечерноземье, что может принести пользу российскому лесному фонду, сохранению биоразнообразия и, что немаловажно — улучшить общую экологическую и климатическую ситуацию в стране и мире. К началу 2023 года законодатель внес существенные поправки в данную сферу правовых отношений, однако следует сказать, что правовое регулирование и разрешение многих вопросов в этой сфере продолжает оставаться затруднительным. Цель исследования — выявить проблемные вопросы развития законодательства о сельском лесоводстве в Российской Федерации и реализации Постановления Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509.

Материалы и методы. В статье проанализировано выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения. В ходе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также системно-структурный анализ.

Результаты исследования. Показано, что для развития сельского лесоводства установлены труднопреодолимые административные и регуляторные барьеры, и данное направление развития законодательства нуждается в серьезном переосмыслении. Необходимо принять срочные меры для выявления всех пробелов и недочетов и исправления ситуации.

[1] *Президент России поручил выращивать лес на заброшенных сельхозземлях.* URL: https://news.rambler.ru/ecology/48038499-prezident-rossii-poruchil-vyraschivat-les-na-zabroshennyh-selhozzemlyah/ (дата обращения: 18.02.2023).

[2] *Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения.* Постановление Правительства Российской Федерации № 1509 от 21.09.2020. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009230018 (дата обращения: 18.02.2023).

[3] *О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации.* Постановление Правительства Российской Федерации № 1482 от 18.09.2020. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020;39:6059. URL: https://base.garant.ru/74664078/ (дата обращения: 18.02.2023).

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы, связанные с внесением многочисленных поправок в Постановление № 1509, осложняющих выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения. Необходим переход на интенсивное лесопользование и устранение бюрократических барьеров для развития сельского лесоводства.

Ключевые слова: выращивание леса, заброшенные земли сельскохозяйственного назначения, интенсивное лесное хозяйство, агролесоводство, развитие лесного фермерства.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Родина М.Е., Закалюжная Н.В. Выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения в России: законодательные новеллы и их реализация. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;1(2):34–46. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-34-46

Original article

Growing the Forests on Agricultural Land in Russia: Legislative Novelties and Implementation Thereof

Maria E Rodina[1], Natalya V Zakalyuzhnaya[2, 3]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] National Research University – Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation
[3] Academy of Labor and Social Relations, 90, Lobachevsky St., Moscow, Russian Federation

✉ Puta_1990@mail.ru

Abstract
Introduction. For a long time the application of the extensive land and forest management at the abandoned agricultural land had no respective legislative framework, that would regulate forests growing. The proprietors, who were in despair due to the excessive fines imposed on them for not using the agricultural land, had been burning up the forests on their lands causing considerable damage to themselves, society, the state and nature. In Russia, the area of the abandoned agricultural land suitable for forestry is about 76 million hectares[4]. In 2020 two extremely important regulatory legal documents concerning the forests located on the agricultural land not used in compliance with its intended purpose were adopted – the Russian Federation Government Decree No 1509[5] of September 21, 2020 (hereinafter – Decree No 1509) and the Russian Federation Government Decree No 1482[6]. The business entities (including the proprietors and forest managers) interested in development of this sector have noted the positive dynamics in the legislation development because of the profound opportunities opened for forests multiplication — there appeared the opportunities for forest farming and growing the forests on the abandoned agricultural land, setting-up the nursery forests, developing the rural territories, particularly in the Non-Black-Soil zone, all of these can benefit the Russian forests stock, preserve biodiversity and, not the least, improve the overall ecological and climate situation in the country and in the world. By the beginning of 2023, this sector of legal relationships has been significantly amended by the legislators, however it should be noted, that the legal regulation and settlement of many issues in this sector still remain difficult. The aim of the present research is to distinguish the problematic issues in development of the Russian Federation agroforestry legislation and implementation of the Russian Federation Government Decree No 1509 of September 21, 2020.
Materials and Methods. In the article, the issue of growing the forests on agricultural land was analysed. The general scientific and specific scientific methods were used in the research. The methodology of the study was based on the dialectical method, as well as on the legalistic, comparative-legal, system-structural kinds of analysis.
Results. It was revealed, that the formidable administrative and regulatory barriers have been set forth the agroforestry evolvement and this sector of the legislation development needs serious reassessment. Urgent steps must be taken to

[4] *Russian President instructed to grow the forests on the abandoned agricultural land*. Available at: https://news.rambler.ru/ecology/48038499-prezident-rossii-poruchil-vyraschivat-les-na-zabroshennyh-selhozzemlyah/ (accessed: 18.02.2023).
[5] *The Russian Federation Government Decree No. 1509 of 21.09.2020 "On particulars of management, protection, reproduction of forests located on agricultural land" (Along with the "Guidelines on particulars of management, protection, reproduction of forests located on agricultural land".* Available at: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202009230018 (accessed: 18.02.2023).
[6] *The Russian Federation Government Decree No. 1482 of 18.09.2020 "On signs of non-use of agricultural land plots for their intended purpose or use in violation of the legislation of the Russian Federation".* The Russian Federation Corpus of Legal Acts. 2020. No 39. Clause 6059. Available at: https://base.garant.ru/74664078/ (accessed: 18.02.2023).

identify all the gaps and shortcomings and to rectify the situation.
Discussion and Conclusions. The problems caused by adding the numerous amendments to the Decree № 1509, complicating the forests growing on agricultural land, have been revealed. The transit to the intensive management of forests and removal of bureaucratic barriers in development of the agroforestry are deemed necessary.

Keywords: growing the forests, abandoned agricultural land, intensive forestry, agroforestry, development of forest farming.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to the significant enhancement of the article's quality.

For citation. Rodina ME, Zakalyuzhnaya NV. Growing the Forests on Agricultural Land in Russia: Legislative Novelties and Implementation Thereof. *Legal Order and Legal Values.* 2023;l(2):34–46. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-34-46

Введение. «Лесоводство становится, таким образом, искусством, которое не только умеет пользоваться лесом без истощения его, но и ставит себе более трудную задачу — преобразовать лесную действительность в таком направлении, чтобы она полнее и лучше удовлетворяла человеческое общество в его разнообразных запросах по отношению к лесу» [1]. По разным оценкам, на 2017 год площадь заросших лесом полей и пастбищ в России составляла от 60 млн до 100 млн га[7], более 44 %[8]. В 2016 году Н.И. Шагайда, член экспертного совета комитета по аграрным вопросам Государственной Думы РФ, отмечала, что не используется 53-60 % сельхозземель, находящихся в собственности государства, и порядка 15 % в частной собственности. При этом государство никак не наказывается, а весь репрессивный законодательный механизм направлен на частного собственника[9]. Некоторые авторы отмечают, что на самом деле никому не известна точная площадь не используемых сельхозземель, поскольку инвентаризация земли десятилетиями не проводилась[10]. Инвентаризационные работы для земель всех категорий были проведены в рамках реализации федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра (1996 – 2001 годы)» [2, с. 165]. К сожалению, на начало 2023 года в открытых источниках не представилось возможным найти более точную и актуальную статистику. Ее не оказалось и на сайте Федеральной службы государственной статистики. Цель исследования — выявить проблемные вопросы развития законодательства о сельском лесоводстве в Российской Федерации, связанные с реализацией Постановления Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509.

До начала нулевых годов XXI века не было однозначного разделения леса, располагающегося на землях сельскохозяйственного назначения, на лес колхозов и совхозов и лес, самовольно выросший на заброшенных сельскохозяйственных угодьях. С.А. Липски отмечал, что «по разным оценкам в 1990-е годы было заброшено 30-50 млн га сельскохозяйственных земель» [3, с. 107]. Основной проблемой земельно-имущественной сферы С.А. Липски называл недостаточность (фактически — отсутствие) законодательной регламентации оборота земель [4], а также данный автор говорил, что сельскохозяйственные угодья — это ресурс особый. Ошибочные решения в этом вопросе имеют пролонгированные негативные последствия для общества и развития национальной экономики [5]. Существовала практика обращения заросших сельхозугодий в лес или возвращения в сельскохозяйственный оборот в зависимости от хозяйственной целесообразности, а также лесоразведения на наименее удобных и малопродуктивных сельхозземлях. Фактически эта практика прекратилась с исчезновением межхозяйственных (сельских) лесхозов и отдельной системы управления лесами на землях сельхозназначения

[7] *Можно ли выращивать леса на заброшенных сельхозземлях.* Официальный сайт Ведомости экологии. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/articles/2022/01/31/907093-pravitelstvo-opredelit-vozmozhnost-viraschivat-lesa-na-zabroshennih-selhozzemlyah (дата обращения: 18.02.2023); *Сельхозперепись: крестьяне забросили Россию.* Официальный сайт Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/12/04/11031884.shtml (дата обращения: 18.02.2023).
[8] *В России не используется 44% сельхозугодий. Как показала перепись, площадь заброшенных земель в 2,5 раза выше предыдущих оценок.* Официальный сайт Агроинвестор. URL: www.agroinvestor.ru/analytics/news/29033-44-selkhozugodiy-v-rossii-ne-ispolzuyutsya (дата обращения: 18.02.2023).
[9] *53-60% сельхозземель в госсобственности не используется.* Официальный сайт DairyNews.today. URL: https://dairynews.today/news/53-60-selkhozzemel-v-gossobstvennosti-ne-ispolzuet.html (дата обращения: 18.02.2023).
[10] *Хозяева леса. В России начинает формироваться класс аграриев-собственников лесных территорий.* Официальный сайт Агроинвестор. URL: www.agroinvestor.ru/analytics/article/37044-khozyaeva-lesa-v-rossii-nachinaet-formirovatsya-klass-agrariev-sobstvennikov-lesnykh-territoriy (дата обращения: 18.02.2023).

после принятия Федерального закона от 29.12.2004 года № 199-ФЗ[11] и Лесного кодекса РФ 2006 года[12] (далее — ЛК РФ). С.Н. Чернов считает, что погрешности, допущенные при принятии ЛК РФ, не дали ощутимых экономических и социальных результатов и привели лесное хозяйство и промышленность страны и субъектов Российской Федерации к отставанию от ведущих лесных стран и структурному кризису в отрасли [6].

У лесов на сельскохозяйственных землях не было внятного правового статуса, вследствие чего собственникам таких земель продуктивно и законно вести на них лесное хозяйство было затруднительно. Г.Н. Полянская отмечала, что «насаждения, находящиеся в сельской местности, по большей части никакой правовой охране не подлежат, и подобное положение нельзя было признать нормальным» [7, с. 100]. Ю.И. Щуплецова полагала, что «хотя в ст. 6 ЛК РФ в редакции Федерального закона № 538-ФЗ земли сельскохозяйственного назначения прямо названы в числе земель, на которых могут быть расположены леса, правовой режим этих лесов по-прежнему остается неопределенным [8]. При этом важным вопросом оставалось определение правового статуса многолетних насаждений, располагающихся на иных категориях земель, в частности, на землях сельскохозяйственного назначения, а не на землях лесного фонда [9]. В декабре 2018 года, после корректировки норм, регламентирующих лесную сферу, в ЛК РФ появилась отдельная статья 123, в соответствии с которой лес может располагаться на отведенных под сельское хозяйство землях для их освоения, а использование леса, его охрану, защиту и воспроизводство определяет Правительство РФ. А.Р. Лаврентьев, С.В. Тищенко считают, что «объективно запоздало, но завершена первая стадия формирования юридической основы использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов на землях, не отнесенных к землям лесного фонда» [10, с. 23]. При этом ранее именитые ученые И.Д. Казанцев и И.В. Павлов полагали, что «...занятие сельскохозяйственных земель для несельскохозяйственных целей не должно иметь места без крайней к тому необходимости...» [11, с. 135]. Относительно таких лесов в 2019 году набрала обороты дискуссия. Минприроды РФ предлагало изымать такие земли у собственников и передавать их государству с переводом таких земель в лесной фонд. Однако Минэкономразвития РФ отрицательно отнеслось к такому плану и сочло, что вреда от такого проекта будет больше, чем пользы, тем более что план в принципе не предполагал ведение лесного хозяйства на заброшенных сельскохозяйственных землях.

В начале 2020 года Президент России дал задание соответствующим структурам разработать комплексную нормативную базу для лесного фермерства на заброшенных полях[13]. После принятия вышеназванных Постановлений Правительства РФ многие собственники лесов, располагающихся на сельскохозяйственных землях, рассчитывали стать лесными фермерами. Некоторые аграрии стали специально приобретать участки, заросшие деревьями, поскольку в первой редакции Постановления № 1509 можно было просто уведомить надзорные органы о том, что земля будет использоваться для выращивания леса и рационального им управления по своему усмотрению. Собственниками сельхозземель и иными заинтересованными в данном вопросе лицами отмечались, конечно, некоторые недоработки Постановления № 1509, которые необходимо устранить, но в целом предполагалось, что в ближайшие десятилетия принципиально изменится судьба всего лесного комплекса. По мнению А. Ярошенко, этот долгожданный документ предоставил условное право на существование незапланированным лесам[14]. При этом, по мнению О.В. Заиграевой, появившаяся в ЛК РФ статья 12.1 содержит понятие «лесной комплекс», но появилось еще больше вопросов, поскольку для лесного хозяйства это использование и сохранение лесов, а для промышленности – добыча леса, а не восстановление [12].

Важность лесного фермерства уже несколько лет отмечают Президент России, Совет по правам человека, Гринпис и десятки тысяч граждан России. Однако на заседании Президиума Госсовета РФ о повышении эффективности лесного комплекса еще в 2013 году отмечалось, что необходимо создавать условия для деятельности, в том числе, лесного фермерства, которое нуждается в серьёзном научном обосновании[15].

Ведение лесного хозяйства на заброшенных сельскохозяйственных землях имело и имеет как сторонников, так и противников. Несмотря на громадные возможности сельского лесоводства, оно в России фактически находится под запретом, что объясняется противоречиями между нормами лесного и земельного законодательства. Отмечается преобладание запретительно-репрессивных правил (несмотря на поручение

---

[11] О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований. Федеральный закон № 199-ФЗ от 29.12.2004. URL http://www.kremlin.ru/acts/bank/21864 (дата обращения: 18.02.2023).

[12] Лесной кодекс Российской Федерации. № 200-ФЗ от 04.12.2006. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 18.02.2023).

[13] Президент России поручил выращивать лес на заброшенных сельхозземлях. URL: https://news.rambler.ru/ecology/48038499-prezident-rossii-poruchil-vyraschivat-les-na-zabroshennyh-selhozzemlyah (дата обращения: 18.02.2023).

[14] Разрешение, которое запрещает: как в 2022 году решается вопрос с лесоводством на сельхозземлях. Официальный сайт производственного объединения Теплоресурс. URL: https://forestcomplex.ru/forestry/kak-reshaetsya-vopros-s-lesovodstvom-na-selhozzemlyah/ (дата обращения: 18.02.2023).

[15] Заседание президиума Госсовета о повышении эффективности лесного комплекса. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/17876 (дата обращения: 18.02.2023).

Президента РФ выращивать лес на неиспользуемых по целевому назначению сельхозземлях и проводить соответствующий учет), хотя экономика государства и собственники сельскохозяйственных земель смогут получить пользу и преимущества – выращенный полноценный лес можно использовать и воспроизводить; уменьшить количество лесных пожаров; смягчить последствия негативных климатических изменений; сохранить многие редкие виды животных и растений; делать долгосрочные инвестиции, самостоятельно планировать лесохозяйственные мероприятия (лесовосстановление, уход, рубку), рассчитывая на получение дохода (что представляет интерес, в том числе, с позиции баланса частных и публичных интересов [13]); развивать социально-экономические проекты и обеспечивать работой сельских жителей, реализовывать и совершенствовать разнообразные лесоклиматические проекты. Развитие российской лесной промышленности пока довольно зависимо от иностранных партнеров, и такую зависимость надо преодолевать, на что 10.02.2023 года указал В. В. Путин на Совещании по развитию лесопромышленного комплекса[16].

Итоги двух последних лет реализации Постановления № 1509 года для сельского лесоводства оказались противоречивыми и в целом довольно безрадостными, прежде всего вследствие внесения в данный документ серьезных поправок, вводящих требования, которые трудновыполнимы или обременительны, и увеличения регуляторной и административной нагрузки на собственников земель сельскохозяйственного назначения, желающих выращивать лес на своих землях. При этом следует отметить, что Президент РФ в апреле 2022 года подчеркивал необходимость освобождения бизнеса от неоправданных регуляторных барьеров для решения задач[17].

Таким образом, вопросы, касающиеся сельского лесоводства, настолько актуальны и грандиозны в наше время, что заслуживают отдельного внимания, чем и предопределена актуальность избранной темы исследования. Следует более внимательно отнестись к правовым недоработкам этой сферы и быстрее устранить правовые пробелы для сохранения и преумножения леса – нашего богатства.

Материалы и методы. Основу настоящего исследования составили законодательство Российской Федерации, разработки и мнения российских ученых, экспертов Гринпис и WWF России, института аграрных исследований в сфере реализации новелл законодательства о выращивании и использовании леса на заброшенных сельскохозяйственных землях. Были исследованы труды Г. Ф. Морозова, С. А. Липски, А. Ю. Ярошенко, С. Н. Чернова, Г. Н. Полянской, Ю. И. Шуплецовой, А. Р. Лаврентьева, А. Р. Тищенко, И. Д. Казанцева, Э. А. Павлова, И. В. Авдеева, М. А. Меня, Н. М. Шматкова, Е. Серовой и др. ученых. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, метод сравнительного правоведения, а также системно-структурный анализ.

Результаты исследования. В 2019 году провалилась попытка создать национальную систему инвентаризации леса России. Как указано в отчете аудитора Счетной палаты РФ М. А. Меня, оценка осуществления лесоустройства в России в 2015–2019 годах показывает, что невозможно предоставить государству актуальные и достоверные сведения о том, в каком состоянии находится лесной ресурс страны, так как информация о лесах на площади земли 967,0 млн га не актуальна[18]. Между тем преобладает всеобщее понимание того, что страна у нас большая и леса у нас много. Однако в сети Интернета появляется информация о масштабной вырубке лесов и насколько катастрофична ситуация с лесами в отдельных регионах, которые дают максимальные показатели заготовки древесины в кубометрах с гектара леса, прежде всего, на севере и в средней полосе России, где ресурсы наиболее востребованы промышленностью.

Так, например, в Карелии вырубают планируемый заказник «Максимъярви» — один из последних участков дикой тайги в этой республике, где веками сохранялись леса (в среднем деревьям здесь от 150 до 200 лет, а некоторым может быть и более 300 лет) и обитает краснокнижный олень. Арендаторы леса более 15 лет сохраняли добровольный мораторий на территории, где планировался заказник. Однако осенью 2022 года лесозаготовительная компания, входящая в холдинг «Сегежа Групп», от моратория на вырубку отказалась, и к февралю 2023 года вырубленными оказались около 350 га уникальных лесных ландшафтов[19]. Или только в Томском районе в Западной Сибири под угрозой вырубки находится 1800 квадратных километров леса[20].

---

[16] *Путин призвал преодолеть зависимость леспрома от иностранных партнеров*. Официальный сайт РИА новости. URL: https://ria.ru/20230210/putin-1851190499.html (дата обращения: 18.02.2023).

[17] *Путин поручил снизить регуляторную и административную нагрузку на бизнес*. Официальный сайт РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/11/04/2022/62543d7e9a7947e0db985eb8 (дата обращения: 18.02.2023).

[18] Мень М.А. *Де-факто -лес, по документам – пашня.* Интервью аудитора Счетной палаты Михаила Мень — об учетной катастрофе. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/news/defakto-les-po-dokumentam-pashnya-auditor-schetnoy-palaty-mikhail-men-ob-uchetnoy-katastrofe (дата обращения: 18.02.2023).

[19] *За полгода там можно вырубить весь заказник*. Интернет-газета «СТОЛИЦА на Onego.ru». URL: https://stolicaonego.ru/analytics/za-polgoda-tam-mozhno-vyrubit-ves-zakaznik/ (дата обращения: 18.02.2023).

[20] *Лес сельскохозяйственного назначения*. Общероссийский народный фронт. URL: https://onf.ru/2022/02/17/les-selskohozyaystvennogo-naznacheniya/ (дата обращения: 18.02.2023).

Рис. 1. Планируемый заказник «Максимъярви» в Карелии[21]

Рис. 2. Вырубка в Коломенском, Москва, 2023 год[22]

Рис. 3. Сейчас мы ничего не знаем о состоянии лесов в России на площади, практически эквивалентной территории США. Фото: SHUTTERSTOCK.COM[23]

Если добавить к этой картине ежегодно увеличивающиеся масштабы лесных пожаров, то можно понять, насколько удручающей является картина с состоянием и количеством лесов в стране. Приведенные примеры ярко свидетельствует о том, что необходимо принимать срочные меры для исправления ситуации. Е. Н. Абанина, Е. А. Сухова видят угрозу в сокращении потерь лесных ресурсов от пожаров, поскольку последствиями игнорирования угроз является уменьшение площади лесов, что ухудшает качество воздуха и состояние почвы, а также считают, что необходимо увеличивать площади и улучшать их качество, а также сокращать потери лесных ресурсов от пожаров, увеличивая площади лесовосстановления [14]. С. А. Ступина, изучая умышленное уничтожение или повреждение лесных насаждений путем поджога, отмечает, что «необходимо в полной мере использовать существующий репрессивный потенциал соответствующих санкций» [15, с. 80]. При этом следует отметить и то, что многим собственникам сельхозземель сейчас сложно и они вынуждены либо отказаться от своих участков, либо уничтожить выросший лес, в том числе с помощью поджогов во избежание весьма солидных штрафов согласно ст. 8.8. КоАП РФ[24]. Здесь необходимо сказать о положительном решении Федерального агентства лесного хозяйства РФ (Рослесхоза), который 13.02.2023 года ввел мораторий на весенний профилактический отжиг сухой травы, так как бесконтрольное выжигание травы местным населением

[21] *Планируемый заказник «Максимъярви»*. Фото Панченко Д.В. Карельская региональная общественная организация Северная природоохранная коалиция. http://spok-karelia.ru/?id=696 (дата обращения: 18.02.2023).

[22] *Как сотня футбольных полей: в охранной зоне Коломенского вырубили 100 гектаров леса*. Официальный сайт Москвич Mag. URL: https://moskvichmag.ru/gorod/kak-sotnya-futbolnyh-polej-v-ohrannoj-zone-kolomenskogo-vyrubili-100-gektarov-lesa (дата обращения: 18.02.2023).

[23] *Русского леса скоро не будет: о чём молчит счётная палата*. Первый русский. URL: https://tsargrad.tv/articles/russkogo-lesa-skoro-ne-budet-o-chjom-molchit-schjotnaja-palata_259203 (дата обращения: 18.02.2023).

[24] *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях*. № 195-ФЗ от 30.12.2001. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002;1(1):1. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 18.02.2023).

приводит к возникновению ландшафтных пожаров, которые могут стать причиной возгорания лесов[25].

Одним из основных и наиболее эффективных способов улучшения ситуации в сфере лесоустройства — развитие агролесоводства на сельхозземлях, не используемых и находящихся в благоприятных природных и социальных условиях. Отмечается, что во многих регионах масштабы земель сельскохозяйственного назначения сокращаются и зарастают лесной растительностью, поэтому необходимо выращивание плантаций различного назначения в сочетании с аграрным направлением в рамках организации агролесоводческих хозяйств [16].

В настоящее время действует федеральный проект «Сохранение лесов» Национального проекта «Экология» (2019–2024 годы)[26], который, как полагает глава Минприроды А. Козлов, необходимо продлить до 2030 года. Г.В. Выпханова, Н.Г. Жаворонкова указывают, что «проект должен коррелировать с документами стратегического целеполагания, определяющими государственную лесную политику» [17, с. 25]. В Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года указано[27], что леса на землях, отведенных под сельское хозяйство, заслуживают пристального внимания. Но архиважно не просто сохранить леса, а увеличить их площадь, чему и могло бы поспособствовать сельскохозяйственное лесоводство, ведь посадить и сохранить лес в разы выгоднее, чем продолжать использовать старую экстенсивную систему лесопользования и бездумно истреблять лес. Однако, как указывает В. Н. Харьков, лесные планы субъектов РФ и лесохозяйственные регламенты лесничеств создаются на базе устаревших сведений, так как их основой являются данные лесоустройства, которым более 20 лет [18], а Е. С. Пышьева считает, что «вопросы защитного лесоразведения на федеральном уровне в последние десятилетия фактически выпали из правового поля» [19, с. 218].

На наш взгляд, следует обратиться к примерам лесопользования в других странах. Так, в Китае с 1990 года реализуется шесть национальных программ, направленных на расширение лесного покрова и создание плантаций. Гибкая система предполагает участие в высадках леса предприятий, сельских и городских жителей [20]. Главный инициатор и спонсор основных программ по лесному восстановлению в Китае — центральное правительство страны. Сначала разработка программ была инициирована как противодействие разрушительным природным катаклизмам, но впоследствии программы были направлены на получение социальной и экономической выгоды, обеспечивающей устойчивое развитие. С помощью таких проектов удалось повысить продуктивность сельского хозяйства, выращивать дополнительное количество древесины, развивать сельские территории, бороться с бедностью, засухами, опустыниванием и деградацией почв. В 2021 году исполнилось 40 лет общенациональному проекту посадки деревьев в Китае для озеленения страны и увеличения ее лесных ресурсов[28]. К 2030 году страна планирует увеличить объем лесных запасов на 6 миллиардов кубометров, так как продолжит расширять лесонасаждение и охрану лесных ресурсов для улучшения экологической ситуации и качества окружающей среды[29]. Подобные программы есть и в Европейском Союзе с 1994 года.

Таким образом, применение интенсивного лесоводства дало возможность Китаю и ЕС опередить наше государство по выращиванию леса и заготовке древесины. Так, в 2018 году по официальным данным Россия заготовила древесины 238,6 млн м^3, Китай - 344,7 млн м3, а Евросоюз - 505,9 млн м^3)[30].

Между тем в Китае тоже активно вырубается лес, но промышленные рубки в диких лесах запрещены, так как такие территории способствуют сохранению окружающей среды, биоразнообразия и здоровья людей. Огромные средства Китай направляет на разведение лесов на освоенных землях, в том числе которые выбыли из сельского хозяйства, в некоторых случаях землю специально выкупают у крестьян[31], поддерживает плантационное лесовыращивание, в то время как Россия, наоборот, фактически его запрещает.

---

[25] *Траву по осени сжигают*. Официальный сайт Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5825582 (дата обращения: 18.02.2023).

[26] *План деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации на 2019–2024 годы*. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации № 9/12 от 11.03.2022. URL: https://rulaws.ru/acts/Plan-deyatelnosti-Ministerstva-prirodnyh-resursov-i-ekologii-Rossiyskoy-Federatsii-na-2019---2024-god-solt-budfdfia/ (дата обращения: 18.02.2023). *Паспорт национального проекта «Национальный проект «Экология»* Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394077/ (дата обращения: 18.02.2023).

[27] *Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года*. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 312 р от 11.02.2021. Собрание законодательства Российской Федерации. 2021;8(II):1398. Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/400335155/ (дата обращения: 18.02.2023).

[28] Морозов М. *Для прекрасной Родины: почему в Китае сажают деревья, а в России вырубают и жгут. Поднебесная занимает первое в мире место по лесопосадкам.* Свободная пресса. URL: https://svpressa.ru/world/article/294996/ (дата обращения: 18.02.2023).

[29] *17,5 млрд кубометров: Китай стал мировым лидером по площади искусственных лесов*. Официальный сайт газеты Труд. URL: https://www.trud.ru/article/11-03-2021/1400575_17_56_mlrd_kubometrov_kitaj_stal_ mirovym_liderom_po_ploschadi_iskusstvenno_posazhennyx_lesov.html (дата обращения: 18.02.2023).

[30] *Леса и лесоводство на землях сельхозназначения в России: положение дел в 2020 году*. Национальное лесное агентство. URL: http://nacles.ru/леса-и-лесоводство-на-землях-сельхозн/ (дата обращения: 18.02.2023). *Великая зеленая стена. Лесовосстановление в Китае.* Официальный сайт журнала ЛЕСПРОМинформ. URL: https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=6415 (дата обращения: 18.02.2023).

[31] *Откуда дровишки? Китай стал лидером по поставкам древесины в США и Европу*. Новые известия. URL: https://newizv.ru/news/2021-03-01/otkuda-drovishki-kitay-stal-liderom-po-postavkam-drevesiny-v-ssha-i-evropu-325631 (дата обращения: 18.02.2023).

Ярославская область[32] Тульская область[33] Ростовская область[34]

Рис. 4. Земли сельскохозяйственного назначения, зарастающие лесом, в различных регионах

Итак, заброшенные с 1990-х годов сельскохозяйственные земли, зарастающие деревьями и кустарниками, экономически выгодно использовать для лесовыращивания. В 2020 году «лед тронулся» — появилось Постановление № 1509, которым Правительство РФ упростило правила использования заросших лесом полей и дало возможность владельцам таких земель выбрать — либо расчистить ее и возвратить в аграрный оборот, либо заняться лесным фермерством. Определиться необходимо в течение двух лет, уведомив об этом территориальный контролирующий орган.

Однако, начиная уже с февраля 2021 года, публиковался пакет поправок к Постановлению № 1509, вызвавший у заинтересованных в лесоводстве на сельхозземлях граждан некоторое недоумение. Появились такие труднопреодолимые бюрократические барьеры, которые практически осуществляли полный запрет формы лесного фермерства в России.

Первая редакция проекта поправок к Постановлению № 1509 (размещена на сейте regulation.gov.ru) изменила уведомительный порядок использования земель для выращивания леса на разрешительный; были введены многочисленные основания для отказа в даче такого разрешения (например, употребление и написание терминов в тексте должно соответствовать правилам русского языка). Поправками установлены ограничения по времени — правообладатели либо уполномоченные ими лица до 01.10.2023 года вправе направить соответствующее заявление по его использованию и воспроизводству леса. Если принято отрицательное решение о невозможности такового использования и выявлены нарушения земельных норм, то правообладателю направляется предостережение[35] с обязательностью в конечном итоге уничтожения леса и расчистки земли. Регуляторная и административная нагрузка на бизнес в документе, содержащем поправки, была увеличена до максимально возможного уровня, практически запретительного. Несмотря на то, что проект был впоследствии изменен (например, убрали требования грамотного написания), запретительный характер сохранился

В январе 2022 года проходило заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, на котором Президент РФ поручил Правительству РФ совместно с Госсоветом РФ по направлениям «Сельское хозяйство» и «Экология и природные ресурсы» до 01.05. 2022 года проанализировать условия формирования и осуществления сельского лесоводства. Было предложено организовать учет и создать соответствующие условия его осуществления, в том числе для того, чтобы иметь возможность реализовывать климатические проекты и при необходимости внести соответствующие коррективы в законодательство Российской Федерации»[36].

Следует сказать, что к началу 2022 года правовой статус лесов и лесовыращивания на сельхозземлях был неоднозначным, поскольку Лесным кодексом РФ допускалось их существование, а Земельным кодексом РФ — нет. Постановление № 1509 дозволяло использовать эти земли для лесоводства, а Классификатор видов

---

32 *Покинутые сельскохозяйственные земли*. ЛЕСПРОМинформ. URL: https://lesprominform.ru/jarticles. html?id=4976 (дата обращения: 18.02.2023).

33 https://www.tulapressa.ru/wp-content/images/52a979bf6b24f9.95120445.jpg // yandex.ru/images/search?pos=26&text=В%20Туле%20и%20тульской%20области%20%20лесом%20зарастают%20сельхозземли%20фото%202023&img_url=http%3A%2F%2Ftulapressa.ru%2Fwp-content%2Fimages%2F52a979bf6b24f9.95120445.jpg&rpt=simage&lr=39 (дата обращения: 18.02.2023).

34 https://rassvetnews.ru/wp-content/uploads/2020/10/uchastok.jpg // yandex.ru/images/search?text=заросшие%20сельхополя%20в%20ростовской%20области&from=tabbar&pos=16&img_url=http%3A%2F%2Frassvetnews.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2020%2F10%2Fuchastok.jpg&rpt=simage&lr=39 (дата обращения: 18.02.2023).

35 *О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации*. Федеральный закон № 248-ФЗ от 31.07.2020. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020;31(I):5007. Официальный сайт КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 18.02.2023).

36 *Путин поручил создать нужные условия для выращивания лесов на заброшенных сельхозземлях*. ТАСС. URL: http://tass.ru/obschestvo/13564089?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.02.2023).

разрешенного использования земельных участков[37] не разрешал. Однако Постановление № 1509 устанавливало уведомительный порядок этого использования и довольно малое число регуляторных преград, вследствие чего за первые 15 месяцев действия Постановления № 1509 в Россельхознадзор было направлено 2487 уведомления от лиц, желающих вести лесное хозяйство на своих сельскохозяйственных землях, в отношении 10116 земельных участков, общая площадь которых составляла 552,73 тыс. га[38].

В 2022 году были приняты три правовых документа, которые внесли большое количество значительных правок, изменившие смысл Постановления № 1509 на противоположный и фактически запретившие лесоводство на сельхозземлях. Это:

– Постановление Правительства РФ от 08.06.2022 года № 1043[39];
– Федеральный закон от 05.12.2022 года № 507-ФЗ[40];
– Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 года № 38[41].

Отметим наиболее принципиальные изменения.

1) Постановление Правительства РФ от 08.06.2022 года № 1043 ввело трудновыполнимые, обременительные и коррупциогенные процедуры, которые хозяйствующие субъекты теперь обязаны выполнять, чтобы получить разрешение на лесоводство. Земельные участки должны быть уже заросшими лесом, площадь которых занимает 75 % всей площади земельного участка, а лес обладать определенными характеристиками (быть выше 5 м, сомкнутость крон - 0,8 и выше) (то есть, если такового нет, то и возможности дорастить или сохранить этот лес тоже нет, его необходимо уничтожить). Теперь необходимо составлять проект освоения лесов (п. 21 Постановления № 1509), подавать лесную декларацию (п. 21(1)), предоставлять отчеты об использовании лесов, об охране лесов от пожаров, о защите лесов, о воспроизводстве лесов и лесоразведении (п. 21(2)). Нельзя использовать лес на сельскохозяйственных землях для создания и эксплуатации лесных плантаций (!) (п. 9 ст. 25 ЛК РФ исключен); установлены случаи прекращения деятельности по ведению сельского лесоводства (ранее деятельность прекращалась только при подаче соответствующего уведомления). То есть первая редакция Постановления № 1509 фактически реально действовала только четыре месяца в осенне-зимний период.

2) Федеральный закон от 05.12.2022 года № 507-ФЗ внес изменения в ранее действовавшие нормативные правовые документы: кардинально упростил и сократил механизм изъятия земельных участков при наличии формальных признаков неиспользования их согласно целевому назначению. Ранее это были длительные процессы — сначала следовало три года подряд подтверждать факт неиспользования земельного участка, теперь же, согласно корректировке Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ[42], участок будет изъят, если хозяйствующий субъект приобрел его в соответствии со ст. 6 и не использует по целевому назначению по истечении одного года с момента приобретения. В соответствии со ст. 154 ГПК РФ соответствующие дела об изъятии рассматриваются и разрешаются до истечения месяца[43]. Этот документ действует в паре с Постановлением № 1482. Неофициально Федеральный закон от 05.12.2022 № 507-ФЗ стали называть законом о новом раскулачивании[44].

3) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 38 скорректировало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21[45] и истолковало более расширительно

---

[37] *Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков*. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. Приказ № П/0412 от 10.11.2020. Официальный интернет-портал правовой информации. КонтурНорматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document? moduleId=1&documentId=402779 (дата обращения: 18.02.2023).

[38] *Лес на сельхозземлях: запреты и итоги года*. СОВЕТ ГРИНПИС. URL: https://greenpeace.ru/expert-opinions/2022/12/20/les-na-selhozzemljah-zaprety-i-itogi-goda (дата обращения: 18.02.2023).

[39] *О внесении изменений в Положение об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения*. Постановление Правительства Российской Федерации № 1043 от 08.06.2022. Собрание законодательства Российской Федерации. 2022;24:4068. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404720367/ (дата обращения: 18.02.2023).

[40] *О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. Федеральный закон № 507-ФЗ от 05.12.2022. Собрание законодательства Российской Федерации.2022;50(III):8801. Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433284/ (дата обращения: 18.02.2023).

[41] *О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам*. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 38 от 15.12.2022. Российская газета. 2022;294. URL: https://rg.ru/documents/2022/12/28/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf.html (дата обращения: 18.02.2023).

[42] *Об обороте земель сельскохозяйственного назначения*. Федеральный закон № 101-ФЗ от 24.07.2002. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002;30:3018.

[43] *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации*. от 14.11.2002 N 138-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002;46:4532. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.02.2023).

[44] *Вступил в силу «закон о новом раскулачивании»*. Forestforum.ru. URL: https://dzen.ru/a/Y44eWFjgpjg-0gnd (дата обращения: 18.02.2023).

[45] *О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования*. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 18.10.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 18.02.2023).

незаконность рубок в свете применения ст. 260 Уголовного кодекса РФ[46]. Законно проводить рубку теперь можно лишь при наличии проекта освоения лесов (то есть при получении соответствующего разрешения) либо проекта культуртехнической мелиорации (то есть для возвращения земельного участка в сельскохозяйственный оборот). Статья 260 УК РФ в зависимости от масштабов рубок предусматривает штрафы, принудительные работы и лишение свободы сроком до семи лет.

Доцент кафедры геоэкологии и лесоустройства НовГУ имени Я. Мудрого Э. Авдеев называет систему лесного хозяйства химерой – с одной стороны рыночная экономика, а с другой — чрезвычайная монополия на лесные ресурсы в совокупности с избыточной нормативной зарегулированностью отрасли, чего не было даже при плановой экономике СССР. Все это создает препятствия для формирования продуктивного и устойчивого лесного хозяйства, без которого невозможен запрос на актуальное, корректное и эффективное лесоустройство[47].

Итак, как мы указывали выше, достоверных официальных данных о масштабе заброшенных сельхозземель, в том числе пригодных для лесоводства, не существует. Н. Шматков считает, что возвращаться к выращиванию сельскохозяйственных культур на таких полях не выгодно, так как возобновление на них деятельности сопряжено с высокими затратами.[48] Директор института аграрных исследований Е. Серова считает, если вовлекать в оборот большое количество земель, то это может спровоцировать перепроизводство и снижение внутренних цен на продукцию сельского хозяйства, а также, возможно, резкий разовый выброс CO2, который необходимо будет компенсировать, поскольку Россия участвует в Парижском соглашении, и, что очень важно, такие участки способствуют сохранению биоразнообразия, являясь территориями, на которых сберегается генетический биопотенциал[49].

На самом деле за последние десятилетия развивающиеся современные технологии, сорта и агрохимикаты принципиально повысили урожайность большинства сельскохозяйственных культур, вследствие чего нет необходимости в возврате всей земли в сельское хозяйство, особенно малопродуктивной. Научно-технический прогресс повышает эффективность сельского хозяйства, и теперь требуются гораздо меньшие площади, но более качественной земли. Поэтому нет смысла ни расчищать миллионы гектаров неиспользуемых сельскохозяйственных земель, ни надеяться, что когда-нибудь они еще будут востребованы, гораздо целесообразнее позволить желающим собственникам заняться выращиванием на них леса.

Тем не менее в России вновь стали активно обсуждать тему заброшенных сельхозземель, и в 2022 году Рослесинфорг начал оцифровывать древесно-кустарниковую растительность на таковых согласно второму циклу госинвентаризации лесов, что позволит комплексно проанализировать зарастающие земельные участки для оценки потенциала ведения лесного хозяйства на них[50]. Работы проводились в 27 регионах, где обнаружено 13,2 млн га заросших лесом полей.

С 2023 года в России действует государственная программа, целью которой обозначено возвращение к 2030 году в оборот 13,2 млн га неиспользуемых земель.[51] Поиск заросших лесом пашен начнут в пятнадцати регионах России, то есть речь идет о значительно ме́ньших площадях таких земель, а о расчистке их бо́льшей части речи пока не идет. Сейчас эти земли находятся в запустении, а леса на них не используются или используются в максимальной степени и не эффективно.

Обсуждение и заключения. Таким образом, в России начато формирование правовой основы развития сельского лесоводства, что, безусловно, можно расценивать как благо. Однако после принятия Постановления № 1509 и его дальнейшего корректирования остаются вопросы к правовому регулированию. Следует выразить надежду, что административные и регуляторные барьеры будут смягчены и появятся самые широкие возможности для того, чтобы вырастить и разумно использовать лес на сельскохозяйственной земле, то есть развивать сельское лесоводство в разных отраслях экономики нашего государства. Полагаем, этому могло бы поспособствовать следующее:

– вторая часть ст. 77 Земельного кодекса РФ нуждается в изменении, допускающем существование на землях сельскохозяйственного назначения лесов;

---

[46] *Уголовный кодекс Российской Федерации*. № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.02.2023).

[47] *Высокая лесистость — низкий уровень развития экономики*. ЛЕСПРОМинформ. URL: https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=6180 (дата обращения: 18.02.2023).

[48] *Покинутые сельскохозяйственные земли. Забросить нельзя лес вырастить*. ЛЕСПРОМинформ. URL: https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4976 (дата обращения: 18.02.2023).

[49] *Оборотная сторона земли: почему в России остаются невостребованными сельхозугодья*. Официальный сайт газеты Известия URL: https://iz.ru/978156/evgeniia-priemskaia/oborotnaia-storona-zemli-pochemu-v-rossii-ostaiutsia-nevostrebovannymi-selkhozugodia (дата обращения: 18.02.2023).

[50] *Что делать с лесом на землях сельскохозяйственного назначения*. Рослесинфорг.ру. URL: https://roslesinforg.ru/news/all/7923/ (дата обращения: 18.02.2023).

[51] *О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации*. Постановление Правительства Российской Федерации № 731 от 14.05.2021. URL: https://base.garant.ru/400773886/ (дата обращения: 18.02.2023).

– в первую часть ст. 78 Земельного кодекса РФ необходимо внести корректировки, допускающие использование земель сельскохозяйственного назначения для лесоводства;

– в статье 123 Лесного кодекса РФ необходимо прямо предусмотреть уведомительный порядок использования земель сельскохозяйственного назначения для лесоводства;

– отменить постановление Правительства РФ от 08.06.2022 года № 1043;

– предусмотреть в Классификаторе видов разрешенного использования земельных участков возможность использования земель сельскохозяйственного назначения для лесоводства.

Проведенное исследование показало, что проблемы выращивания леса на землях сельскохозяйственного назначения являются чрезвычайно актуальными. Настало время критически и обстоятельно проанализировать, каковы результаты всех внесенных реформ для возможности выращивания леса на заброшенных сельскохозяйственных землях, и в максимально кратчайшие сроки исправить все пробелы, недочеты и не вполне взвешенные поправки, которые явились административными барьерами, преодолеть которые заинтересованным в развитии данной сферы правовых отношений лицам крайне сложно.

Список литературы

1. Морозов Г.Ф, Матренинский В.В. (ред.). *Учение о лесе*. Ленинград: Гос. изд-во; 1925. 456 с.
2. Жданова Р.В, Смирнова М.А., Рулева Н.П. Развитие системы инвентаризации земель в России. *Московский Экономический журнал.* 2021;(3):160–168.
3. Липски С.А. Состояние и использование земельных ресурсов России: тенденции текущего десятилетия. *Проблемы прогнозирования.* 2020;(4):107–115.
4. Липски С.А. Частная собственность на сельскохозяйственные угодья: плюсы и минусы (опыт двух десятилетий). *Проблемы прогнозирования.* 2015;(4);90–95.
5. Липски С.А. *Государственное регулирование рыночного оборота сельскохозяйственных угодий (теория, методология, практика).* Автореф. дис. д-ра экон. наук. Москва; 2007. 42 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003380169.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
6. Чернов С.Н. Вопросы нормативного регулирования организации лесных кластеров в России и Финляндии. *Административное право и процесс.* 2021;(11):61–64.
7. Полянская Г.Н. *Охрана права государственной собственности на леса*. Москва: Госюриздат; 1956. 252 с.
8. Шуплецова Ю.И. Особенности правового регулирования использования лесов на землях различных категорий. *Журнал российского права.* 2020;(9):120–133.
9. Шуплецова Ю.И. *Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации*. Монография. Москва: Юридическая фирма Контракт; 2018. 213 с.
10. Лаврентьев А.Р., Тищенко С.В. Леса, расположенные на землях сельскохозяйственного назначения: проблемы реализации новелл законодательства. *Экологическое право.* 2021;8(3):69–74. https://doi.org/10.54594/26868342_2021_3_69
11. Павлов И.В., Иванов Г.В., Казанцев Н.Д. (ред.). *Земельное право: учебник для студ. юрид. ин-тов и фак.* Москва: Юридическая литература; 1971. 462 с.
12. Заиграева О.В. Правовые проблемы лесовосстановления. *Безопасность бизнеса.* 2022;(3):19–21.
13. Лунева Е.В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании. *Журнал российского права.* 2020;(6):148–161. https://doi.org/10.12737/jrl.2020.073
14. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. *Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития.* Монография. Москва: Юстицинформ; 2022. 222 с.
15. Ступина С.А. Отдельные вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений. *Эпоха науки.* 2022;(22):76–80.
16. Романов Е.М., Нуреева Т.В., Белоусов А.А. Развитие агролесоводства как путь повышения эффективности землепользования. *Вестник российской академии наук.* 2016;86(8):728–734. https://doi.org/10.7868/S086958731608017X
17. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Правовые проблемы совершенствования государственной лесной политики в современных условиях. *Экологическое право.* 2018;(1):25–30.
18. Харьков В.Н. Правовые проблемы обеспечения экологического благополучия и охраны природных ресурсов Российской Федерации. *Экологическое право.* 2022;(4):15–18.
19. Пышьева Е.С. Государственно-правовое регулирование использования и охраны защитных лесных насаждений в сельском хозяйстве. *Актуальные проблемы российского права.* 2022;17(5):214–231. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.214-231

20. Бирюлин Е.В. Политика защиты лесных ресурсов и лесоохранное законодательство КНР. *Реформы и право.* 2012;(1):37–45.

References

1. Morozov GF. *Uchenie o lese.* Leningrad: Gos. Izd-vo Publ.; 1925. 456 p. (In Russ.).
2. Zhdanova RV. Development of the Land Inventory System in Russia. *Moscow economic journal*. 2021;(3):160–168. (In Russ.).
3. Lipski SA. State and Use of Land Resources in Russia: Trends of the Current Decade. *Problemy prognozirovaniya - Studies on Russian Economic Development.* 2020;(4):107–115. (In Russ.).
4. Lipski SA. Chastnaya sobstvennost' na sel'skokhozyajstvennye ugod'ya: plyusy i minusy (opyt dvukh desyatiletij). *Problemy prognozirovaniya - Studies on Russian Economic Development*. 2015;(4);90–95. (In Russ.).
5. Lipski SA. *Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnogo oborota sel'skokhozyajstvennykh ugodij (teoriya, metodologiya, praktika).* Extended Abstract of D.Sc. (Economics) Dissertation. Moscow; 2007. 42 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003380169.pdf (accessed: 18.02.2023). (In Russ.).
6. Chernov SN. The Issues of Legal Regulation of the Arrangement of Forest Clusters in Russia and Finland. *Administrative Law and Procedure*. 2021;(11):61–64.
7. Polyanskaya GN. *Okhrana prava gosudarstvennoj sobstvennosti na lesa.* Moscow: Gosyurizdat Publ., 1956. 252 p. (In Russ.).
8. Shupletsova YI. Features of Legal Regulation of the Forest Use on Lands of Various Categories. *Journal of Russian Law*. 2020;(9):120–133. (In Russ.).
9. Shupletsova YI. *Legal Regulation of Forest Relations in the Russian Federation.* Monograph. Moscow: Law firm Contract; 2018. 213 p. (In Russ.).
10. Lavrentyev AR, Tischenko SV. Forests Located on Agricultural Lands: Problems of the Implementation of Legal Novelties. *Ehkologicheskoe pravo*. 2021;8(3):69–74. https://doi.org/10.54594/26868342_2021_3_69 (In Russ.).
11. Ed. by: Pavlov IV, Ivanov GV, Kazanceva ID. *Zemel'noe pravo: uchebnik dlya stud. yurid. in-tov i fak.* Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1971. 462 p. (In Russ.).
12. Zaigraeva OV. Legal Problems of Forest Restoration. *Bezopasnost' biznesa.* 2022;(3):19–21.(In Russ.).
13. Luneva EV. Ecological Imperatives in the System of Norms of Environment Conservancy. *Journal of Russian Law. 2020;(6):148-161. https://doi.org/10.12737/jrl.2020.073* (In Russ.).
14. Abanina EN, Sukhova EA. *Legal Support of Environmental Safety of the Russian Federation.* Monograph. Moscow: Yusticinform Publ.; 2022. 222 p. (In Russ.).
15. Stupina SA. Some Problems of Qualification of Deliberate Destruction or Damage of Forest Stands. *Ehpokha nauki.* 2022;(22):76–80. (In Russ.).
16. Romanov EM, Nureeva TV, Belousov AA. Development of Agroforestry as a Way to Improve Land Use. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2016;86(8):728–734. https://doi.org/10.7868/S086958731608017X (In Russ.).
17. Vyphanova GV, Zhavoronkova NG. Legal Issues of Improvement of the State Forest Policy in the Modern Conditions. *Ehkologicheskoe pravo.* 2018;(1):25–30. (In Russ.).
18. Khar'kov VN. Legal Problems of Support of Ecological Well-Being and Preservation of Natural Resources In The Russian Federation. *Ehkologicheskoe pravo.* 2022;(4):15–18. (In Russ.).
19. Pysh'eva ES. State Legal Regulation of the Use and Protection of Protective Forest Plantations in Agriculture. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(5):214–231. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.214-231 (In Russ.).
20. Biryulin EV. The Policy of Protection of Forest Resources and Forest Protection Laws of the PRC. *Reformy i pravo*. 2012;(1):37–45. (In Russ.).

Об авторах:

Родина Мария Евгеньевна, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, Puta_1990@mail.ru

Закалюжная Наталья Валерьевна, профессор Департамента публичного права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101990, РФ, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20); профессор кафедры трудового права юридического факультета Академии труда и социальных отношений, (119454, РФ, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90), доктор юридических наук, Dr. Habil in Law, доцент, магистр экономики, магистр педагогики, ORCID, natzaklaw@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

М.Е. Родина — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. Н.В. Закалюжная — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 18.03.2023.
Поступила после рецензирования 04.04.2023.
Принята к публикации 10.04.2023.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Maria E Rodina, associate professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), Cand.Sc. (Jurisprudence), associate professor, ORCID, Puta_1990@mail.ru

Natalya V Zakalyuzhnaya, professor of the Public Law Department of the Law Faculty, National Research University – Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., Moscow, 101990, RF); professor of the Employment Law Department of the Law Faculty, Academy of Labor and Social Relations (90, Lobachevsky St., Moscow, 119454, RF), D.Sc. (Jurisprudence) (Dr. Habil in Law), associate professor, M.Sc. (Economics), M.Sc. (Pedagogy), ORCID, natzaklaw@yandex.ru

Claimed contributorship:

ME Rodina: formulating the main concept, research methodology, preparation of the text, formulating conclusions. NV Zakalyuzhnaya: study results analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 18.03.2023.
Revised 04.04.2023.
Accepted 10.04.2023.

Conflict of interest statement
The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 340:378.4

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-47-55

Научная статья

Сущность стипуляции в римском частном праве

А.А. Кузубов, А.Н. Максименко

Донской государственный технический университет, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ manzel@ya.ru

Аннотация

Введение. Вопросы стипуляции широко освещались в древнейших источниках познания римского права. В истории римского права институт стипуляции претерпел некоторые изменения. Стипуляция появилась в архаический период, а наибольшего развития претерпела в классическую эпоху. В учебном курсе по римскому частному праву, без которого невозможно дальнейшее основательное изучение юридических дисциплин гражданско-правового цикла, отмечено особое место стипуляции. Цель исследования — научный анализ источников познания римского права относительно содержания института стипуляции в римском частном праве, выяснение структурных особенностей, ее происхождения и развития в исторической плоскости.

Материалы и методы. Рассмотрены правовые, организационные, мировоззренческие, методические и иные аспекты изучения стипуляции в римском частном праве с использованием общепринятых в России методов научного познания: общенаучных (диалектический метод) и частнонаучных методов (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический метод и др.).

Результаты исследования. Стипуляция — это используемый в римском праве односторонний договор (контракт), заключавшийся в устной (вербальной) форме между сторонами (должником и кредитором) в виде произнесения торжественных слов относительно имущественных прав римских граждан и иностранцев. Обязательные признаки стипуляции — основание, предмет и стороны договора, форма, а также классификация. Основаниями для возникновения стипуляции служили различные юридические факты. При этом предоставленное обязательство, которое римская правовая школа относила к конвенциональным (договорным), было односторонним и имело абстрактный характер. Предметом стипуляции было любое обязательство, включавшее как право собственности, так и право владения. В статье рассмотрены положения о сроках денежной оценки предмета обязательства, различные условия утраты действительности стипуляции, обстоятельства, исключавшие требования защиты по иску на основании стипуляции, обязательные требования к заключению сделки. Сторонами в договоре были как римские граждане, так и иностранцы. Сделка осуществлялась как в пользу кредитора, так и в пользу его правопреемников. Рассмотрены ответственность по стипуляции и особенности участия в договоренности рабов. Представителями в таком соглашении выступали опекуны, адстипуляторы, спонсоры. Срок исполнения обязательства должен был быть указан как условие заключения договора, а срок требования по иску начинался с момента выявления нарушений обязательства, которые имели место во время реального наступления события по договору. Акцентирована возможность перспективы при исследовании истории стипуляционных обязательств на территории Боспорского царства, входившего в Римский протекторат. Рассмотрены примеры рецепции института стипуляции в современном обязательственном праве.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование имеет теоретическую и практическую значимость и ориентировано на лиц, осуществляющих профессиональную подготовку будущих юристов. В частности, одним из вопросов, выносимых на изучение юридическим образовательным компонентом «римское частное право», является стипуляция, традиционно изучаемая в системе римского обязательственного права.

Ключевые слова: контракт, обязательство, претор, римское частное право, стипуляция.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузубов А.А., Максименко А.Н. Сущность стипуляции в римском частном праве. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):47–55. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-47-55

Original article

Essence of the Stipulation in the Roman Private Law

Alexey A Kuzubov, Aleksandr N Maksimenko

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ manzel@ya.ru

Abstract

Introduction. The issues of stipulation were widely covered in the ancient Roman Law sources of knowledge. Throughout the history of Roman Law, the institution of stipulation has undergone some changes. The stipulation arose in the archaic period and got the greatest development in the classical era. Within the Roman Private Law course, which is obligatory for substantial study of the Law curriculum, the special place is allocated to the topic of stipulation. The aim of the present study is to provide the scientific analysis of the Roman Law sources of knowledge with regard to the subject matter of the institute of stipulation in the Roman Private Law, finding out its structural features, origin and evolvement in the historical perspective.

Materials and Methods. The legal, organisational, worldview, methodological and other aspects of studying the stipulation within the Roman Private Law have been considered by applying the methods of scientific cognition generally accepted in Russia: general scientific (dialectical) and specific scientific (analysis, synthesis, historical case specific, logical, etc.) methods.

Results. The stipulation is an unilateral agreement (contract) used in the Roman Law, concluded orally (verbally) between the parties (debtor and creditor) in the form of solemn declarations regarding the proprietary rights of the Roman citizens and foreigners. The mandatory attributes of the stipulation are: the grounds, the subject, the parties, the form and classification. Various juridical factors used to be the grounds for arising the stipulation. Alongside, according to the Roman Law School, the provided obligation was referred to the range of conventional (contractual) ones, was unilateral and had an abstract nature. Any obligation comprising the ownership right as well as the right of possession could constitute the subject of the stipulation. The provisions on monetary assessment timeframe of an object of obligation, various conditions for terminating the stipulation, circumstances excluding the defense's claims in the lawsuit based on the stipulation, and mandatory requirements for making a deal have been considered in the article. The parties to the agreement were both Roman citizens and foreigners. The deal could be made for the benefit of a creditor as well as his heirs. The obligations within the stipulation and the features of slaves' participation in the agreement have been considered. In such agreements the parties were represented by: guardians, adstipulators, donators. The timeframe for fulfilling an obligation should have been indicated as a condition for concluding an agreement, and the period for claims in the lawsuit began from the moment of detecting the violations of an obligation, which took place during the factual happening of an event in the frame of the agreement. The potential perspective has been highlighted during studying the history of obligations within the stipulation on the territory of the Bosporan kingdom, being the part of the Roman protectorate. The examples of the institution of stipulation acceptance in the current Law of Obligations have been considered.

Discussion and Conclusions. The conducted research has theoretical and practical value and is targeted at the educators providing professional training to future lawyers. Thus, one of the topics proposed for including into the Study Module "Roman Private Law" is the stipulation, which is traditionally studied within the Roman Law of Obligations.

Keywords: agreement, obligation, Praetor, Roman Private Law, stipulation.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer, whose critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement contributed to the significant improvement in the quality of the article.

For citation. Kuzubov AA, Maksimenko AN. Essence of the Stipulation in the Roman Private Law. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):47–55. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-47-55

Введение. Общеизвестно, что рецепция римского частного права современным гражданским правом имеет существенное значение. Трудно не согласиться с мнением Р. Ягармина, который убеждает, что «исследование римского права, безусловно, имеет огромное значение, поскольку анализ истории развития определенного института способствует пониманию назначения этого института в современной правовой системе» [1, с. 101].

Отметим, что римское частное право выполняет фундаментальную функцию для дальнейшего изучения отраслевых юридических дисциплин при получении юридического образования. Без исследования римского частного права невозможно дальнейшее основательное овладение юридическими дисциплинами гражданско-правового цикла. В частности, одним из вопросов, выносимых на изучение юридическим образовательным компонентом «римское частное право», является стипуляция, традиционно изучаемая в системе римского обязательственного права.

Институт стипуляции был предметом широкомасштабных научных исследований в трудах таких ученых, как И.Б. Новицкий [2], И.В. Гетьман-Павлова [3], А.И. Попов [4] и др. И.Б. Новицкий в учебнике «Основы римского гражданского права» дал определение этому контракту, выделил требования к его заключению, признаки, особенности документирования, развитие в форме стипуляции взаимоотношений поручителей. И.В. Гетьман-Павлова в учебнике «Римское частное право» раскрыла характер стипуляции, процесс ее развития, разновидности защиты обязательств, возникавших на основании стипуляции. А.И. Попов сосредоточил свое внимание на выражении стипуляции в современном обязательственном праве, в частности, институте векселя. В то же время необходимо отметить, что договор стипуляции широко освещался в таких источниках познания римского права, как институты Гая, Дигесты Юстиниана и многих других, что отражено в материалах предлагаемого исследования.

Целью исследования является научный анализ источников познания римского права относительно содержания института стипуляции в римском частном праве, выяснение его структурных особенностей, истории происхождения и развития.

Материалы и методы. В проведенном научном исследовании рассмотрены правовые, организационные, мировоззренческие, методические и иные аспекты изучения стипуляции в римском частном праве с использованием общепринятых в России методов научного познания: общенаучных (диалектический метод) и частнонаучных методов (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический метод и др.).

Результаты исследования. Стипуляция (STI pulatio) была одной из разновидностей вербальных (устных) контрактов в римском частном праве. По сути, она выступала в качестве одного из оснований возникновения обязательств.

Наряду с интердиктом, реституцией и вступлением в право собственности стипуляция была одним из средств преторской защиты и представляла собой вербальное (словесное) обещание, предоставленное другой стороне в присутствии претора, и, кроме этого, также гарантировалась в случае ее невыполнения, возможностью применения принудительных санкций.

Договор стипуляции на протяжении разных периодов истории римского права претерпел определенные изменения, что объясняется особенностями политического и социально-экономического развития государства. Заметим, что наивысшего развития этот институт претерпел в классическую эпоху (17 г. до н. э. – 235 г. н. э.), в трудах римских юристов, таких как Гай, Массурий Сабин, Эмилий Папиниан, Секст Помпоний и др. Тот факт, что при заключении часто использовалась стипуляция в Древнем Риме, свидетельствуют упоминания о ней в Дигестах Юстиниана (книги 45, 46), институтах Гая (книга III), четвертой книге эпитомы Юлия Павела и других источниках познания римского частного права.

Известный исследователь-романист И. Новицкий отмечал, что «стипуляцией назывался устный договор, заключавшийся из-за вопроса будущего кредитора (centum dare spondes? — обещаешь дать сто залогов?) и ответов на вопросы (spondeo — обещаю) со стороны лица, которое соглашалось быть должником по обязательству» [2, с. 16]. Современный романист И.В. Гетьман-Павлова уточняет относительно одной из разновидностей стипуляции, что под понятием «sponsio» следует понимать «обобщенное название для контрактов, заключавшихся в форме произнесения торжественных слов» [3, с. 84]. А.И. Попов отмечает, что «стипуляция — устный договор со строго определенными словесными формулами, который заключался между кредитором и должником» [4, с. 211]. Итак, стипуляция — это используемая в римском правые односторонняя форма договора (контракта), заключавшаяся в устной (вербальной) форме между сторонами (должником и кредитором) в форме произнесения торжественных слов относительно имущественных прав римских граждан и иностранцев.

История развития стипуляционных договоров (контрактов) начинается с ранней периодизации римского права — в архаическом периоде (753–367 гг. до н. э.), когда стипуляция существовала в виде вербального обязательства (sponsio) как одной из форм квиритского права. Фактически при sponsio представитель (спонсор), который осуществлял этот вид обязательства, нес ответственность за неисполнение обязательства (Закон Аквилия — 287 г. до н. э.; Гай, Книга IV).

Необходимость появления и развития стипуляции как основания для возникновения обязательств была продиктована процессами совершенствования и развития хозяйственной жизни в Риме и его колониях, в частности, преодолением натуральной формы обмена. В.А. Беляева справедливо отмечает, что «как и

большинство других институтов римского права, асимметричная конструкция обязательства, существовавшая в давний период, совершенствовалась путем интерпретации» [5, с. 603]. Расширение территории Римского государства, переход к новым формам товарообмена предусматривали необходимость формирования более удобных правовых форм регулирования общественных взаимоотношений.

Стоит отметить, что право во времена архаического периода формировалось непосредственно в Риме и на начальном историческом этапе, вследствие отсутствия широкомасштабных войн с целью захвата других территорий, не выходило за его пределы, как это произошло позже, когда римское право начало формироваться в колониях. К тому же на то время право не имело распределения на частное и публичное. В течение последующей периодизации римского права (постклассический и юстинианский периоды) институт стипуляции приобрел дальнейшее развитие и улучшение.

Прежде, чем перейти к анализу содержания института стипуляции, отметим, что, как и любая другая контрактная форма договора, стипуляция имела присущие ей признаки — основание, вид и предмет договора, стороны и форму. Далее остановимся на описании этих признаков.

Так, основаниями для договора были разные юридические факты: договоренности, причинение вреда и т. д, то есть стипуляция возникала, согласно исследованию С.Р. Умархаджиева, «из контрактов (excontractu) и из деликтов (exdelicto)» [6]. Известный римский юрист классического периода Гай отмечал, что «личным будет тот иск, который мы нарушаем против того, кто является ответчиком или по договору, или по преступлению» [7].

Вид договора. И. Новицкий отмечал, что «стипуляционное обязательство является односторонним, то есть одной стороне принадлежало только право (не связанное с обязательством), а на другую сторону возлагалась лишь обязанность (без сопутствующего права)» [2, с. 154]. Кроме этого, И.М. Змановская указывает на «абстрактный характер соглашения: в стипуляционной форме можно было заключить сделку практически любого содержания» [8]. Таким образом, стипуляция была односторонним договором, то есть таким видом обязательства, когда обязанности одной стороны совершить определенное действие или воздержаться от этого корреспондируются правом другой стороны в виде требования без возникновения встречного обязательства относительно другой стороны, а также имела абстрактный характер, то есть предусматривала возможность заключить соглашение любого содержания.

Известный римский юрист классического периода Секст Помпоний осуществил классификацию обязательств, разграничив их на 1) судебные; 2) преторские; 3) конвенциональные; 4) смешанные: преторские и судебные. Первые две разновидности указывали на субъект отправления юридического заключения по обязательствам. «Конвенциональные (стипуляции) — это следующие, происходящие по соглашению сторон и их разновидности настолько многочисленные, что я вынужден был бы перечислить почти все виды договоров» (D.45,1,5) [9]. Этот же юрист классифицирует стипуляции в зависимости от срока, на который она укладывается — «неопределенная (по продолжительности)» и вечная» (D.45,1,16,1) [9].

Следовательно, римская правовая школа считает стипуляцию конвенциональным обязательством. В переводе с латыни «conventio — соглашение, договор» [10]. Согласно лексическому значению этого термина, конвенция — это «международный договор по определенному вопросу» [11]. Затем можно сделать вывод, что стипуляция была договорным обязательством.

Предмет договора. Договором, как отмечал И. Новицкий, устанавливалось «обязательство verbis» [2, с. 153], в предмет которого входили вещи, деньги, рабы. «Стипуляционную форму можно было предоставить любому обязательству: и заемному обязательству, и обязательству уплатить цену за купленную вещь и т. д. Стипуляцией нередко пользовались с целью новации, то есть стипуляцию заключали для того, чтобы прекратить действующее обязательство, поставив взамен иное, которое возникало из стипуляции» [2, с. 155]. Таким образом, предметом настоящего Договора выступало любое обязательство, по которому договор стипуляции выступал в качестве основания.

Римский юрист классического периода Юлий Павел указывал, что предметом стипуляции могли быть как вещь, так и услуга, а именно: «некоторые стипуляции заключаются в том, чтобы дать, некоторые в том, чтобы сделать» D.45,1,2) [9]. При этом обязательства могли предусматривать выполнение как полностью, так и по частям. «И из всех них некоторые предполагают выполнение по частям, например, когда мы стипулируем «даты 10»; некоторые не предсказывают, как в тех случаях, которые по своей природе не дают возможности распределения, — например, когда мы стипулируем сервитут проезда или прогона (скота)» (D.45,1,2,1) [9]. Итак, предметом были как материальные, так и нематериальные взаимоотношения (услуги).

Юлий Павел отмечал, что предметом стипуляции могли быть как передача права собственности, так и владение (удержание). «Если я использовал передачу вещи, то мы не считаем, что стипулированному передается право собственности, впрочем (ему) лишь передается (сама вещь)» (D.45,1,2,28) [9]. Ульпиан также придерживался мнения, что должник мог обещать лишь собственную вещь: «поэтому если она останется чужой, то следует будет сказать, что недействительна» D.45,1,38,4) [9]. Таким образом, предметом стипуляции могли

быть разные виды имущественных прав (кроме права на чужие вещи).

Представитель сабинианской школы Публий Салвий Юлиан останавливался на вопросах денежной оценки предмета стипуляции. «Когда кто-нибудь стипулирует масло в срок или при условии, то его денежную оценку следует проводить согласно с состоянием цен на тот день, когда обязательства можно реализовать: ведь именно тогда можно требовать с должника, иначе получится, что берется какая-то другая вещь» (D.45,1,59) [9].

На этом же вопросе сосредоточивал свое внимание и Ульпиан. «То же самое будет и если кто-нибудь догадался, что ему будет предоставлено в Капуе определенное количество масла. Ведь нужно рассматривать денежную оценку на тот день, когда можно требовать выполнение, а требовать можно, когда можно прибыть к указанному месту» (D.45,1,60) [9]. Итак, денежная оценка предмета договора должна была иметь место в день исполнения обязательства.

Юлий Павел указывал, что нельзя взыскать за невыполнение стипуляции, если ее предмет перестает существовать: «если раб умер, то его нельзя предоставить, и возмещение за невыполнение невозможного не назначается» (D.45,1,69) [9]. Не было иска по стипуляции, если сторона в обязательстве не могла говорить: «женщина, которая дала приданое моему земляку Глабриону Исидору, заставила его пообещать возвращение приданого своему младенцу в случае, если она умрет в браке, а затем умерла в браке. Было решено, что иска по стипуляции не существует, поскольку тот, кто не может говорить, не может и стипулировать» (D.45,1,70) [9]. Следовательно, нельзя было требовать защиты по иску по стипуляции в случае отсутствия или невозможности стороны обязательства произнести определенные фразы.

Разнообразные сохранившиеся источники познания римского права содержат сведения также о других условиях недействительности стипуляции. В частности, Гай останавливался на факте отсутствия предмета договора, вследствие чего стипуляция считается недействительной (Gai.3,97,97 a). Этот римский юрист указывал также на случай добавления к стипуляции невозможного условия, вследствие чего она также становилась недействительной. В то же время он отмечал, что «отказ, оставленный под невозможным условием, по мнению наших учителей, действителен, если бы отказ был назначен через условия» (Gai.3,98) [7]. Гай также останавливался и на других условиях недействительности стипуляции, например, когда сторона в договоре, не зная, что вещь (предмет договора) принадлежит ей, присылает стипуляционную форму с целью получить эту вещь (Gai.3,99). В качестве обоснования недействительности стипуляции Гай указывал на нарушение правила ответа на заданный вопрос (Gai.3,102). Стипуляция считалась недействительной при условии, если она устанавливалась на имя другого лица, которому сторона договора была неподвластна (Gai.3,103), с участием подвластного (Gai.3,104), слепого, глухого (Gai.3,105), сумасшедшего (Gai.3,106). Очевидно, что в рассматриваемых случаях ощутимо нарушаются условия легитимности соглашений (законность формы, правосубъектность сторон, свобода волеизъявления сторон, соответствие закону содержания соглашения).

Ульпиан также отметил, что предмет стипуляции должен быть действительным, четко оговоренным сторонами (D.45.1.1.1.2.3). Этот юрист замечал, что условие, при котором осуществляется стипуляция, должно быть реальным, противоположное приведет к недействительности обязательства. Также, как условие действительности, Ульпиан указывал и на соблюдение срока. Секст Помпоний указывал на следующие условия заключения стипуляции: пребывание на территории государства; другие обстоятельства жизни; выполнение определенных действий (например, возведение здания) (D.45,1,10;11;12).

Заметим, что кондикция (абстрактные иски) посредством стипуляции не имела силы (D.45,1,10,1). Отдельно Помпоний и Ульпиан указывали на такое обязательное условие стипуляции, как ее реальность — «если я стипулировал при условии собственную вещь, то стипуляция будет считаться действительной в том случае, если на время наступления условия вещь не будет моей»; «если в имени раба, выдачу которого себе я стипулировал, была допущена ошибка, то, поскольку относительно собственно телесной (субстанции) все было понятно, стипуляция считается действующей»» D.45,1,10,31) [9].

Он же замечал следующее условие недействительности стипуляции: «стипуляция недействительна, «если к ней добавлено условие, которое оставляет право решать тому, кто давал обещание» (D.45,1,17) [9]. Также Ульпиан указывал на безнравственность как на обязательное условие недействительности договора: «аморальные стипуляции не имеют никакой силы»; «стипуляция противоречит доброй морали» (D.45,1,10,61)» [9].

Итак, мы рассмотрели следующие условия недействительности стипуляции:

- отсутствие предмета договора;
- добавление к стипуляции невозможного условия;
- самообмана стороны относительно принадлежности вещи;
- установление договора на имя другого лица, которой неподвластна сторона договора;
- осуществление договора с участием подвластного, слепого, глухого, сумасшедшего;
- нереальность условий стипуляции;

– несоблюдение срока исполнение;
– безнравственность;
– условие, оставляющее право решать тому, кто давал обещание.

Форма договора. Характерным признаком формы стипуляции была ее вербальность (устная форма). Стипуляция осуществлялась в обязательной и четкой форме произнесения торжественных слов. И. Новицкий отмечал, что договор приобретал «юридическую силу путем и с момента произнесения известных фраз» [2, с. 153]. Ульпиан также указал на обязательство вербального характера стипуляции. При этом вербальность, по его словам, должна была иметь четкое определенное формальное проявление (D.45,1,3).

Таким образом, договор стипуляции считался заключенным и вступал в силу с момента устного произнесения торжественных обязательных слов. Так, например, Гай отмечал, что «вербальное обязательство заключается путем вопроса и ответа, например: «обязуешься торжественно дать? — Обязуюсь торжественно дать. Дашь? — Дам. Обещаешь? — Обещаю. Даешь ли честное слово выполнить свое обещание? — Даю честное слово. Ручаешься? —Ручаюсь. Сделаешь? — Сделаю» (Gai.3,92) [7].

Обязательными требованиями для стипуляции были, как отмечал И. Новицкий, «присутствие сторон, которые договариваются, в одном месте, устный вопрос кредитора и такой же ответ должника» [2, с. 153–154]. При этом Гай указывал на особенности возникновения обязательств вследствие обещания (Gai.3,96) [9]. Ульпиан замечал, что стипуляция может быть заключена сторонами на любом языке: «звучит ли ответ на том же языке, не важно» (D.45,1,6) [9]. Отметим, что в качестве обеспечения выполнения обязательств, возникавших вследствие стипуляции, предусматривалась гарантия.

Относительно порядка выполнения условий обязательства римский юрист II в. Африкан Секст Цецилий отмечал, что при наличии альтернативных условий в обязательстве стипуляция становится действительной независимо от того, какое из условий было выполнено первым. «Если кто-нибудь стипулирует таким способом: «либо если корабль прибудет из Азии, либо если Таций станет консулом», то, какое бы условие ни осуществилось первым, стипуляция становится действительной и больше (во второй раз) не может стать действительной. Ведь когда одно из двух независимых условий исчезнет, то необходимо, чтобы остальные делали стипуляцию действительной» (D.45,1,63) [9]. Этот же юрист делает вывод о правомерности выполнения стипуляции, если условие наступает в будущем «такая стипуляция имеет силу...» (D.45,1,64) [9].

Гай указывал на определенные особенности исполнения обязательств в виде стипуляции. Например, форма стипуляции была обязательной при предоставлении должником приданого за женой, а также в отношении мужа, «если кто-нибудь другой обещает мужу за его женой приданое, то он должен будет обязаться по общим правилам» (Gai.3,95-a) [7]; недопустимым считалось установление в договоре времени исполнения обязательства после смерти хотя бы одной из сторон или указание на неопределенность наступления смерти» (Gai.3,100) [7]; аналогичные обстоятельства Гай отмечал также в отношении факта «умаления правоспособности» (Gai.3,101) [7].

Следовательно, обязательными требованиями к форме стипуляции были: устная форма; наличие торжественного обещания; присутствие сторон; условия гарантии ее выполнения.

Стороны (субъекты) договора. И.В. Гетьман-Павлова указывает, что «спонсия была доступна только римским гражданам» [3]. Впрочем, по мере развития стипуляции в римском обществе, Гай относительно субъектности договора стипуляции указывал, что «другие же виды принадлежат общенародному праву и используются между всеми людьми, — как между римскими гражданами, так и между иностранцами» (Gai.3,93) [7]. Следовательно, сторонами договора стипуляции выступали как римские граждане, так и иностранцы, исключение составляли только глухие и немые лица, которые не могли воспринять вербальное содержание договора. В то же время Гай разграничивал субъектность обязательств в виде стипуляции (римские граждане или иностранцы) в зависимости от вида словесных обязательств (Gai.3,93). Итак, сторонами договора стипуляции выступали лицо, дававшее обещание, (должник — reuspromittendi), и лицо, которое обещание получало, (кредитор — reusstipulandi).

Ульпиан также четко определил две стороны в обязательстве, что было следствием стипуляции — «стипуляция может осуществляться не иначе как в том случае, когда говорят оба» (D.45,1,1) [9]. Этот юрист отмечал, «также и со стороны истца стипуляция осуществляется в пользу его самого и других, его наследников, то есть если ему самому не было разрешено владеть вещью» D.45,1,37,4) [9]. Из этого следует, что стипуляция могла осуществляться как в пользу собственно истца, так и в пользу его правопреемников.

Юлиан отдельно указывал на особенность стипуляции, когда стороной в ней выступал раб. При этом, если оговаривался вопрос «о праве», обязательство считалось недействительным. Если же оговаривался вопрос «о факте», то стипуляция имела силу (D.45,1,38,6). Это объясняется тем, что в римском обществе раб выступал не в качестве субъекта, а объекта имущественного права.

Кроме этого, Гай уделял внимание особенностям представительства при осуществлении стипуляции (Gai.3,107–127), вспоминая таких лиц: опекуна, адстипулятора, спонсора, фидеи-промиссора. При этом автор

ссылался на такие нормативные акты того времени, как Закон Фурия, Закон Апулея, Закон Цирцея, Закон Корнелия, Закон Юлия, Закон Публия.

Итак, сторонами в договоре стипуляции (должником и кредитором) могли быть как римские граждане (квириты), так и иностранцы. Стипуляция могла осуществляться как в пользу кредитора, так в пользу его правопреемников. Этот договор имел определенные особенности, когда стороной в нем выступал раб в соответствии с правовым статусом последнего в римском обществе. Представителями в договоре стипуляции выступали опекуны, адстипуляторы, спонсоры, фидеи-промиссора.

В контексте этих рассуждений остановимся также на других особенностях договора. Так, Юлий Павел отдельно указывал на солидарную ответственность по стипуляции, особенности ответственности наследников (D.45,1,2,2–6). Катон останавливался на наложении штрафных санкций как гарантии исполнения обязательства по стипуляции (D.45,1,4,1). Также стипуляция не подлежала исполнению, если иску по стипуляции противопоставлялось наличие средств преторской защиты (excetptio) (D.45,1,26), то есть других, предусмотренных римским правом, особых способов защиты нарушенного права, которые предоставлялись властями претора.

Относительно сроков исполнения обязательства, ставшего следствием стипуляции, Юлий Павел указывал, «если кто-нибудь стипулировал, что до ближайших мартовских календ работа не будет завершена, (обещаешь ли) дать столько денег, сколько будет стоить эта работа?», то срок обещания наступает не с того дня, когда был заключен договор подряда, а с мартовских календ, поскольку к мартовским календам против должника нельзя подать иск» (D.45,1,72,1) [9]. То есть срок исполнения обязательства должен был быть указан в качестве условия в договоре.

Кроме этого, Юлий Павел замечал следующее: «Понятно, что, если кто-нибудь стипулировал «подпереть инсулу», не следует ожидать, что инсула рухнет, и только тогда подать в суд; или если кто-нибудь стипулировал «построить инсулу», не следует ждать, чтобы прошло столько времени, за который можно (полностью) построить инсулу; но, когда уже начали проявляться просрочки в здании инсулы, тогда можно подавать иск, и тогда наступает срок (требования исполнения) обязательства» (D.45,1,72,2) [9]. Из этого следует, что срок требования по иску начинался с момента проявления нарушения обязательства.

Особенно актуальными в современных условиях, на наш взгляд, являются научные исследования, посвященные институту в колониях Древнего Рима, расположенных на территории современной России, в частности, Боспорского царства, размещавшегося на территории Северного Причерноморья. Известно, что «с конца и до середины III в. н. э. Боспорское царство находилось в политической зависимости от Римской империи. В 534 году византийский император Юстиниан включил Боспор в состав своей империи» [12]. Х.А. Константиниди делает выводы, что «все приведенные факты, удостоверяющие тесные отношения между Римом и Боспорским государством, позволяют прийти к заключению: царство в это время с некоторыми предосторожностями можно считать периферией римской цивилизации. Правовая система Боспора находилась под определенным влиянием римского права. Невозможно определить, насколько значительным было это влияние. Но сам факт его наличия не может игнорироваться отечественной историко-правовой наукой» [13].

Итак, приведенные выше научные взгляды обосновывают осуществление исторического анализа правовых памятников этого государственного образования в контексте классического, постклассического и юстиниановского периодов в истории римского права. На сегодня стипуляция нашла проявление в современном обязательственном праве, в частности, институтах векселя, обычая (обычая делового оборота), устных соглашений и тому подобное.

Обсуждение и заключения. Стипуляция была одной из разновидностей устных контрактов в римском частном праве и выступала в качестве основания возникновения обязательства.

Без изучения стипуляции невозможно дальнейшее основательное усвоение юридических дисциплин гражданско-правового цикла. Этот договор обретал силу с момента произнесения торжественных слов. При этом стипуляция была одним из средств преторской защиты и составляла словесное обещание, данное другой стороне в присутствии претора, а также гарантировалась возможностью применения санкций.

В истории римского права содержание этого института претерпело определенную динамику, что было продиктовано потребностями развития хозяйственной жизни. Стипуляция была односторонней, устной, имела абстрактный характер и вербальную форму в виде произнесения торжественных слов относительно имущественных прав римских граждан и иностранцев. Она имела такие характерные признаки, как основание, предмет, стороны, форму, а также классификацию. Основаниями для возникновения стипуляции были разнообразные юридические факты, предметом стипуляции могло быть любое обязательство (как право собственности, так и владение), исполнение разрешалось как полностью, так и по частям.

В настоящем исследовании рассмотрены положения из разных источников познания римского права: о сроках денежной оценки предмета обязательства; условиях недействительности; о невозможности требования защиты

по иску через настоящий договор. Определены обязательные требования к заключению и к форме договора; вопросы правопреемства и правосубъектности раба при заключении договора, а также ответственности по стипуляции. Описаны возможности представительства, сроки исполнения обязательств как условие в договоре; начало срока требования по иску и правила возникновения права требования. Указано на перспективность дальнейших исследований стипуляционных взаимоотношений на территории Боспорского царства, расположенного на территории современной России. Авторы отдельно остановились на примерах рецепции института стипуляции в современном обязательственном праве.

Результаты этой работы предлагаем использовать как в ходе научных исследований в сфере римского обязательственного права, так и во время усвоения образовательного компонента «римское частное право».

Список литературы

1. Ягармин Р.Г. Исторические аспекты становления конструкций римского права в отечественной правовой системе. *NovaUm.Ru*. 2021;34:101–103.

2. Новицкий И.Б. *Основы римского гражданского права*. Москва: Госюриздат; 1960. 240 с.

3. Гетьман-Павлова И.В. *Римское частное право: учебное пособие для вузов*. Москва: Издательство Юрайт; 2019. 343 с.

4. Попов А.И. Становление и историческое развитие принципа свободы договора в России. *Синергия Наук.* 2021;56:208–214.

5. Беляева В.А., Калашникова Е.Б. Векселеподобные обязательства в Древнем Риме. *Аллея науки.* 2017;1(9):601–606.

6. Умархаджиева С.Р. Римское частное право как фундаментальный институт исторического становления и развития договора хранения. *Вопросы экономики и права.* 2020;139:17–19.

7. Гай. *Институции. Книга IV.* URL: https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446004000 (дата обращения: 27.03.2023).

8. Змановская И.М. Исторические основы становления и развития принципа свободы договора. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2021;5–3(56):103–108.

9. *Дигесты Юстиниана. Книга 45.* URL: https://rimpravo.ru/45-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0 (дата обращения: 20.03.2023).

10. *Большой латинско-русский словарь.* URL: http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C (дата обращения: 23.03.2023).

11. Тарасов Е.Ф, Дронов В.В, Ощепкова Е.С. *Учебный ассоциативный словарь русского языка.* Санкт-Петербург: Златоуст; 2017. 356 с.

12. Ставцева С. Золотое кольцо Боспорского царства. *Альманах «Крым».* 2018;13:50–51.

13. Константиниди Х.А. *Боспорское царство: мировое античное наследие в России.* В: Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. Выпуск 11. Санкт-Петербург: Изд-во СпбГЭУ; 2022:109–111.

References

1. Yagarmin RG. Istoricheskie aspekty stanovleniya konstrukcij rimskogo prava v otechestvennoj pravovoj sisteme. *NovaUm.Ru.* 2021;34:101–103. (In Russ.).

2. Novickij IB. *Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava.* Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. 240 p. (In Russ.).

3. Get'man-Pavlova IV. *Rimskoe chastnoe pravo : Uchebnoe posobie dlya vuzov [The Roman Private Law: course book for higher education institutions]*. Moscow: Yurajt Publ.; 2019. 343 p. (In Russ.).

4. Popov AI. Stanovlenie i istoricheskoe razvitie principa svobody dogovora v Rossii [Formation and Historical Development of the Principle of Freedom of Contract in Russia]. *Sinergiya Nauk — Synergy of Sciences*. 2021;56:208–214. (In Russ.).

5. Belyaeva VA, Kalashnikova EB. Vekselepodobnye obyazatel'stva v Drevnem Rime. *Alleya nauki — Alley of Science*. 2017;1(9):601–606. (In Russ.).

6. Umarhadzhieva SR. Rimskoe chastnoe pravo kak fundamental'nyj institut istoricheskogo stanovleniya i razvitiya dogovora khraneniya [Roman Private Law as a Fundamental Institute for Historical Formation and Development of a Storage Agreement]. *Voprosy ehkonomiki i prava — Issues of Economics and Law*. 2020;139:17–19. (In Russ.).

7. Gaj. *Institucii. Book IV.* Available at: https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446004000 (accessed: 27.03.2023). (In Russ.).

8. Zmanovskaya IM. Istoricheskie osnovy stanovleniya i razvitiya principa svobody dogovora [Historical Foundations of the Formation and Development of the Principle of Freedom of Contract]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk — International Journal of Humanities and natural Sciences*. 2021;5–3(56):103–108. (In Russ.).

9. *Digesty Yustiniana. Book 45.* Available at: https://rimpravo.ru/45-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0 (accessed: 20.03.2023). (In Russ.).

10. *Bol'shoj latinsko-russkij slovar' [Big Latin-Russian Dictionary]. Available at:* http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C (accessed: 23.03.2023). (In Russ.).

11. Tarasov EF, Dronov VV, Oshchepkova ES. *Uchebnyj associativnyj slovar' russkogo yazyka.* St. Petersburg: Zlatoust Publ.; 2017. 356 p. (In Russ.).

12. Stavceva S. Zolotoe kol'co Bosporskogo carstva. *Al'manakh «Krym» — Almanac "Crimea".* 2018;13:50–51. (In Russ.).

13. Konstantinidi KHA. *Bosporskoe carstvo: mirovoe antichnoe nasledie v Rossii.* In: Vestnik industrii gostepriimstva: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik — Vestnik of The Hospitality Industry: international scientific digest. Issue 11. St. Petersburg: SPbSUE Publ.; 2022:109–111. (In Russ.).

Об авторах:

Кузубов Алексей Алексеевич, доцент кафедры «Экономика» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат экономических наук, доцент, ORCID, alexceyk@gmail.com

Максименко Александр Николаевич, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат экономических наук, доцент, ORCID, manzel@ya.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.А. Кузубов — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов. А.Н. Максименко — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 17.04.2023.
Поступила после рецензирования 24.04.2023.
Принята к публикации 25.04.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Alexey A Kuzubov, associate professor of the Economics Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Cand. Sc. (Economics), associate professor, ORCID, alexceyk@gmail.com

Aleksandr N Maksimenko, associate professor of the Business and Commercial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Cand. Sc. (Economics), associate professor, ORCID, manzel@ya.ru

Claimed contributorship:

AA Kuzubov: formulating the main concept, goals and objectives of the study, preparation of the text, formulating conclusions. AN Maksimenko: study results' analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 17.04.2023.
Revised 24.04.2023.
Accepted 25.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.440

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-56-67

Научная статья

Договор дарения: актуальные проблемы правового регулирования

С.В. Рыбак[1], Е.А. Рыбалка[2]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский юридический институт МВД России, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

✉ Svetoch_2504@mail.ru

Аннотация

Введение. Теоретическая и практическая значимость договорных правоотношений, особенность их правовой регламентации в современных условиях заключаются в том, что договор традиционно выступает рычагом динамических процессов товарообмена. Поэтому с привлечением все большего количества объектов в гражданский оборот, содействием свободы конкуренции возрастает и роль договора. Вместе с тем, особое внимание в последние годы в отечественном гражданском праве уделяется созданию правовых конструкций, обеспечивающих развитие безвозмездных отношений. В этой связи значительный интерес представляет категория безвозмездных договоров и, в частности, договор дарения. Одной из задач современного гражданского права является создание правовых конструкций, обеспечивающих развитие указанных безвозмездных отношений. Гражданский кодекс Российской Федерации[1] (далее — ГК РФ), традиционно закрепляя отдельные виды безвозмездных договоров, оставляет открытым целый ряд вопросов: систематизация безвозмездных обязательств, видовой состав, не определены общеполезные цели и др. Неоднозначно регламентированы в действующем законодательстве юридические конструкции договоров на оказание технической и гуманитарной помощи. Нуждаются в четкой законодательной регламентации отношения с элементом безвозмездности, связанные с благотворительностью, спонсорством, меценатством, предоставлением грантов и другие. Таким образом, правовое регулирование безвозмездных договоров в условиях нынешней экономической ситуации заметно отстает от современных запросов. Особый интерес в этой связи представляет уяснение сущности и правовой природы договора дарения и его места в современном российском гражданском праве. Цель данного исследования — выявить наиболее актуальные проблемы правового регулирования договора дарения в отечественном законодательстве и практике его применения.

Материалы и методы. В статье осуществлен анализ нормативного правового регулирования, направленного на конструирование безвозмездных договоров, среди которых особый интерес представляет договор дарения. В ходе исследования использовалась совокупность общенаучных и специальных способов познания правовой действительности. При написании статьи были использованы методы анализа и синтеза, сравнительно-правового анализа, а также диалектический метод, что позволило обеспечить всесторонность изучения анализируемого материала, внутреннее единство исследования, а также достоверность и непротиворечивость его положений.

Результаты исследования. Доказано, что институт дарения находится в состоянии постоянного законодательного совершенствования. В связи с этим выработан ряд положений, которые могут способствовать развитию данного института в отечественном законодательстве.

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы в вопросах правового регулирования договора дарения, особое место среди которых занимают правоприменительные ошибки в отечественной судебной практике. Все вышеуказанное не только актуализирует тему настоящего исследования, но и определяет основные векторы совершенствования действующего российского законодательства в сфере регулирования договора дарения.

Ключевые слова: договорные отношения, безвозмездные договоры, договор дарения, правовое регулирование, пожертвование.

[1] *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая).* № 14-ФЗ от 26.01.1996. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996;5:410. URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 15.03.2023).

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Рыбак С.В., Рыбалка Е.А. Договор дарения: актуальные проблемы правового регулирования. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):56–67. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-56-67

Original article

Gift Agreement: Topical Problems of Legal Regulation

Svetlana V Rybak[1], Elena A Rybalka[2]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 83, Eremenko St., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ Svetoch_2504@mail.ru

Abstract
Introduction. The theoretical and practical importance of the contractual legal relationships, the specifics of their legal regulation in the present-day conditions imply a contract to be a driver of the dynamic processes of commodity exchange. Therefore, due to involvement of the increasing number of objects into the civil circulation and fostering freedom of competition, the role of a contract is also growing. At the same time, in recent times the special attention in the national Civil Law is being paid to creation of the legal construct ensuring development of the gratuitous relationships. In this regard, a gratuitous contract category and, in particular, a gift agreement category are of considerable interest. One of the objectives of today's Civil Law is creation of the legal construct ensuring development of the above-mentioned gratuitous relationships. The Civil Code of the Russian Federation[2] (hereinafter referred to as the Civil Code of the RF), although traditionally stipulating the certain types of gratuitous contracts, still leaves unsolved a number of issues: systematisation of gratuitous obligations, type composition, socially beneficial goals, etc. In the current legislation, the legal constructs of technical and humanitarian aid contracts are stipulated in the ambiguous way. The relationships comprising the element of gratuitousness related to charity, donation, patronage, grants, etc. need a clear legislative regulation. Meanwhile, the legal regulation of the gratuitous contacts in the current economic situation falls considerably behind the present day demands. Therefore, understanding the essence and legal nature of a gift agreement and its place in the present-day Civil Law of Russia is of particular interest. The aim of this study is to identify the most topical problems of the gift agreement legal regulation in the national legislation and difficulties in application practices thereof.
Materials and Methods. The legal regulation designated for drawing up the gratuitous contracts was analysed, whereas the gift agreements among them were of particular interest. During the research, a combination of general and specific scientific methods of cognizing the legal reality were applied. The methods of analysis and synthesis, comparative legal analysis, as well as the dialectical method were used for writing the article, which made it possible to ensure the comprehensive study of the material under analysis, internal integrity of the study, as well as credibility and consistency of the research provisions.
Results. It has been proved that the institution of gift-giving is in a state of constant legislative improvement. That is why, a number of provisions have been elaborated to foster the development of this institution in the national legislation.
Discussion and Conclusions. The problems of the gift agreement legal regulation have been identified, including the law enforcement errors, which occupy a special place in the national judicial practices. All of the above-mentioned does not merely make the topic of the present study relevant, but also determines the main trends for improvement of the current Russian legislation referring to the gift agreement regulation.

Keywords: contractual relationships, gratuitous contracts, gift agreement, legal regulation, donation.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the material and suggestions for its improvement contributed to the significant enhancement of the article's quality.

For citation. Rybak SV, Rybalka EA. Gift Agreement: Topical Problems of Legal Regulation. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):56–67. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-56-67

[2] *Civil Code of the Russian Federation (Part Two).* No. 14-FZ of January 26, 1996. Russian Federation Corpus of Legal Acts. 1996;5:410. URL: https://base.garant.ru/10164072/ (accessed: 03.15.2023).

Введение. Проблемы безвозмездных договоров и места среди них договора дарения традиционно вызывают интерес научного сообщества. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить наиболее актуальные проблемы правового регулирования договора дарения, для чего осуществлен научный анализ действующего российского законодательства и практики его применения.

Основа современных положений относительно предмета и признаков дарения заложена в работах выдающихся дореволюционных ученых-цивилистов Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича, Д.Д. Гримма, К.П. Победоносцева. Интересно, что данные авторы по-разному рассматривали дарение и его место в системе гражданского права. Так, например, Д.И. Мейер [1] и Д.Д. Гримм [2] институт дарения размещали в общей части, хотя первый включал дарение до раздела «имущественные права» (в частности, как способ приобретения имущественного права), а другой — в контексте римского частного права вообще выделял особое «учение о дарении» при общих положениях о сделках. Д.И. Мейер относил категорию «имущественное право» к числу объектов гражданских прав. Соответственно, дарение выступает как способ «отчуждения права» (конструкция перехода не вещи, а права на нее). Для дарения характерными являются такие черты: даритель лишается какого-либо имущественного права при жизни (дарение на случай смерти Д.И. Мейер считал обычным завещанием).

Нет необходимости, чтобы отчуждение права с его приобретением были равноценными для контрагентов: «подаренное» имущественное право может быть «более важное» для лица одаряемого, чем для дарителя — требуется только сам факт отчуждения. Одаряемое лицо приобретает права, которых у него ранее не было. Без вступления в права, без расширения сферы имущественных прав лица нет и дарения. Дарение представляет собой безвозмездное приобретение права одним лицом в результате его отчуждения другим [1].

Основной причиной отнесения дарения к односторонним сделкам служило наличие в римском праве института дарения на случай смерти (donatio mortis causa) [3]. Д.Д. Гримм разграничивал понятие дарения в широком и узком смысле. Разница между широким и узким пониманием дарения заключается в том, что в римском праве ограничения касались лишь дарения в узком понимании (ограничение свободы дарения между супругами) [2].

К.П. Победоносцев относил дарение к способам приобретения собственности [4]. Для того, чтобы выяснить принадлежность дарения к односторонним сделкам или к договорам, необходимо ответить на вопрос, какое фактическое действие в процессе осуществления дарения является более юридически значимым? Имеется в виду наступление позитивных юридических последствий для сторон сделки, то есть реализации права собственника на свободное распоряжение своим имуществом и переход права собственности на это имущество от одного лица к другому — действия дарителя по безвозмездному отчуждению имущества или действия одаренного по принятию подарка (имущества в собственность). Другими словами, признать юридическим фактом сам факт безвозмездного отчуждения имущества или вместе с принятием имущества одаренным? Ответ на этот вопрос имеет важное практическое значение для определения момента возникновения права собственности и определения правового режима имущества.

Акт совершения дарения следует рассматривать как сложный юридический состав — совокупность фактов, между которыми существует прямая зависимость. Необходимость принятия подарка одаренным является завершающим кирпичиком в конструкции дарения, что и определяет его обязательственный (договорный) характер. Одно только соглашение о передаче вещи в дар само по себе никаких правовых последствий не предусматривает и правовой защитой не пользуется. Сторонник договорного характера дарения Г.Ф. Шершеневич в своих работах указывал: «Дарение — это сделка, которая основывается на взаимном согласии, а не на воле одного дарителя. До принятия предлагаемого дара лицом, которое одаривают, у дарения нет силы. Поэтому дарение назначается договором» [5, с. 127]. Именно встречное положительное волеизъявление одаренного превращает дарение в договор, что отличает его, например, от завещания, где не требуется согласия получателя при осуществлении этой односторонней сделки или иных односторонних договоров. Нет согласия одаренного на получение дара или нет желания дарителя на бесплатную передачу вещи, нет и договора дарения.

Необходимо отметить, что в российском праве дореволюционного периода была реализована особенная форма договора дарения — пожалование. Следует отметить, что в дореволюционной науке гражданского права и законодательстве России достаточно подробно были рассмотрены и урегулированы сущностные характеристики и процедура заключения договора дарения. Тем не менее, еще оставалось достаточно большое количество спорных моментов и пробелов, которые необходимо было рассмотреть и урегулировать в будущем. С другой стороны, анализ норм гражданского права дореволюционной России позволяет сделать вывод о рецепции римского права в данной сфере общественных отношений, несмотря на целый ряд значительных отличий и особенностей договора дарения в отечественном законодательстве. В советский период договор дарения приобрел исключительно реальный характер. Это было обусловлено этическим аспектом возможности

предъявления требования одариваемого к дарителю. Кроме того, законодательное регулирование договора дарения советского периода не соответствовало принципам рыночной экономики [6]. Такое незначительное или даже, по меткому выражению В.В. Витрянского, «убогое» правовое регулирование института дарения было связано с самой сутью существующего государственного строя, в котором права и законные интересы собственных граждан были гораздо ниже ценностей и интересов государства [7].

В современной литературе идет оживленная дискуссия по поводу вещного характера договора дарения. Связано это, прежде всего, с утверждением некоторых авторов о сходстве вещных договоров с реальными договорами. Договор дарения, будучи реальной сделкой, обязательственных прав не порождает, т. к. исполняется «здесь и сейчас», и одаряемый становится сразу собственником вещи. По мнению О.С. Иоффе, для определения правовой природы договор дарения необходимо признать вещным, не создающим обязательственных правоотношений [8]. Уместно обратить внимание на Гражданский кодекс РСФСР 1922 года (далее — ГК РСФСР 1922 г.) [9], который закреплял договор дарения как безвозмездную уступку имущества в момент передачи (реальный договор), и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года[3] (далее — ГК РСФСР 1964 г.), где заключение договора дарения связывалось с моментом передачи имущества. На наш взгляд, у исследователей этого времени сложилась вышеуказанная позиция на основании данных нормативных правовых актов. Однако действующий ГК РФ[4] закрепляет диспозитивные правила по отношению приобретения права собственности. «Приобретение права собственности возникает на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества» (ст. 218). Следовательно, в отличие от предыдущих кодифицированных актов, ГК РФ позволяет договору дарения быть как реальным, так и консенсуальным (ст. 572 ГК РФ). М.И. Брагинский же считает, что при дарении не возникают обязательственные правоотношения, и у одаряемого сразу возникает право собственности на подаренную вещь. Подлежит сомнению такое видение вопроса, т. к. в отличие от немецкого права, где вещные договоры относятся непосредственно к институту вещного права, в российском праве договор дарения регулируется второй частью ГК РФ, а, следовательно, законодатель относит его к обязательствам. Кроме того, автор относит соглашение об установлении сервитута к разновидности вещного договора, ведь оно не порождает обязательственно-правовых отношений [7].

В то же время сложно согласиться с тем, что вещные договоры являются реальными договорами, так как с момента передачи вещи у сторон возникают взаимные права и обязанности. Например, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии в ходе правовой экспертизы документов, поданных на государственную регистрацию перехода прав на объект недвижимости по договору дарения, обязательно проверяет наличие существенных условий договора дарения, одним из которых является подтверждение принятия дара в формулировке «одаряемый имущество в дар принимает». Такая формулировка подтверждает наличие обязанности не только со стороны дарителя передать в дар, но и со стороны одаряемого принять его. Следовательно, налицо обязательственные правоотношения, где нет места для вещных договоров. Поэтому договор дарения трудно назвать вещным договором.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.[5] отнес дарение к договорам. В советскую эпоху в правоприменительной практике договор дарения не считался консенсуальным договором. Считалось, что договор дарения заключен с того времени, когда произошла передача имущества на основании ГК РСФСР 1964 г. Подобный подход был продиктован наличием социалистической модели общественного управления, когда подарок определялся как мера поддержки товарища, а требования по его отбору в указанную модель не вписывались.

Таким образом, в советский период консенсуальный договор дарения считался недопустимым с точки зрения морали, ибо в таком случае одаренный имел бы право требовать в принудительном порядке возврата дара.

По сравнению с ГК РСФСР 1922 г. в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. значительно был расширен круг одаряемых. В него были включены практически все субъекты гражданских правоотношений [10]. Несмотря на сужение их правоспособности за счет передачи дара только в собственность (п. 1 ст. 256 ГК РСФСР 1964 г.), на практике круг одаряемых был значительно шире, в том числе была предусмотрена передача по иным титулам, например, в оперативное управление различным учреждениям и организациям. Формально в данном случае собственность оставалась государственной, но одаряемые получали достаточно широкий круг полномочий по использованию и владению тем или иным получаемым в дар имуществом за исключением распоряжения [11]. При этом обратим внимание, что в качестве предмета могло выступать исключительно имущество, несмотря на многочисленные предложения по расширению круга предметов дарения за счет включения, в том числе и обязательственных прав. Данные предложения не были закреплены нормативно и не вступили в юридическую силу, прежде всего, из-за их несоответствия общей концепции развития социалистического государства, и

[3] *Гражданский кодекс РСФСР.* от 11.06.1964 (ред. от 26.11.2001). Ведомости ВС РСФСР. 1964;24:407.
[4] *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая).* № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 03.04.2023). URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 15.03.2023).
[5] *Гражданский кодекс РСФСР.* от 11.06.1964 (ред. от 26.11.2001). Ведомости ВС РСФСР. 1964;24:407.

получили свое закрепление лишь в нормативных актах современной России — в Гражданском кодексе РФ 1996 г.[6]

Материалы и методы. К числу активно используемых при написании данной статьи научных методов следует отнести системно-структурный, функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, которые позволили выделить особые контексты нормативно-правового регулирования договора дарения в условиях развития современной российской экономики и его востребованности.

Изучению вопросов безвозмездных договоров вообще и договоров дарения в частности уделяли внимание достаточно большое число цивилистов, однако это направление требует дальнейшего внимания и проработки с учетом постоянно изменяющегося законодательства, выявления возникающих в ходе правоприменения пробелов в законодательстве и проблем его толкования и использования.

Договор дарения довольно широко распространен и применяется как для относительно незначительных по стоимости предметов, так и таких объектов гражданских прав, как земельные участки, жилые помещения, автомобили и др. Значительное число исследований в цивилистической науке по проблеме договора дарения, а также практики его применения демонстрируют его особую значимость в российской правовой действительности.

Результаты исследования. Системообразующими признаками безвозмездных договоров являются бескорыстный характер передачи имущества, выполнения работ или оказания услуг (безвозмездность), отсутствие каких-либо обременений имущественного и иного характера для одаряемого и третьих лиц в отношении субъекта, предоставляющего какое-либо материальное благо (в широком смысле) или третьих лиц, связанного с совершенным действием имущественного характера.

Уникальное место в указанной группе договоров принадлежит договору дарения, ряд признаков которого позволяет считать его отдельным видом договора. Первый и наиболее важный его признак — наличие безвозмездного характера. Указанная особенность является основой, по которой договор дарения можно отделить от других видов договоров в гражданском праве. При этом нельзя считать, что выгода выступает в качестве основного мотива при совершении сделки, что ее можно заменить на чувства людей — такие, как сострадание, жалость и т. д. [12].

Безвозмездный договор — это договор, на основании которого у кредитора нет возможности получить от должника удовлетворение собственного интереса имущественного и иного характера.

Второй признак договора дарения заключается в увеличении имущества одаряемого, что выступает целью договора дарения. Его осуществление происходит в связи с тем, что одаряемый получает имущественное право, которое выступает предметом договора дарения. Если не происходит роста имущества одаряемого, то и договор дарения не заключается.

Третий признак договора дарения состоит в уменьшении в объеме имущества дарителя. Данное явление характеризуется тем, что происходит утрата имущества и имущественных прав, которые получает одариваемый.

Четвертый признак договора дарения — одариваемый соглашается на то, чтобы получить дар. Если рассмотреть реальный договор, то в нем передача вещи и заключение договора совпадают. Когда происходит принятие дара, то это указывает на заключение договора, при этом право собственности идет от дарителя к лицу, которое этот дар получает. Тот факт, что происходит принятие дара, выступает в качестве права, а не в качестве обязательства. Отказа не должно быть в тот момент, когда вещь передается новому владельцу. Если дар принимается, а впоследствии происходит от него отказ, договор дарения расторгается.

Еще один аспект дарения — наличие намерения со стороны дарителя подписать договор дарения. Даритель должен иметь твердое намерение в отношении безвозмездной передачи вещи одариваемому или передачи ему имущественных прав и обязательств. Термин «ясно выраженное намерение» в указанной связи следует считать волеизъявлением определенного лица, которое и является дарителем.

Важное условие дарения — это волеизъявление по осуществлению действия со стороны дарителя, который должен на безвозмездной основе передать ту вещь, которая у него имеется как дар, без наличия каких-либо условий. Поэтому из указанного перечня следует исключить сделки, которые кажутся договорами дарения, а на деле подписываются для получения выгоды для одной из сторон или для всех участников сделки [13].

Дарение — вид сделки на безвозмездной основе, при этом в законодательстве есть две основные возможности невыполнения указанных условий. Статьи 577, 578 ГК РФ указывают условия, на которых можно отказаться от сделки. Так, отказ обычно происходит при появлении у дарителя детей или при ухудшении его состояния здоровья. Отмена дара может производиться в случае, когда есть покушение на жизнь одариваемого, или даритель, его близкие получают телесные повреждения.

ГК РФ изменил отношение к предмету договора дарения. Данный договор считается заключенным со времени

[6] *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая).* № 14-ФЗ от 26.01.1996. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996;5:410. URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 15.03.2023).

передачи имущества одаряемому или с момента, когда достигается согласие по ряду важных условий договора в той форме, которая указана в законодательстве — в форме обещания дарения (консенсуальный договор) [14]. В ст. 572 ГК РФ есть не только традиционные формы для указанного договора в виде непосредственной передачи вещи и обещания передать в будущем имущество в собственность на безвозмездной основе, но предусматривается и третий вид дарения, когда есть обещание освобождения от имущественного долга или реальное от него освобождение.

Указанная форма осуществления дарения выступает в качестве новеллы для российского законодательства, важного шага для того, чтобы указанный вид договоров применялся на более широкой основе. В соответствии с договором дарения в собственность одариваемого может осуществляться передача ценных бумаг, вещей и т. д. При этом подарком могут быть как движимые, так и недвижимые вещи. Также в качестве предмета дарения выступают имущественные права. А.С. Иоффе и Н.И. Брагинский указывают, что дарение — сложный по характеру предмет, в котором прослеживаются определенные действия дарителя — освобождение от обязательств, а также передача дара, что составляют юридический объект, и само имущество в виде прав и обязательств, формирующих материальный объект [15].

Представляется правильным выработать такой подход, когда предметом договора дарения будут выступать действия дарителя в связи с передачей имущества другому лицу, а объектом договора будет выступать определенная вещь, которая отчуждается другому лицу.

В соответствии с действующим гражданским законодательством РФ и предпринятыми цивилистическими исследованиями можно определить виды предмета договора дарения.

1. Передача дарителем вещи, которая становится собственностью одариваемого. Указанный признак позволяет отделить дарение от договоров смежного вида, которые дают возможность осуществить передачу имущества. Если сравнивать договор дарения с иными видами договоров, при которых переходит право собственности на имущество, то договор дарения характеризуется наличием безвозмездности, а также невозвратности [7].

2. Передача права требования к себе или иному лицу. Прощение долга можно определить как наличие освобождения от обязательств. В соответствии с российским законодательством прощение долга — сделка одностороннего характера, но по договоренности сторон происходит прекращение обязательств по договору. При прощении долга важно согласие со стороны должника [16]. Сторонами по договору дарения являются одариваемый и даритель. В качестве стороны дарения обычно выступает любой субъект гражданского права. Если даритель является физическим лицом, то важно наличие у него определенного объема дееспособности. Также в качестве стороны договора дарения может выступать юридическое лицо, когда это не входит в противоречие с учредительными документами юридического лица. Права и обязанности сторон составляют содержание договора дарения как правоотношения. При подписании договора дарения функция дарителя — в передаче вещи на безвозмездной основе в тот момент, когда происходит заключение договора. Для консенсуального договора дарения характерно наличие обязанности для дарителя по передаче вещи в будущем [17]. Важно, чтобы он мог указать одариваемому лицу недостатки даримой вещи, которые могут привести к причинению вреда здоровью и жизни одариваемого лица, его и чужого имущества. В качестве предмета договора может выступать и дефектная вещь, когда одариваемый об этом извещен. Однако в подобном случае даритель не несет ответственности за вред, который дар способен причинить другим лицам. Если даритель не выполняет свои обязанности в соответствии с заключенным договором, то ему следует возместить стоимость подарка (потому в договоре дарения в будущем важно конкретно указать предмет, определить его стоимость).

Когда подарок принят, одариваемое лицо должно совершить действия имущественного характера в пользу третьего лица или отказаться от каких-либо требований, когда это указано в договоре дарения. Право по выполнению указанной обязанности есть у дарителя.

Следует отметить, что договор дарения отличается наличием определенных особенностей, по которым он отличается от гражданско-правовых договоров иного типа. В качестве подобной особенности можно указать наличие права у заинтересованных лиц отменить то дарение, что было сделано ранее. Указанная особенность свойственна и для реального договора дарения, и для договора, связанного с обещанием дарения в будущем. В ст. 578 ГК РФ указаны основания для того, чтобы был отменен договор дарения со стороны дарителя. Однако при наличии особенностей, связанных с правовой природой договора, появляется важность более детального определения особенностей, по которым происходит отмена договора дарения [18]. Так, есть определенные основания, по которым даритель имеет право отказаться от договора дарения. Например, у него есть право это сделать, если его имущественное положение значительно ухудшается. Например, он может серьезно заболеть или лишиться собственного дохода, а потому его имущественное положение изменится [19].

Еще одно важное основание для отмены дарения — такое обращение одаряемого с подаренной вещью, которое способно привести к ее утрате. Это касается не только стоимостного выражения ценности. Другим

важным условием ценности подарка может выступать факт ее наличия как памяти об определенном человеке [20]. Подобные дела обычно рассматривает суд, который должен определить, какова истинная ценность вещи для дарителя, и какова угроза ее возможной потери. Указанные основания носят субъективный характер, а потому при их определении возникают сложности. Подобным основанием можно считать и право дарителя на расторжение договора дарения в отношении недвижимых вещей и других вещей, имеющих ценность, когда одариваемый покушался на его жизнь или жизнь его родственников, сознательно нанес повреждения ему или членам его семьи, или иным родственникам. При этом могут иметь место не только незаконные действия со стороны одариваемого, но и действия, которые подпадают под понятие этики и морали.

Еще одно основание для отмены подобного договора — ситуация, когда одариваемый умирает раньше дарителя. Данную возможность также важно предусмотреть в договоре дарения. А потому важно определить, не следует ли считать такое право ограничением права собственности одаряемого на полученный дар [21]. П.В. Крашенинников считает, если в договоре дарения представлен подобный пункт, то он не создает препятствий для того, чтобы одариваемый использовал имущество при жизни. А потому указанное условие в договоре не служит основанием для того, чтобы налагались ограничения на право собственности одариваемого [22].

Законодательно предусматриваются и особые основания для отказа одаряемого от дара:

– Одариваемый получает дар без его предварительного согласия, у него есть право отказаться от него.

– Также до того, как одариваемый принял дар, он имеет право на передачу его другому лицу, что показывает его намерение отказаться от дара.

Расторжение договора — основание для того, чтобы было прекращено право собственности на подаренную вещь для одариваемого. Последний обязан вернуть вещь дарителю в натуре с учетом возможного нормального износа за время пребывания у одариваемого. При этом в законодательстве не указаны возможности возмещения понесенных одариваемым расходов на использование дара и иные расходов, связанных с улучшением свойств применяемой вещи, если происходит расторжение договора дарения по вышеуказанным причинам.

Договор дарения заключается на основании реальной модели, когда происходит передача имущества одариваемому, и консенсуальной модели, когда достигается согласие по ряду наиболее важных условий договора в той форме, что указана законодательством.

Хотя в действующем законодательстве договор дарения трактуется весьма широко, все же имеются и некоторые неурегулированные аспекты, к которым вполне можно отнести недостаточную правовую регламентацию защиты прав дарителя, с одной стороны, и ответственности одаряемого, с другой. Неразрешенной проблемой остается и ответственность дарителя в случае, например, отсутствия передачи информации одаряемому о правах иных лиц на переданное в дар имущество [23]. Для решения указанных проблем предлагаем внести определенные изменения в действующее законодательство.

– Указать характерные особенности договора дарения по отдельным субъектам возникающих правоотношений (например, дополнить п. 1 ст. 575 ГК РФ возможностью для несовершеннолетних осуществлять в соответствии со ст. 28 ГК РФ мелкие бытовые сделки, запретив при этом так называемые обычные подарки, которые могут быть осуществлены от имени несовершеннолетних их законными представителями).

– Более четко определить важность ответственности дарителя перед одариваемым за случаи, когда он ненадлежащим образом несет обязательства по договору.

Существенный интерес представляют отдельные виды договора дарения. Рассмотрим некоторые из них. В частности, среди договоров по безвозмездному отчуждению имущества выделяется договор дарения жилого помещения (п. 1. ст. 572 ГК РФ). При рассмотрении данного вида договора в качестве существенного условия следует рассматривать условие о его предмете. Доля, передаваемая в дар, должна быть прописана в документе максимально ясно. Также стороны при составлении договора могут прописать право дарителя на проживание в жилом помещении, что тоже относится к существенным условиям. Указанное право, согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, может быть бессрочным или же иметь четко оговоренный срок.

В научной среде есть несколько мнений в отношении следующего: носит ли договор дарения жилых помещений односторонний или иной характер. Так, например, Е.А. Суханов указывает, что дарение следует расценивать как договор, ведь для него необходимо согласие второй стороны, которая принимает данный дар. Если сторона принимает дар, то таким образом она показывает свое согласие. Нельзя рассматривать дарение как одностороннюю сделку, как основание для появления права собственности, что в процессе дарения не приводит к появлению у сторон обязательств [24]. Другого мнения придерживается А.В. Коновалов, который аргументирует свою позицию тем, что обязанности по договору у стороны, принимающей дар, не появляются. Таким образом, следует расценивать дарение как одностороннюю сделку [25]. В целом, противоположные точки зрения свидетельствует о сложности характеристики договора дарения жилого помещения.

При изучении судебной практики становится ясно, что обещания одаряемого совершить какие-то действия

для дарителя юридической силы не имеют. Прописывание же подобных пунктов в договоре дарения недопустимо и не согласуется с природой самого договора. Это подтверждается судебной практикой. Так, гражданин обратился в суд для аннулирования договора дарения. Согласно этому документу он передал в собственность ответчице квартиру, она же со своей стороны обещала за это вступить с ним в брак, взять на себя оплату коммунальных платежей и сделать ремонт. Также женщина обещала ежемесячную материальную помощь. Однако после подписания договора дарения ответчица исчезла, данные обещания не выполнила, а позднее вступила в право собственности на данную недвижимость. Истец подал в суд, указав, что он был введен в заблуждение и не понимал реальную природу сделки, согласно ст. 178 ГК РФ. Однако на основании того, что граждан не предоставил суду никаких веских доказательств того, что дарение производилось в результате непонимания им реальной природы сделки, суд вынес решение отказать в удовлетворении иска. Сведения от истца в отношении того, что ответчица не выполнила договоренность, установленную между сторонами, суд признал несостоятельными, а мотивы, по которым заключен договор, в соответствии со ст. 178 ГК РФ не были признаны существенными[7]. Заключение договора под влиянием обмана или в результате заблуждения, которые указывал истец, выступает основанием для признания договора недействительным, но не основанием для расторжения договора. Суд принял во внимание, что вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении исковых требований истца к ответчику об отмене дарения и признании права собственности было отказано. Также истцу было отказано во взыскании с ответчика расходов по оплате коммунальных услуг[8]. При этом правовая позиция Верховного Суда РФ нашла свое отражение в целом ряде постановлений. В частности, к сделке, которая осуществляется с иной целью, можно применять нормы гражданского законодательства, которые ответчица пыталась обойти. Подобную сделку можно определить как недействительную в соответствии со ст. 10 и п.п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ. Если в законодательстве есть основание для того, чтобы признать сделку недействительной, то по нормам ст. 170 ГК РФ она признается таковой[9].

В соответствии с положениями п. 1 ст. 302 ГК РФ у собственника есть право на то, чтобы потребовать собственное имущества из чужого владения. При этом не имеет значения мнение ответчика о том, что он — добросовестный приобретатель, если даритель может доказать факт убытия вещи из его владения помимо его воли. Если сделка, в рамках которой передавалось имущество, признана недействительной, то это не показывает выбытия вещи из владения лица, которое его передало, помимо его воли. Суд должен определить волю собственника по передаче вещи определенному лицу[10]. У судьи есть право назначить экспертизу, если необходимо мнение эксперта по вопросу, что следует из доказательств и обстоятельств по делу[11].

Еще один вид договора, который вызывает вопросы у исследователей — это договор поставки. Иногда в поставочных отношениях возникает вопрос, может ли договор поставки товаров быть безвозмездным? Специальная статья ст. 506 ГК РФ не закрепляет положения о возмездном характере договора поставки. Однако допустима и безвозмездная передача товара, но только по договору дарения и не в отношениях с коммерческими организациями. Сделанный вывод, безусловно, подтверждается судебной практикой. Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.04.2017 № Ф04-1976/201658 признан безвозмездный договор поставки товаров недействительным и не порождающим правовых последствий для сторон. В частности, был заключен договор, по которому поставщик передает автозапчасти на безвозмездной основе, а покупатель должен погасить свою задолженность. Такое соглашение в части условия о безвозмездном характере судом признано ничтожным, т. к. факт передачи доказан, а обязанность оплатить товар (автозапчасти) в соответствии со ст. 516 ГК РФ — нет.

Вместе с тем законодательством все же предусмотрена возможность безвозмездной поставки. Так, в соответствии с Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2012 № 283 (п. 6) допустим безвозмездный характер поставочных отношений, предметом которых выступают рекламные, выставочные образцы[12].

---

[7] *Апелляционное определение Московского областного суда*. По делу № 33/12877/2012 от 31.05.2012. URL: https://base.garant.ru/101529440/ (дата обращения: 10.02.2023).

[8] *Апелляционное определение Московского городского суда*. По делу № 33-23353/2019 от 30.05.2019. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1163029#YGfTLcTChPYYSN7I (дата обращения: 10.02.2023).

[9] *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации*. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015;8.

[10] *О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав*. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015). Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010;7.

[11] *О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству*. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 24.06.2008 (ред. от 09.02.2012). Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008;9.

[12] *О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)*. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 283 от 20.12.2012 (ред. от 27.03.2018). URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=E6D0582D8D1D207D61F50C81B33B52ED&mode=splus&rnd=4Bhn6Q&base=LAW&n=294806#hcfVLcTa0NOruKpy1 (дата обращения: 10.02.2023).

В существующей правовой науке есть и ряд спорных вопросов в части регламентации и такого вида договора дарения, как пожертвование. Для данного вида договора характерно наличие определенных аспектов договора дарения, которые и определяют его уникальные черты. Правовое регулирование пожертвования в основном осуществляется ст. 582 ГК РФ, помимо этого ему посвящены некоторые статьи ФКЗ «О референдуме», ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», ФЗ «О политических партиях», а также региональное законодательство.

Договор пожертвования не выступает в качестве договора дарения в том смысле, который определен в законодательстве. В качестве недостатка регулирования договора пожертвования в российском законодательном поле необходимо отметить тот факт, что не содержится обязательной письменной формы для такого договора, а потому при появлении спора усложняется процесс доказывания о том, соответствует ли предполагаемая цель для сбора средств фактической цели — правильного применения имущества.

Несмотря на довольно подробное регулирование конструкции пожертвования действующим законодательством, в сфере осуществления пожертвования есть большое количество проблем, которые нуждаются в дальнейшем исследовании. Так, законодатель прямо не указывает, является ли договор пожертвования взаимным или нет. И здесь, как представляется, более важным является не отнесение его к видам договора дарения, а его сущностная характеристика — использование в дальнейшем исключительно в общеполезных целях. То есть даритель имеет возможность осуществлять контроль за тем, каким образом используется имущество, является ли это использование полезным для общества в целом или какой-то его части. Так, например, возможна передача картины в музей для того, чтобы шедевр увидело как можно больше людей.

Следующая проблема — определение круга субъектов, имеющих право принимать пожертвования. С одной стороны, ст. 582 достаточно точно определяет круг одаряемых в п.1, относя к ним граждан, организации образовательного типа, организации социального обслуживания и некоммерческие организации, а также государство. Представляется, что, исходя из духа закона, коммерческие организации, ставящие перед собой цель извлечения прибыли, не могут быть одаряемыми. Тем не менее, для того, чтобы оградить правоприменителей от ошибок, необходимо более четко сформулировать круг одаряемых, исключив выражения «аналогичные, «иные», «другие», заменив их на конкретные виды организаций, либо использовать отсылочный способ, используемый в п. 1 ст. 582 ГК РФ. Кроме этого, следует четко закрепить запрет на возможность одарять коммерческие организации. Точность юридического закрепления особенностей за отдельными видами договора дарения требует от российского законодателя для использования имущества по назначению установления для пожертвования обязательной письменной формы.

Обсуждение и заключения. Необходимо отметить, что в ходе проведенного исследования нормативно-правовой основы регулирования договора дарения, цивилистической доктрины, а также анализа судебной практики были сделаны следующие выводы.

Правовая сущность договора дарения заключается в его безвозмездном характере. Все признаки договора дарения — снижение объема имущества у дарителя, наличие безвозмездности, согласие одаряемого на принятие дара и увеличение объема его имущества — важны. При отсутствии одного из них договор дарения можно признать недействительным.

При анализе договора дарения жилого помещения важным моментом является вопрос о возможности проживания в подаренном жилом помещении дарителя или иных граждан, которые в силу закона сохраняют право пользования жилым помещением. Данный вопрос является дискуссионным, так как в данном случае у ряда исследователей возникает сомнение в отношении признания договора безвозмездным.

Кроме того, для улучшения качества отношений между сторонами и защиты прав одариваемого лица при подписании договора об отчуждении жилого помещения важно определить в п. 4 ст. 31 ЖК РФ срок в 1 месяц для предъявления требования к собственнику со стороны бывших членов его семьи в отношении права проживать в указанном объекте недвижимости.

Хотя современное понимание договора дарения в российском праве развито, вместе с тем имеется и ряд проблем, решение которых видится в следующем:

– необходимо детально определить ответственность дарителя перед одаряемым при ненадлежащем исполнении обязательств по дарению жилого помещения;

– дополнить п. 1 ст. 575 ГК РФ, оставив для несовершеннолетних возможность осуществлять дарение, уточнив его термином «мелкие бытовые сделки»;

– установить для пожертвования обязательную письменную форму. В случае использования пожертвования не по назначению в п. 2 ст. 582 ГК РФ предусмотреть не только право одариваемого на его отмену, но и на возмещение убытков в связи с ненадлежащим исполнением обязательств по договору.

Список литературы

1. Мейер Д.И. *Русское гражданское право*. Москва: Статут; 2021. 846 с.

2. Гримм Д.Д. *Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: пролегомены к общей теории гражданского права*. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича; 1900. 300 с.

3. Косоруков А.А. К вопросу об истории развития договора дарения. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2012;4(10):68–73.

4. Победоносцев К.П. *Курс гражданского права*. Т. 1. Москва: Статут; 2002. 637 с.

5. Шершеневич Г.Ф. *Учебник русского гражданского права*. Москва: Консультант Плюс: Статут; 2005. 460 с.

6. Абдрахманов Б.И., Медербекова А.М. Учение о договоре дарения. Дореволюционный и советский периоды. *Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии.* 2020;2(29):216–221.

7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право. Договоры о передаче имущества.* Книга 2. Москва: Статут; 2002. 780 с.

8. Иоффе О.С. *Обязательственное право.* Москва: Юрид. литература; 1975. 395 с.

9. Чистяков О.И.(ред.) *Отечественное законодательство XI–XX веков*: *пособие для семинаров.* Часть II (XX в.). Москва: Юристъ; 2000. 352 с.

10. Шавыркина А.Р. *Договор дарения в отечественном гражданском праве: историко-правовой аспект.* В: Эволюция государственно-правовых систем. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; 2020. С. 158–160.

11. Лескова Ю.Г. Некоторые проблемы правового положения учреждений по новому законодательству. *Юрист*. 2007;4:7–10.

12. Никонорова Ю.В. Договор дарения как правовая форма безвозмездных отношений в гражданском праве России. *Вопросы современной юриспруденции*. 2017;1(63):12–17.

13. Беседина К.Р. *Дарение в римском праве и в Российской Федерации.* В: Наука молодых — будущее России. Сборник науч. статей 4-й Международной науч. конф. перспективных разработок молодых ученых. В 8-ми томах. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2019. С. 53–55.

14. Валявина Е.Ю., Елисеев И.В. и др. *Гражданское право*: учебник: в 3 т. Том 2. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой (отв. ред.). Москва: Проспект; 2005. 848 с.

15. Аштаева С.С., Цулаева Н.В. Правовая сущность договора дарения. *Аграрное и земельное право.* 2020;12(192):68–70.

16. Артемов А.О. *Отмена договора дарения*. В: Актуальные проблемы права. Сборник докладов XIX научно-практ. конф. преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики; 2018. С. 115–118.

17. Карпухин Д. Договор дарения жилого помещения: анализ правоприменительных аспектов проблемы. *Жилищное право*. 2012;10:31–49.

18. Косоруков А.А. *Самостоятельные безвозмездные договоры в гражданском праве Российской Федерации.* Автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань; 2006. 26 с.

19. Казанцев М.Ф. *Договорное регулирование. Цивилистическая концепция*: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт; 2019. 449 с.

20. Крашенинников П.В., Коновалов А.В., Рузакова О.А. *Дарение. Безвозмездное пользование. Публичное обещание награды*. Москва: Статут; 2010. 107 с.

21. Маллаалиев И.Р. Совершенствование правового регулирования договора дарения. *Нижегородская наука*. 2017;3(3):42–49.

22. Коновалов А.В., Губаева А.К., Елисеев И.В. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации*. Москва: Проспект Велби; 2005. 891 с.

23. Суханов Е.А.(ред.) *Гражданское право.* Т. 3. Москва: Статут; 2009. 337 с.

24. Скворцова Т.А., Церунян Г.В. К вопросу о правовой природе договора поставки и о его месте в системе гражданско-правовых договоров. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021;2–9(70):157–160.

25. Иванова С.И. Особенности договора пожертвования как отдельного вида договора дарения. *Юридическая наука*. 2021;6:41–44.

References

1. Mejer DI. *Russkoe grazhdanskoe pravo*. Moscow: Statut Publ.; 2021. 846 p. (In Russ.).
2. Grimm DD. *Osnovy ucheniya o yuridicheskoj sdelke v sovremennoj nemeckoj doktrine pandektnogo prava: prolegomeny k obshchej teorii grazhdanskogo prava*. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich's Printing House; 1900. 300 p. (In Russ.).
3. Kosorukov A.A. K voprosu ob istorii razvitiya dogovora dareniya. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2012;4(10):68–73. (In Russ.).
4. Pobedonoscev KP. *Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]*. Volume 1. Moscow: Statut Publ.; 2002. 637 p. (In Russ.).
5. Shershenevich GF. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Russian Civil Law Course book]*. Moscow: Consultant Plus: Statut Publ.; 2005. 460 p. (In Russ.).
6. Abdrahmanov BI. Uchenie o dogovore dareniya. Dorevolyucionnyj i sovetskij periody. *Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma bukhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii – Proceedings of the Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asian Countries.* 2020;2(29):216–221. (In Russ.).
7. Braginskij MI. *Dogovornoe pravo. Dogovory o peredache imushchestva.* Book 2. Moscow: Statut Publ.; 2002. 780 p. (In Russ.).
8. Ioffe OS. *Obyazatel'stvennoe pravo*. Moscow: Yurid. Lit. Publ.; 1975. 395 p.
9. In: Chistyakova OI, editor. *Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI–XX vekov: posobie dlya seminarov [National Legislation of the 11th–20th Centuries: a Handbook for Seminars]*. Part II (XX c.). Moscow: Yurist Publ.; 2000. 352 p. (In Russ.).
10. Shavyrkina AR. *Dogovor dareniya v otechestvennom grazhdanskom prave: istoriko-pravovoj aspekt. In:* Ehvolyuciya gosudarstvenno-pravovykh sistem. Materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Evolution of State and Legal Systems. Proceedings of the X All-Russsian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Abakan: Khakassian State University named after N.F. Katanov; 2020. P. 158–160. (In Russ.).
11. Leskova YG. Nekotorye problemy pravovogo polozheniya uchrezhdenij po novomu zakonodatel'stvu. *Yurist.* 2007;4:7–10. (In Russ.).
12. Nikonorova YV. Dogovor dareniya kak pravovaya forma bezvozmezdnykh otnoshenij v grazhdanskom prave Rossii [The Contract of Donation as a Legal Form of Gratuitous Relations in Civil Law of Russia]. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii –Issues of Modern Jurisprudence.* 2017;1(63):12–17. (In Russ.).
13. Besedina KR. *Darenie v rimskom prave i v Rossijskoj Federacii.* In: Nauka molodykh — budushchee Rossii. Sbornik nauchnykh statej 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh. V 8-mi tomakh [The science of the young is the future of Russia. Proceedings of the 4-th International Scientific Conference of Advanced Developments of Young Scientists]. In 8 volumes. Kursk: South-West State University; 2019. P. 53–55. (In Russ.).
14. Valyavina EY, Eliseev IV, et al. Grazhdanskoe pravo [Civil law] course book: in 3 volumes. Vol. 2. In: Sergeev AP, Tolstoj YK, editors. Moscow: Prospekt Publ.; 2005. 848 p. (In Russ.).
15. Ashtaeva SS. Pravovaya sushchnost' dogovora dareniya [The Legal Essence of the Gift Agreement]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law.* 2020;12(192):68–70. (In Russ.).
16. Artemov AO. *Otmena dogovora dareniya.* In: Aktual'nye problemy prava. Sbornik dokladov XIX nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Topical Problems of Law. Proceedings of the XIX science and practical conference of teachers, students, graduate students and young scientists]. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics; 2018. P. 115–118. (In Russ.).
17. Karpukhin D. Dogovor dareniya zhilogo pomeshcheniya: analiz pravoprimenitel'nykh aspektov problemy. *Zhilishchnoe pravo – Housing Law.* 2012;10:31–49. (In Russ.).
18. Kosorukov AA. *Samostoyatel'nye bezvozmezdnye dogovory v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii.* Extended abstract of Cand. Sc. (Law) Dissertation. Kazan; 2006. 26 p. (In Russ.).
19. Kazancev MF. *Dogovornoe regulirovanie. Civilisticheskaya koncepciya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Contract regulation. Civil Concept: Course Handbook for Higher Education Institutions].* Moscow: Yurajt Publ.; 2019. 449 p.
20. Krasheninnikov PV. Konovalov AV, Ruzakova OA. *Darenie. Bezvozmezdnoe pol'zovanie. Publichnoe obeshchanie nagrady.* Moscow: Statut Publ.; 2010. 107 p.
21. Mallaalliev, I. R. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya dogovora dareniya [Improvement of Legal Regulation of the Gift Agreement]. *Nizhny Novgorod Science.* 2017;3(3):42–49.
22. Konovalov AV, Gubaeva AK, Eliseev IV. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii.* Moscow: Prospekt Publ.; 2005. 448 p.
23. In: E. A. Sukhanov, editor. *Grazhdanskoe pravo [Civil law].* Vol. 3. Moscow: Statut Publ.; 2009. 337 p.

24. Skvortsova TA, Cerunyan GV. K voprosu o pravovoj prirode dogovora postavki i o ego meste v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov [To the Question of the Legal Nature of the Supply Agreement and Its Place in the System of Civil Agreements]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire – Topical Scientific Research in the Modern World.* 2021;2–9(70):157–160.

25. Ivanova SI. Osobennosti dogovora pozhertvovaniya kak otdel'nogo vida dogovora dareniya [Features of the Donation Agreement as a Separate Type of Donation Agreement]. *LegaL Science.* 2021;6:41–44.

Об авторах:

Рыбак Светлана Викторовна, заведующий кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, Svetoch_2504@mail.ru

Рыбалка Елена Александровна, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России (344015, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83), доктор философских наук, профессор, ORCID, ko22e@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

С.В. Рыбак — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. Е.А. Рыбалка — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 15.04.2023.
Поступила после рецензирования 30.04.2023.
Принята к публикации 30.04.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Svetlana V Rybak, head of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), Cand. Sc. (Law), associate professor, Svetoch_2504@mail.ru

Elena A Rybalka, professor of the Civil Law Disciplines Department, Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, RF), D. Sc. (Philosophy), professor, ORCID, ko22e@mail.ru

Claimed contributorship:

SV Rybak: formulating the main concept, research methodology, preparation of the text, formulating conclusions. EA Rybalka: study results' analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 15.04.2023.
Revised 30.04.2023.
Accepted 30.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Научная статья

Особенности правового регулирования отдельных видов наследственных договоров

И.В. Колесник[1], И.Е. Рудик[1, 2]

[1] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66

[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ rudikinna@rambler.ru

Аннотация

Введение. В доктрине наследственного права большое внимание уделяется конструкции наследственного договора как универсального инструмента планирования наследования. Однако содержание наследственных договоров определяется целью договора. В данной статье дана характеристика каждого из видов наследственных договоров. Цель исследования — определить специфику правового регулирования отношений, основанием которых являются наследственные договоры разных видов, а также обосновать необходимость применения тех или иных способов защиты интересов его сторон.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при заключении, исполнении и расторжении отдельных видов наследственных договоров. Методологической основой исследования являются общенаучные методы: формально-логический, структурно-функциональный, метод индукции. Из специальных методов использовались формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования. В соответствии с целью и назначением наследственного договора выделены пять видов этой правовой конструкции: наследственный договор, используемый наследодателем для получения доходов при жизни от посмертной передачи наследства; используемый для финансирования реализации значимых для наследодателя интересов после его смерти; договор, заключенный с целью побудить наследника к определенному поведению до и (или) после смерти наследодателя, в том числе к управлению имуществом наследодателя; наследственный договор, защищающий волю наследодателя от оспаривания наследниками; супружеский наследственный договор. Каждый вид обладает спецификой правового регулирования, выражающейся в способах защиты прав и интересов сторон договора.

Обсуждение и заключения. Анализ эффективности применения рассмотренных видов наследственного договора для достижения целей его сторон позволил сформулировать следующие выводы. Для обеспечения исполнения воли наследодателя после его смерти необходимо допустить учет условий приобретения наследства, наступивших в период, установленный для принятия наследства. Для усиления защиты контрагента наследодателя в возмездных договорах следует разрешить обременение будущего наследства залогом; возложить на наследодателя обязанности по информированию наследника об отчуждении имущества, являющегося объектом договора, и возмещению ему понесенных расходов; признать право наследника на возмещение всех убытков, которые он понес, полагаясь на обещание наследодателя передать ему имущество после смерти.

Ключевые слова: наследственный договор, обязанности контрагента наследодателя, условный наследственный договор, исполнение наследственного договора, отказ от наследственного договора, отчуждение наследодателем имущества.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Колесник И.В. Рудик И.Е. Особенности правового регулирования отдельных видов наследственных договоров. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):68–79. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Original article

Features of Legal Regulation of the Certain Types of Inheritance Agreements

Irina V Kolesnik[1], Inna E Rudik[1, 2]

[1] The Rostov branch of the Russian State University of Justice, 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ rudikinna@rambler.ru

Annotation
Introduction. In the Inheritance Law doctrine much attention is paid to the Inheritance Agreement construct as a universal tool for planning the inheritance procedure. However, the content of the Inheritance Agreement depends on the purpose of the agreement. In the present article, the features of each type of the Inheritance Agreement are defined. The aim of the study is to determine the legal regulatory specifics of the relationships being the subject of different types of the Inheritance Agreements and justify the need to apply a particular method of defending the interests of the Parties thereto.
Materials and Methods. The social relationships arising from entering, executing and terminating the certain types of the Inheritance Agreements are the object of the present study. The methodological basis of the research includes the general scientific methods: formal-logical analysis, structural-functional and induction methods. From among the specific scientific methods, the legalistic and comparative-legal methods have been used.
Results. Based on the purpose of the Inheritance Agreement, five types of this legal construct have been distinguished: the Inheritance Agreement designated for a testator to receive income during his lifetime from the after death descent of inheritance; the one used for financing the implementation of the important testator's interests after his death; the agreement concluded to encourage the heir's certain behavior before and (or) after testator's death, including management of a testator's property; the Inheritance Agreement protecting the will of a testator from being contested by heirs; the Matrimonial Inheritance Agreement. Each type has the features of legal regulation expressed in the ways of defending the rights and interests of the parties to the agreement.
Discussion and Conclusions. The analysis of the implementation efficiency of the considered types of the Inheritance Agreements in terms of achieving their Parties' goals, allowed formulating the following conclusions. For ensuring fulfillment of a testator's will after his death, it is necessary to allow keeping the record of the inheritance acquiring conditions during the period established for the accession to the heirship. To strengthen protection of a testator's counterparty in the compensatory contracts, it is necessary to allow encumbering the future inheritance with pledge; impose on a testator the obligation to inform a heir about the alienation of property, being an object of an agreement and reimburse him the incurred expenses; recognise the right of a heir for reimbursement of all the losses incurred due to relying on a testator's promise to transfer to him the property after death.

Keywords: inheritance agreement, obligations of the testator's counterparty, conditional Inheritance Agreement, execution of the Inheritance Agreement, refuse from the Inheritance Agreement, alienation of property by a testator.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement have enabled the significant enhancement of the article's quality.

For citation. Kolesnik IV, Rudik IE. Features of Legal Regulation of the Certain Types of Inheritance Agreements. *Legal Order and Legal Values.* 2023;1(2):68–79. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Введение. Наследственный договор является сравнительно новым инструментом планирования наследования, практика применения которого у нас в стране только формируется. В ст. 1111 Гражданского кодекса РФ[1] (далее — ГК РФ) наследственный договор назван в числе оснований наследования, однако в отличие от других оснований (наследования по закону и по завещанию) не получил детального законодательного регулирования. Многочисленные научные публикации активно указывают на пробелы в правовом регулировании этого способа реализации завещательной правоспособности [1–4]. По-видимому, заполнять эти пробелы должны будут судебные органы и нотариусы.

Непосредственно наследственному договору посвящена единственная статья ГК РФ (ст. 1140.1). Законодатель попытался предупредить возникновение пробелов регулирования данных отношений, указав, что к наследственному договору применяются правила ГК РФ о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Именно это положение дало основание М.В. Смирнову

[1] *Гражданский кодекс РФ. Часть третья*. № 146-ФЗ от 26 ноября 2001 г. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001;49:4552.

сформулировать тезис о двойственной природе наследственного договора: автор считает его особым видом завещания, при этом не отрицая его договорной сущности [5].

Следует согласиться с тем, что в отношении определения судьбы имущества после смерти его собственника наследственный договор выполняет ту же функцию, что и завещание, транслирует волю наследодателя посредством закрепления распоряжений имущественного и не имущественного характера. В соответствии с п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, условия наследственного договора определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к сторонам договора, его пережившим, или оставшимся в живых третьим лицам, которые могут быть призваны к наследованию. Однако двух- или многосторонний характер этой сделки, в отличие от завещания, позволяет реализовать и иные интересы наследодателя за счет обязывания его контрагента по наследственному договору.

Таким образом, наследственный договор может выполнять не только функцию определения правопреемников наследодателя и иных выгодоприобретателей. Определяя «ненаследственное» содержание наследственного договора, законодатель ограничился указанием на обязанность «совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера» (абз. 1 п.1 ст. 1140.1 ГК РФ). Какое содержание, кроме названных в качестве примера завещательных отказов и завещательных возложений, должны иметь эти обязанности? Какое значение их исполнение имеет для наследодателя? На эти вопросы ГК РФ не отвечает. Между тем, данная функция наследственного договора должна определять вторую составляющую специфики его правового регулирования.

В данной статье поставлена цель: рассмотреть особенности каждого вида наследственного договора, обусловленные его назначением, а также определить соответствующие этим видам возможности защиты интересов наследодателя и прав его контрагентов. Указанная цель исследования обусловливает решение следующих задач: 1) определить специфику наследственного договора, который возлагает на контрагента наследодателя обязанности, исполняемые при жизни наследодателя, сравнить его с рентными договорами, оценить возможность присуждения наследодателя к возмещению убытков для защиты прав контрагента при отчуждении наследодателем имущества, являющегося объектом договора; 2) выделить особенности наследственного договора, закрепляющего обязанности контрагента наследодателя, подлежащие исполнению после открытия наследства, провести сравнение соответствующих условий договора с распоряжением о завещательном отказе, исследовать механизм защиты воли наследодателя, выраженной в наследственном договоре, в случае отказа другой стороны от договора; 3) рассмотреть конструкцию наследственного договора, не обязывающего контрагента наследодателя к имущественным предоставлениям, а также возможности защиты интересов наследодателя с помощью условных наследственных договоров; 4) оценить эффективность наследственных договоров, заключаемых с целью согласования интересов наследодателя и потенциальных обязательных наследников, а также супружеских договоров.

Материалы и методы. Наследственный договор известен многим правовым системам. Это всегда сделка, направленная на определение судьбы имущества одной или нескольких его сторон после смерти. В отличие от завещания как односторонней сделки, концепция договора предполагает возможность определенного встречного предоставления, хотя в данном случае, не всегда имущественного. Вид и характер этого предоставления определяют правовое назначение наследственного договора. Складывающиеся при исполнении каждого из таких договоров отношения являются объектом данного исследования.

Методология исследования базируется на применении общенаучных и специальных методов. Формально-логический и формально юридический методы позволяют установить содержание рассматриваемых видов наследственного договора, опираясь на соответствующие законодательные формулировки и их доктринальное толкование. Посредством применения структурно-функционального метода выявляется возможность практического использования данных договорных конструкций для различных целей, преследуемых участниками регулируемых наследственным правом отношений. При этом сравнительно-правовой метод позволяет выявить сходства и различия отдельных видов наследственных договоров с иными наследственно-правовыми инструментами. Метод индукции используется для обобщения полученных в ходе исследования результатов.

В литературе выделяются различные основные причины заключения наследственных договоров в зарубежной практике, которые могут быть актуальны и для нашей правовой системы [1]. Одной из причин заключения наследственного договора является прижизненная потребность наследодателя и близких ему лиц в предоставлении содержания. Соответствующая обязанность контрагента наследодателя по договору является «платой» за получение наследства в будущем. Именно в этом случае наследство можно расценивать как имущественный актив, который приносит доходы при жизни наследодателя. Примером может служить ситуация, при которой нетрудоспособный гражданин, имея в собственности жилое помещение, являющееся его единственным местом жительства, не хочет отчуждать его по договору пожизненного содержания с иждивением,

но при этом стеснен в средствах, нуждается в содержании. Наследственный договор может помочь такому гражданину в реализации его желаний и потребностей. И здесь наследственный договор будет выступать альтернативой договору пожизненной ренты (п. 2 ст. 583 ГК РФ). В отличие от договора пожизненного содержания с иждивением, предметом наследственного договора может быть не только недвижимое имущество (п.1 ст. 601 ГК РФ), но и иное, а также вся совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя.

Используя сравнительно-правовой метод исследования, определим достоинства и недостатки этих договоров для удовлетворения потребностей их сторон. Применение наследственного договора для наследодателя предпочтительнее рентного договора, так как он до конца жизни остается собственником имущества, являющегося объектом договора. Напротив, для наследника наследственный договор является гораздо менее выгодной конструкцией, чем пожизненная рента, поскольку не гарантирует переход имущества наследодателя в собственность его контрагента, ведь наследодатель может отказаться от наследственного договора (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ) или произвести отчуждение потенциального наследства при жизни (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Абз 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ предусмотрел ответственность наследодателя за отказ от договора в виде возмещения убытков, образовавшихся в имущественной сфере наследника, в данном случае вследствие регулярных выплат наследодателю. На случай продажи наследодателем имущества, на которое рассчитывал наследник, аналогичной нормы нет.

Результаты исследования. В научной литературе, посвященной анализу наследственного договора, единогласно критикуется положение ГК РФ об отсутствии ограничений в отношении отчуждения наследодателем имущества, являющегося предметом наследственного договора. Указывается, что зарубежных аналогов такого регулирования нет [1, 2]. В силу специфики наследственного договора не могут быть применены к этой ситуации ни норма ГК РФ о приостановлении встречного исполнения обязательства (ст. 328 ГК РФ), ни о расторжении договора при существенном нарушении его другой стороной (подп.2 п.2 ст. 450 ГК РФ). Однако наследник, узнав об отчуждении наследодателем имущества, может потребовать расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451, п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ). Справедлив при этом учёт возмездного характера этого вида наследственного договора. Наследнику должно принадлежать право требовать возмещения убытков в размере совершенных имущественных предоставлений, если становится очевидно, что он не может рассчитывать на получение наследственного имущества, являющегося объектом договора.

Однако, чтобы заявить в суд иск о расторжении договора, наследник, как минимум, должен знать о совершении наследодателем сделки в отношении имущества, которое должно было перейти к нему по наследству. И.В. Хохловым и Е.А. Форукшиной высказано вполне логичное и обоснованное предложение о законодательном возложении на наследодателя обязанности информировать контрагента об отчуждении имущества [6].

Для того, чтобы интересы сторон наследственного договора легче было привести к общему знаменателю, целесообразно было бы ввести также правило об обременении «обещанного» наследодателем имущества залогом в силу закона. Представляется, что и сегодня это условие в силу принципа свободы договора может быть закреплено в самом наследственном договоре.

По поводу рассматриваемого вида наследственного договора следует добавить, что обязанность контрагента наследодателя, исполняемая до открытия наследства, не обязательно должна заключаться в регулярных денежных выплатах. Возможны и иные варианты имущественных предоставлений, это может быть разовая передача денежных средств или иного имущества в собственность, передача других имущественных прав.

Второй вид наследственного договора предусматривает активацию обязанностей контрагента наследодателя уже после открытия наследства. Так, необходимость обеспечения членов семьи и других близких наследодателю лиц, не способных к самостоятельному управлению наследственным имуществом вследствие несовершеннолетнего возраста, недееспособности, нетрудоспособности и просто личных качеств, побуждает наследодателя к заключению договора с лицом, которое, получив наследство после смерти наследодателя будет обязано предоставлять этим лицам содержание. Здесь функция наследственного договора такая же, как и у завещания, в котором закреплено распоряжение о завещательном отказе. Однако круг лиц, которые вправе требовать исполнения наследственного договора, обозначен достаточно широко. Это могут быть «наследники, душеприказчик, оставшиеся в живых наследодатели по наследственному договору или оставшиеся в живых третьи лица, а также нотариус, ведущий наследственное дело при исполнении своих обязанностей по охране наследственного имущества и управлению таким имуществом до выдачи свидетельства о праве на наследство» (п. 2 ст. 1140.1 ГК РФ).

Если наследник по договору откажется от наследства, то так же, как и при отказе от наследования по завещанию, устанавливающему легат, соответствующие обязательства у него не возникают (п.3 ст. 1140.1 ГК РФ). Обязанность исполнить завещательный отказ, установленная в завещании, по общему правилу переходит на иных наследников, принявших наследство (ст. 1140 ГК РФ). Согласно же п. 4 ст. 1140.1 ГК РФ,

права и обязанности из наследственного договора не могут быть отчуждены их носителями. Поэтому замена обязанной стороны невозможна ни в порядке цессии, ни в порядке универсального правопреемства. Представляется, что возможно подназначение наследника с указанием в договоре, что в случае его призвания обязанности переходят на него. Однако в данном случае необходимо участие этого лица в наследственном договоре. Согласно п. 3 ст. 1140.1 ГК РФ, при отказе стороны наследственного договора от наследства договор сохраняет силу в отношении прав и обязанностей других его сторон, если можно предположить, что он был бы заключен и без включения в него прав и обязанностей отказавшейся от наследства стороны.

Если обязанности предусмотрены для стороны договора, не являющейся наследником, то освободиться от них можно, расторгнув договор в порядке, установленном п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ либо совершив односторонний отказ от договора «в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором» (абз.3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Между тем, «законных» оснований для отказа от наследственного договора в одностороннем порядке пока нет, а по поводу возможности установить такое право контрагента наследодателя в самом наследственном договоре тоже существуют сомнения. Н. И. Сосипатрова на основании анализа общих положений об обязательствах делает вывод, что право контрагента наследодателя на односторонний отказ от исполнения обязательства не может быть предусмотрено наследственным договором, поскольку он не связан с осуществлением предпринимательской деятельности его сторонами (п. 1, 2 ст. 310 ГК РФ) [7]. Специальная норма абз.3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ утверждает обратное. И здесь правильнее будет поддержать точку зрения о том, что общие положения ГК РФ об обязательствах должны применяться к наследственным договорам в случае, если иное не установлено разделом V ГК РФ [8]. Поэтому вполне приемлемым кажется положение договора о праве контрагента наследодателя от исполнения своих обязательств, сопряженное с потерей третьим лицом-наследником своих прав на приобретение наследства.

Несмотря на совпадение по назначению рассматриваемого вида наследственного договора с завещанием, в котором предусмотрен «завещательный отказ», есть и важное отличие. В отношении завещательного отказа императивно установлено ограничение обязанности наследника по исполнению завещательного отказа пределами стоимости полученного наследства (п.1 ст. 1138 ГК РФ). Представляется, что в наследственном договоре стороны могут обойти это ограничение, если не будут называть соответствующее условие договора завещательным отказом, а еще вернее, если прямо укажут, что обязанность исполняется независимо от стоимости наследства. Из такого понимания пределов исполнения обязанности наследника по договору исходит и Федеральная нотариальная палата[2].

Вопрос об определении правовой природы рассматриваемой обязанности наследника также возвращает нас к проблеме замены должника при отказе стороны договора от наследства. Если в договоре эта обязанность названа «завещательным отказом», то представляется, что в данном случае есть возможность применения ст. 1140 ГК РФ (возложения исполнения этой обязанности на наследников по закону[3]). Вид акта, в котором закреплено завещательное распоряжение, не должен влиять на действительность распоряжений наследодателя. Этот частный случай выявляет проблему, связанную с определением действительности распоряжений наследодателя в наследственном договоре, если остальные стороны отказались от договора. В целях защиты воли наследодателя и на основании п. 1 ст. 1118 ГК РФ следует определить, что такие распоряжения имеют правовой эффект завещания, если только из самого акта не следует невозможность исполнения распоряжения без участия другой стороны договора.

Рассмотренные выше виды наследственных договоров совершенно очевидно являются возмездными (ст. 423 ГК РФ), хотя достижение полного стоимостного соответствия предоставлений сторон здесь не является нормой, общим правилом, как при сделках inter vivos, опосредующих отношения торгового оборота. Ведь все же основной целью наследственного договора, как и завещания, является наделение наследника имуществом, а не обмен материальными благами. Поэтому в наследственных договорах возмездность может или совсем отсутствовать, или носить скрытый характер. Примером может являться наследственный договор, заключенный с целью побудить наследника к определенному поведению, не связанному с имущественными предоставлениями. С.Л. Будылин и Е.Ю. Петров описывают ситуацию, при которой наследник получает стимул участвовать в работе семейного предприятия еще при жизни наследодателя благодаря тому, что, опираясь на наследственный договор, видит себя собственником семейного бизнеса после открытия наследства [1].

Подобные договоры могут быть сформулированы как безусловные и условные. Возможность закрепления в наследственном договоре условия получения наследства предусмотрена ст. 157 и абз.2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ. Это

[2] П. 9.7, 9.8 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров. Решение Правления Федеральной нотариальной палаты, протокол № 03/21 от 2 марта 2021 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568 / (дата обращения: 18.04.2023).

[3] *О переходе обязанности из завещательного отказа, установленного завещанием, на наследника по закону.* Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда по делу № 33-19556/13 от 16 сентября 2013 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jqsuVIEnZrox / (дата обращения: 18.04.2023).

могут быть условия об обстоятельствах, наступление которых к моменту открытия наследства влечет за собой призвание наследника, возникновение у легатария права требовать исполнения завещательного отказа и т.п. В отношении этих обстоятельств при заключении наследственного договора должно быть неизвестно, наступят они или нет, но это могут быть и обстоятельства, полностью зависящие от воли одной из сторон (ст. 327.1 ГК РФ). Таким образом, можно выделить два вида условий приобретения наследственных прав: к первому относятся условия, которые не связаны с исполнением наследником какой-либо обязанности, закрепленной в наследственном договоре (достижение указанного наследодателем возраста, проживание в определенной местности, семейное положение); второй вид условий выполняет функцию способа обеспечения исполнения обязательств контрагента.

Следует отметить, что обусловить получение наследства наступлением каких-либо жизненных обстоятельств или совершением определенных действий наследниками можно и в завещании. Если эти действия должны быть совершены наследником при жизни завещателя, последний может информировать об этом наследника. В обоих случаях (и при закреплении условия в завещании, и при заключении условного договора) наследнику для подтверждения своих наследственных прав необходимо будет представить доказательства выполнения своих обязанностей.

Главный вопрос для наследника, исполняющего волю наследодателя при его жизни, заключается в обеспечении сохранения правовой силы обещаний наследодателя до открытия наследства, ведь и завещание, и наследственный договор могут утратить свое юридическое значение в случае отмены завещания (отказа от договора в одностороннем порядке). И тут важное значение приобретает уже упоминавшаяся норма о возмещении наследодателем убытков, связанных с исполнением другой стороной наследственного договора (абз. 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ).

Взыскивать убытки с потенциального наследодателя, отменившего подобное распоряжение, закрепленное в завещании, кажется немыслимым, так как этот акт ни к чему не обязывает наследодателя. Однако в некоторых зарубежных правопорядках такие «обещания» суды также принимают во внимание. Так, в Великобритании рассматривался спор между родителями и сыном, который по завещанию должен был получить долю в праве на принадлежащую им ферму, но после ухудшения отношений между ними это распоряжение родителями было отменено. Претензия несостоявшегося наследника основывалась на том, что он, рассчитывая на наследство, работал на ферме около 30 лет за символическую зарплату. Суды трех инстанций поддержали его иск, ссылаясь на доктрину вещного эстоппеля. Согласно этой доктрине, необходимо предоставление защиты лицу, в ущерб себе положившемуся на данное другим лицом обещание, от которого последнее нечестно отказалось [9].

Несовершенство конструкции условного наследственного договора, как и условного завещания состоит в том, что он не способен обеспечить исполнение тех обязанностей контрагента, которые возникают после открытия наследства. Учету подлежат лишь те условия, которые наступили к моменту открытия наследства (абз. 2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, п. 3.12 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров).

Между тем, существует практическая потребность в обеспечении таких неимущественных распоряжений наследодателя, поскольку задействовать механизмы их принудительного исполнения затруднительно. Следовало бы допустить включение в наследственный договор условий приобретения наследства, которые могут наступить и после смерти наследодателя. Однако для того, чтобы нотариус при выдаче свидетельства о праве на наследство мог учесть факт наступления условия, исполнение обязанности должно произойти в течение срока принятия наследства. Кроме распоряжений, исполнение которых не требует материальных затрат, речь может идти об обязанностях контрагента, исполняемых за свой счет. При таком регулировании действия по исполнению распоряжения наследодателя наследником одновременно будут иметь значение принятия наследства. В литературе высказана точка зрения о том, что наследник, являющийся стороной наследственного договора, не должен принимать наследства, поскольку уже выразил согласие на принятие наследства, заключая договор [10]. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения представляется неверной, так как ГК РФ не содержит для этого случая каких-либо исключений из общего принципа принятия наследства.

Исследователи вопросов договорного регулирования наследования обращают внимание не только на функции, которые наследственный договор призван выполнять, но и говорят о тех целях, для достижения которых наследственный договор не должен использоваться. Так, В.Ю. Абрамов считает, что содержание договора «не должно быть связано с обязанностью по управлению имуществом наследодателя, так как для таких целей существуют другие институты наследственного права: наследственный фонд» [11]. Однако представляется, что эти отношения тоже могут быть предметом договорного регулирования.

Н.В. Пугачёва и С.Б. Серенко, рассматривая применение наследственного договора для планирования наследования бизнеса, предполагают, что в договоре могут быть указаны следующие обязанности: принять на себя функции единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, а в качестве имущественной —

осуществлять выплаты за счет прибыли от деятельности такого общества указанным в договоре третьим лицам, которых наследодатель пожелал обеспечить финансовой поддержкой, голосовать тем или иным образом при принятии корпоративных решений [12]. Согласно п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, предметом наследственного договора могут быть: назначение душеприказчика, а также обязанность контрагента наследодателя совершить какие-либо действия имущественного или неимущественного характера до или после открытия наследства, которые не противоречат закону (в том числе завещательные отказы или возложения). Такая формулировка вполне охватывает управление наследственным имуществом с целью осуществления за счет него регулярных выплат, иных имущественных предоставлений выгодоприобретателям, которое может осуществлять не только наследственный фонд, но и иное юридическое лицо, а также гражданин. Вполне возможно заключение наследственного договора с лицом, исполняющим функции душеприказчика, в пользу третьего лица – наследника.

Следует согласиться с мнением Н.Е. Сосипатровой и о целесообразности включения в предмет наследственного договора положений о создании наследственного фонда. Автор на основе п. 5 ст. 1124 ГК РФ делает вывод о законодательном запрете на помещение таких распоряжений в наследственный договор [7]. Между тем, представляется, что на основании п. 1 ст. 1118 ГК РФ ГК РФ о распространении правил о завещании на отношения, связанные с заключением и исполнениям наследственного договора, распоряжение об учреждении наследственного фонда также может быть предметом наследственного договора.

При анализе возможных целей наследственного договора, обычно сосредотачиваются на интересе наследодателя, хотя любой договор претендует на удовлетворение потребностей всех участвующих в нем сторон. В противном случае он не будет востребован практикой. Поэтому стоит определить, зачем заключение наследственного договора нужно другой его стороне – контрагенту наследодателя? Вроде бы ответ здесь очевиден: контрагент наследодателя стремится приобрести имущество наследодателя после его смерти. Однако он годится не для всех случаев.

В связи с этим рассмотрим следующий вид наследственного договора, который, как отмечается в научной литературе, позволяет ограничить возможности обязательных наследников требовать причитающуюся им по закону долю [1, 13]. Эта цель наследодателя не может быть достигнута посредством совершения завещания, поскольку обязательные наследники должны участвовать в сделке в качестве сторон. Практическая потребность в таких договорах понятна законодателю. Тенденция усиления действия принципа всемерного обеспечения воли завещателя видна и из других норм наследственного законодательства (см. п.5 1149 ГК РФ об уменьшении доли обязательных наследников, указанных в завещании в качестве выгодоприобретателей наследственного фонда).

Потенциальные обязательные наследники могут идти на заключение такого договора, либо добровольно отказываясь от своих прав полностью или частично, ничего не получая взамен, по мотивам, не поддающимся экономическому анализу, либо соблазнившись «синицей в руках», получение которой гарантирует им наследодатель. К примеру, наследодатель при жизни дарит потенциальному обязательному наследнику квартиру или иное имущество, взяв с него обещание не претендовать на остальное имущество после смерти дарителя.

Однако так ли уж прочно защищает указанный наследственный договор наследство от дополнительных претензий обязательных наследников? Согласно абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ, «условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам настоящего Кодекса об обязательной доле в наследстве (в том числе об обязательной доле в наследстве, право на которую появилось после заключения наследственного договора)». Исходя из содержания всего п.6 ст. 1140.1 ГК РФ, законодатель стремился урегулировать ситуацию, при которой обязательные наследники не являются сторонами наследственного договора, однако в ст. 1140.1 ГК РФ прямо это не закреплено. Возникает вопрос: следует ли считать зафиксированный в наследственном договоре полный или частичный отказ потенциального обязательного наследника от своих будущих прав, действительным?

Представляется, что в соответствии с принципом свободы наследования, выражающимся, в том числе, в необходимости принятия наследства для его приобретения и возможности наследника отказаться от наследства, следует допустить предварительный отказ наследника от всех или части прав, которые у него появятся после смерти наследодателя на основании закона. Однако при определении действительности такого условия наследственного договора, должны учитываться в совокупности два обстоятельства: возмездность или безвозмездность отказа наследника от своих будущих прав и соответствие будущего наследника на момент заключения договора признакам обязательного наследника. Если нетрудоспособность наследника наступила позднее и при этом отказ его от своих прав не был обусловлен получением какого-либо более или менее значимого имущественного предоставления, следует выделить ему обязательную долю, несмотря на его участие в наследственном договоре. Если наследник уже являлся нетрудоспособным на момент заключения договора, то его воля, закрепленная в договоре, должна быть учтена. Правда такая ситуация впоследствии вполне может обусловить оспаривание наследником этой сделки по основаниям, предусмотренным ст. 179 ГК РФ, но здесь уже

суд будет рассматривать требование наследника, опираясь исключительно на нормы § 2 главы 9 ГК РФ.

Следует помнить, что рассматриваемая цель наследственного договора может быть реализована не во всех случаях. Если обязательные наследники недееспособны или являются несовершеннолетними, то привлечение их лично к заключению наследственного договора невозможно.

Согласно п. 3 ст. 1118 ГК РФ, составление завещания и заключение наследственного договора через представителя не допускаются. И.А. Гребенкина считает, что этот запрет распространяется только на наследодателя, а применять его в отношении контрагента наследодателя нет причин [2]. Нужно согласить с этой точкой зрения и признать, что последний вправе заключить наследственный договор через представителя. Поэтому не исключается возможность заключения несовершеннолетними и недееспособными гражданами наследственного договора в качестве контрагента наследодателя с помощью законного представителя, опекуна, попечителя. Однако предварительный отказ от будущего приобретения обязательной доли в наследстве, совершенный в наследственном договоре опекуном, попадает под регулирование п. 2 ст. 37 ГК РФ, требующего получения предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

Контрагент наследодателя не всегда приобретает право наследования по договору, поскольку может действовать в интересах другого лица, обозначенного в договоре в качестве наследника (п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ). Очевидно, что в этом случае контрагент также имеет интерес в заключении наследственного договора, но неимущественного характера. Если контрагентом наследодателя выступает не сам несовершеннолетний или недееспособный гражданин, а опекун или попечитель от своего имени, который «соглашается» на получение подопечным после смерти наследодателя имущества меньшей стоимости, чем причитающееся ему в качестве обязательной доли, ситуация не изменяется. П. 2 ст. 37 ГК РФ запрещает совершение сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, без предварительного разрешения органа. И этот запрет следует понимать как распространяющийся и на сделки, совершенные в качестве представителя подопечного, и на сделки, совершенные опекуном или попечителем от своего имени.

Следует также обратить внимание на то, что наследственные договоры этого вида относятся к тем, в которых могут быть не предусмотрены обязанности контрагента наследодателя. Интересом наследодателя охватывается сам факт участия обязательного наследника, фиксация его согласия с волей наследодателя. Поэтому такой вид договора позволяет укрепить силу распоряжений завещателя и при опасности оспаривания его после смерти наследодателя по ст. 177 ГК РФ, если в этом договоре участвуют потенциальные истцы.

Во всех рассмотренных выше разновидностях наследственных договоров на стороне наследодателя могут выступать супруги. Это прямо предусмотрено п. 5 статьи 1140.1 ГК РФ и обусловлено, прежде всего, существованием в наследственной массе каждого из них имущества, на которое распространяется режим общей совместной собственности. Закон не запрещает участия в наследственном договоре нескольких наследодателей, которые не связаны браком. Причем, они могут выступать как самостоятельные стороны договора, так и формулировать совместные распоряжения о судьбе общего имущества (например, бывшие супруги, не разделившие совместно нажитое имущество, члены крестьянско-фермерского хозяйства, долевые сособственники). Вполне можно представить в наследственном договоре совместные распоряжения владельцев долей в уставном капитале коммерческой корпорации, обладателей прав на один объект интеллектуальной собственности и т.п.

Особняком стоит наследственный договор, который заключен только между супругами. Он может быть альтернативой совместному завещанию, если предназначен для урегулирования вопросов, связанных с судьбой совместно нажитого имущества или совместно используемого имущества, принадлежащего каждому из них на праве унитарной собственности. Однако для супружеского наследственного договора могут быть характерны и названные ранее цели, особенно если только один из супругов выступает в качестве наследодателя (что уже не позволяет супругам совершить совместное завещание [14]). При этом главной особенностью регламентации супружеского договора является положение абз. 2 п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ, согласно которому правовой эффект договора исчезает в случае расторжения брака или признания его недействительным. Видимо, законодатель посчитал, что основой формирования воли супругов, зафиксированной в договоре, является лично-доверительный характер их отношений, а поскольку с исчезновением брака исчезают и такого рода отношения, теряют свою актуальность и волеизъявления супругов. Тем не менее, рассматриваемая норма значительно снижает функциональность договора между супругами. Так, прекращение брака не всегда связано с прекращением общей собственности на совместно нажитое имущество; наличие общей собственности, как и общих детей, может являться стимулом для совместного планирования наследования, для чего бывшие супруги будут вынуждены заключать новый наследственный договор. Представляется, что целесообразнее было бы закрепить прямо противоположное регулирование: сохранить правовой эффект наследственного договора с участием супругов после расторжения ими брака, предоставив им возможность расторгнуть его в общем порядке. Это поспособствует и защите прав иных лиц, являющихся сторонами договора с участием супругов.

Несомненный практический интерес имеет наследственный договор для сожителей, так как позволяет согласовать их волеизъявления в отношении приобретенного в период сожительства имущества на случай смерти одного или каждого из них. В условиях нераспространения на это имущество правил о совместной собственности после смерти собственника пережившему сожителю часто приходится доказывать факт совместного приобретения имущества, включенного в наследственную массу. Еще сложнее ситуация возникает, когда имущество оформлено на пережившего сожителя: включением в наследственную массу доли наследодателя в праве собственности на это имущество озабочены наследники. Наследственный договор способен предотвратить хотя бы некоторую часть таких конфликтов.

Проведенное исследование механизма достижения целей наследодателя и его контрагента посредством заключения различных видов наследственных договоров привело к следующим выводам.

Российское законодательство позволяет прогнозировать заключение пяти видов наследственных договоров, специфика регулирования которых должна быть обусловлена различными способами защиты прав и интересов их сторон.

Основная проблема договоров первого вида, в соответствии с которыми исполнение обязанностей контрагентом наследодателя осуществляется при жизни последнего, связана с обеспечением прав наследника в ситуации прижизненного отчуждения наследодателем имущества – объекта договора.

Второй договор, используемый для финансирования реализации значимых для наследодателя интересов после его смерти, напротив, должен предусматривать механизм обеспечения исполнения его распоряжений контрагентом после открытия наследства, а в случае отказа такого наследника от наследства должна быть решена проблема, связанная с признанием действительности отдельных завещательных распоряжений наследодателя, закрепленных в таком договоре.

Для договора третьего вида, не требующего имущественных предоставлений от наследника, но заключенного с целью побудить его к определенному поведению до и (или) после смерти наследодателя, характерны проблемы обоих вышеназванных видов. Эти проблемы осложнены, во-первых, невозможностью принуждения наследника к ожидаемому поведению имеющимися правовыми средствами, а во-вторых, сложностью применения механизма возмещения убытков для защиты интересов наследника, обосновано полагавшегося на распоряжения наследодателя, но так и не получившего наследство в связи с изменением воли наследодателя или отчуждении им имущества.

Действительность наследственного договора четвертого вида, призванного согласовать интересы потенциального обязательного наследника и наследодателя, должна определяться на основе четко установленных в законе критериев. К ним целесообразно отнести наличие или отсутствие нетрудоспособности наследника на момент заключения наследственного договора, а также имущественных предоставлений такому наследнику со стороны наследодателя в обмен на отказ от будущих наследственных прав. Предварительный отказ потенциального обязательного наследника от будущих прав следует признавать действительными, если наследник уже являлся нетрудоспособным на момент заключения договора либо если нетрудоспособность наследника наступила позднее, но при этом отказ его от своих прав был обусловлен получением имущественного предоставления, покрывающего его обязательную долю.

Супружеский наследственный договор может выполнять почти все названные выше задачи, но имеет и самостоятельное значение как инструмент совместного определения судьбы имущества, находящегося в общей собственности. Совершенствование этого наследственно-правового инструмента должно быть связано с закреплением общего правила о сохранении им юридической силы в случае расторжения брака.

Обсуждение и заключения. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что появление наследственного договора в гражданском праве России свидетельствует о значительном развитии диспозитивности в регулировании наследственных отношений. Гражданин получил больше возможностей осуществлять экономическую власть над своим имуществом даже после своей смерти, при жизни обязывая других лиц совершать соответствующие интересам наследодателя действия в будущем, после открытия наследства. Кроме того, потенциальный наследодатель сегодня может использовать такой актив как наследство при жизни, «обменяв» его на некоторые блага, получаемые от контрагента по наследственному договору еще при жизни наследодателя.

Результаты исследования также подтверждают, что наследственный договор в некоторых случаях может выступать инструментом согласования желаний наследодателя с притязаниями будущих обязательных наследников при жизни наследодателя, а также способен ограничить случаи оспаривания действительности последней воли наследодателя после смерти при привлечении потенциальных истцов-наследников к участию в договоре.

Появилось больше возможностей для обеспечения исполнения распоряжений наследодателя, указанных в договоре. В этой области необходимо дальнейшее развитие законодательства по пути учета условий призвания

наследников, наступивших после открытия наследства, но в пределах срока принятия наследства. Кроме того, проведенное исследование показало возможность признания за отдельными распоряжениями наследодателя, закрепленными в наследственном договоре, юридической силы и в случае отказа наследника по договору от наследства.

Наследственные договоры в нашей стране в силу различных причин (среди которых главное место занимают несовершенство правовой регламентации и отсутствие опыта практического применения) пока не могут по своей популярности конкурировать с завещаниями. Тем не менее, необходимо отметить, что положительный потенциал наследственного договора как инструмента планирования наследования в будущем заключается в его договорной природе. Являясь стороной этой сделки, наследники еще до открытия наследства получают информацию о своих будущих правах и обязанностях. Наследодатель, в свою очередь, еще при жизни приобретает некую уверенность в том, что его воля будет реализована после открытия наследства так, как он этого желал (именно этот наследник примет наследство, будет исполнять завещательный отказ и т. п.). Мало того, стороны договора закрепляют в нем не две автономные воли, а согласовывают их, что требует иногда взаимных уступок, но зато позволяет содержанию сделки не отрываться от реальности. Любые изменения содержания договора после его заключения возможны тоже как результат совместной деятельности сторон, кроме тех случаев, когда это происходит по решению суда. Особенностями рассматриваемого способа определения судьбы имущества на случай смерти, которая противоречит его договорной природе, является возможность сторон отказаться от договора, а также отсутствие ответственности наследодателя за отчуждение имущества, являющегося предметом договора. При этом в меньшей степени законодательством здесь защищены интересы контрагента наследодателя, что делает актуальным законодательную корректировку правового регулирования рассматриваемых отношений.

Представляется, что меры по укреплению прав контрагента наследодателя должны включать:

– законодательное закрепление обязанности будущего наследодателя уведомить контрагента через нотариуса о совершенной им сделке по отчуждению имущества, являющегося предметом наследственного договора, и возместить реальные расходы, произведенные контрагентом при исполнении им своих обязанностей, соразмерно уменьшению наследственной массы;

– признание возможности обеспечения получения наследником по наследственному договору имущества залогом этого имущества;

– признание практикой обязанности наследодателя, отказавшегося от наследственного договора, возместить не только реально понесенные наследником при исполнении договора расходы, но и возместить иные убытки, которые наследник понес, полагаясь на обещание наследодателя передать ему имущество после смерти.

Список литературы

1. Петров Е.Ю. (отв. ред.). *Наследственное право*: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. Электронное издание. Редакция 1.0. Москва; 2018. URL: https://m-lawbooks.ru/index.php/product/nasledstvennoe-pravo-postateynyiy-kommentariy-k-statyam-1110-1185-1224-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-pod-obshhey-redaktsiey-e-yu-petrova/ (дата обращения: 18.04.2023).
2. Гребенкина И.А. Наследственный договор в российском законодательстве с 1 июня 2019 г. *Законодательство*. 2019;5:20–25.
3. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России. *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018;10. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).
4. Эрделевский А.М. *О новых институтах наследственного права.* URL: https://www.consultant.ru (дата обращения:18.04.2023).
5. Смирнов М.В. Об особенностях юридических конструкций наследственного договора и совместного завещания супругов. *Научный форум Гаранта: право, бухгалтерский учет и аудит.* 2019;1. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).
6. Хохлов И.В., Форукшина Е.А. К вопросу о наследовании жилых помещений посредством наследственного фонда и наследственного договора. *Семейное и жилищное право*. 2022;6:44–48. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения:18.04.2023).
7. Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию. *LexRussica.* 2021;74(11):30-38. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038
8. Ходырева Е.А. «Estateplanning» и выбор супругами вида наследственного распоряжения. *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2020;48:364–387. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-364-387
9. Карапетов А. (отв. ред.). *Дайджест новостей российского и зарубежного частного права.* 2022;101. URL: https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2022/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava-oktyabr-2022.pdf (дата обращения: 18.04.2023).
10. Демичев А.А. Соотношение наследственного договора и завещания: дискуссионные проблемы. *Наследственное право.* 2020;4:33–37.

11. Абрамов В.Ю. Порядок наследования и принятия наследства. В кн.: *Практическое пособие с судебным комментарием.* Москва: Юстицинформ; 2022. 500 с. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).

12. Пугачёва Н.В., Серенко С.Б. Наследственный договор как новый инструмент сохранения семейного бизнеса. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;5(248):76–88.

13. Гонгало Б.М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы. *Пермский юридический альманах.* 2018;1:190–191.

14. Лоренц Д.В. Наследственный договор: подход континентального права. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2020;2:105–129.

15. Шувалова М. *Потенциальные проблемы исполнения совместных завещаний и наследственных договоров.* 2019. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).

References

1. Ed. by Petrov EY. *Nasledstvennoe pravo:* postatejnyj kommentarij k stat'yam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Electronic publication. Edition 1.0] / Moscow. 2018. Available at: https://m-lawbooks.ru/index.php/product/nasledstvennoe-pravo-postateynyiy-kommentariy-k-statyam-1110-1185-1224-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-pod-obshhey-redaktsiey-e-yu-petrova/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

2. Grebenkina IA. Nasledstvennyj dogovor v rossijskom zakonodatel'stve s 1 iyunya 2019 g. [Contract of Inheritance as of 1st of June 2019 in Russian Law]. *Zakonodatel'stvo – Legislation.* 2019. 2019;5:20–25. (In Russ.).

3. Dolinskaya VV. O tendenciyakh razvitiya i problemakh nasledstvennogo prava Rossii [On Evolution Trends and Inheritance Law Problems In Russia]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2018;10. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

4. Ehrdelevskij AM. *O novykh institutakh nasledstvennogo prava. Available at*: https://www.consultant.ru (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

5. Smirnov MV. Ob osobennostyakh yuridicheskikh konstrukcij nasledstvennogo dogovora i sovmestnogo zaveshchaniya suprugov. *Nauchnyj forum Garanta: pravo, buhgalterskij uchet i audit – Scientific Forum organised by Garant Data Base: Law, Accounting and Audit.* 2019;1. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

6. Khokhlov IV, Forukshina EA. K voprosu o nasledovanii zhilykh pomeshchenij posredstvom nasledstvennogo fonda i nasledstvennogo dogovora [On Inheritance of Residential Premises by Means of a Testamentary Foundation and an Inheritance Agreement]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law.* 2022;6:44–48. Available at: https://www.consultant.ru (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

7. Sosipatrova NE. Nasledstvennyj dogovor: kriticheskij vzglyad na pravovuyu konstrukciyu [An Inheritance Contract: a Critical look at the Legal Construction]. *LexRussica*. 2021;74(11):30–38. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038 (In Russ.).

8. Khodyreva EA. 'Estate Planning' i vybor suprugami vida nasledstvennogo rasporyazheniya ['Estate Planning' and the Selection of an Inheritance Order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2020;48:364–387. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-364-387 (In Russ.).

9. Ed. by A. Karapetov. *Dajdzhest novostej rossijskogo i zarubezhnogo chastnogo prava [News Digest Of Russian And Foreign Private Law].* 2022 Oct;101. Electronic edition. Available at: https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2022/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava-oktyabr-2022.pdf (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

10. Demichev AA. Sootnoshenie nasledstvennogo dogovora i zaveshchaniya: diskussionnye problemy [The Correlation Between an Inheritance Agreement and a Will: Discussion Issues]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2020;4:33–37.

11. Abramov VY. *Poryadok nasledovaniya i prinyatiya nasledstva. Prakticheskoe posobie s sudebnym kommentariem*. Moscow: Yusticinform Publ.; 2022. 500 p. URL: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

12. Pugachyova NV, Serenko SB. Nasledstvennyj dogovor kak novyj instrument sokhraneniya semejnogo biznesa. I*mushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii - Property relations in the Russian Federation*. 2022;5(248):76–88. (In Russ.).

13. Gongalo BM. Semejnoe zakonodatel'stvo: problemy i perspektivy [Family Law: Problems and Horizons]. *Permskij yuridicheskij al'manakh – Perm Juridical Almanack.* 2018;1:190–191. (In Russ.).

14. Lorents DV. Nasledstvennyj dogovor: podkhod kontinental'nogo prava [The Hereditary Contract: Roman and German Approaches]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki – Law. Journal of Higher School of Economics.* 2020;2:105–129. (In Russ.).

15. Shuvalova M. *Potencial'nye problemy ispolneniya sovmestnykh zaveshchanij i nasledstvennykh dogovorov.* 2019. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

Об авторах:

Колесник Ирина Валентиновна, профессор кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344038, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, 66), доктор юридических наук, доцент, ORCID, nikkipohta@mail.ru

Рудик Инна Евгеньевна, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344038, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, 66); доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, rudikinna@rambler.ru

Заявленный вклад соавторов:

И.Е. Рудик — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов. И.В. Колесник — анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 20.04.2023.
Поступила после рецензирования 19.05.2023.
Принята к публикации 19.05.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Irina V Kolesnik, professor of the Civil Law Department, Rostov branch of the Russian State University of Justice (66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, RF), D. Sc. (Law), associate professor, ORCID, nikkipohta@mail.ru

Inna E Rudik, associate professor of the Civil Law Department, Rostov branch of the Russian State University of Justice (66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, RF); associate professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), Cand. Sc. (Law), associate professor, ORCID, rudikinna@rambler.ru

Claimed contributorship:

IE Rudik: formulating the main concept, aim and objective of the research, preparing the text, formulating conclusions. IV Kolesnik: study results' analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 20.04.2023.
Revised 19.05.2023.
Accepted 19.05.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347:378.1

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-80-87

Научная статья

Авторские права разработчиков образовательных ресурсов

Т.С. Касьяненко[1], А.П. Алексеева[2]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30

✉ kasjants@yandex.ru

Аннотация

Введение. Развитие цифровых технологий, расширение сфер, которые применяют дистанционные формы для реализации образовательных услуг, приводят к созданию и размещению объемного информационного контента на открытых образовательных ресурсах и закрытых для внешнего доступа инфраструктурных сайтах. Это в свою очередь предопределяет возникновение вопросов об авторах и правообладателях указанного контента, пределах использования результатов интеллектуальной деятельности авторов такого контента, распределения получаемого вознаграждения от его коммерческого использования, а также защите прав субъектов при нарушении их прав.

Материалы и методы. Основу настоящего исследования составили труды российских ученых об авторских правах, а также зарубежных исследователей, положения российского гражданского и трудового законодательства и законодательства зарубежных стран. В ходе исследования применены как общенаучные методы, так и такие специальные научные методы, как метод сравнительного правоведения, позволивший выявить подходы к разрешению поставленных вопросов в других юрисдикциях.

Результаты исследования. Проведенное исследование показало, что проблема незаконного использования образовательного контента и защиты прав авторов и правообладателей указанного контента является широко распространённой, особенно это актуально для открытых образовательных ресурсов. Авторы приходят к выводу, что образовательный онлайн-контент следует квалифицировать как сложное произведение, а также как программу ЭВМ и уникальную базу данных. Особо должны оговариваться пределы свободного использования такого продукта – личная цель, отсутствие коммерческой цели использования. Для разрешения споров авторов и учебных заведений предлагается конкретизировать в трудовом договоре те виды произведений, которые являются служебными произведениями, и определить между сторонами условия их использования.

Обсуждение и заключения. Исследованные проблемы создания и размещения объемного информационно-образовательного контента, использования и переработки результатов интеллектуальной деятельности авторов такого контента, распределения получаемого вознаграждения от его коммерческого использования, а также защита прав субъектов при их нарушении имеют важное практическое значение, поскольку могут быть востребованы для разрешения вопросов об исключительных правах на служебные произведения.

Ключевые слова: объекты авторского права, образовательные ресурсы, открытый доступ, доктрина fairuse, защита прав.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Касьяненко Т.С., Алексеева А.П. Авторские права разработчиков образовательных ресурсов. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):80–87. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-80-87

Original article

Educational Resources Developers' Copyright

Tatyana S Kasyanenko[1], Anna P Alekseeva[2]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 30, General Galitsky St., Kaliningrad, Russian Federation

✉ kasjants@yandex.ru

Abstract
Introduction. Development of digital technologies, expansion of the spheres of distant learning implementation in the context of providing the educational services has resulted in creation and location of large amount of informational content at the open educational resources and institutional websites with access restricted for the external users. As consequence, there arise issues of authorship and copyright holding of the above-mentioned content, the limits of using the intellectual activity results of the authors of such content, distribution of remuneration received for its commercial use, as well as protection of subjects' copyright whenever it is violated.
Materials and Methods. The present study is based on the works of Russian and foreign researchers on copyright, on provisions of the Russian Federation Civil and Labor Law, as well as on the legislation of foreign countries. General scientific and specific scientific methods were used, such as the method of comparative legal studies, which allowed finding out approaches for solving the set forth problems in the frame of the other jurisdictions.
Results. The conducted research shows that the problem of unlawful use of the educational content and protection of the rights of the content authors and copyright holders is widely spread and is especially relevant for the open educational resources. The authors of the present article have come to the conclusion that educational online content should be qualified as a complex piece of work and at the same time as a computer software and a unique database. The limits of free use of such a product should be specifically stipulated, i.e. for personal use, for non commercial use. For settling disputes between the authors and educational institutions, it is proposed to specify in an employment contract the types of pieces of work that are considered institutional ones, and to determine the conditions for using them among the parties.
Discussion and Conclusions. The investigated problems of creating and locating the large informational-educational content, of using and processing the results of intellectual activity of the authors of such content, distributing the remuneration received for its commercial use, as well as protecting the rights of subjects in case of violation, have great practical importance, because the findings can be applied to solving the problems of exclusive ownership of the institutional pieces of work.

Keywords: copyright objects, educational resources, open access, fair use doctrine, protection of rights.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement have fostered considerable enhancement of the article's quality.

For citation. Kasyanenko TS, Alekseeva AP. Educational Resources Developers' Copyright. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):80–87. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-80-87

Введение. Авторское право возникло как ограниченная временными рамками привилегия, предоставленная авторам и издательствам в связи с важностью их деятельности для общества [1]. В последующем под воздействием распространения теории права требования [2] и идеи о вещно-правовой природе интеллектуальных прав [3] такая привилегия трансформировалась в право. Общественной полезности деятельности авторов было отведено иное место. Указанный довод, как представляется, весьма актуален для значительного количества коммерчески используемых объектов авторского права. Результаты творческой авторской деятельности преподавателей высшей школы должны отвечать, по нашему мнению, критериям полезности обществу и в первую очередь следовать научным и образовательным целям.

Широчайшее внедрение дистанционного образования повлекло за собой необходимость разработки и внедрения объёмных образовательных ресурсов, включая открытые образовательные площадки, наиболее известными из которых являются Coursera, Open Edu, EXD и другие, в том числе развитие проекта Open Education Recourses под эгидой ЮНЕСКО. Кроме того, вузы размещают на собственных образовательных площадках мультимедийные презентации, отцифрованные лекционные материалы, онлайн курсы, записи вебинаров и

конференций, записи лекций преподавателей, онлайн проекты студентов и слушателей и т.п. Размещение названного контента осуществляется, в том числе, и в коммерческих целях.

Развитие онлайн форм обучения, применение специальных образовательных программных продуктов, решая проблемы доступности и недискриминации в сфере образования, предопределяют необходимость разрешения ряда теоретических и практических проблем, к которым, по нашему мнению, следует отнести следующие:

– определение объектов, подлежащих правовой защите, классификация этих объектов;

– разграничение авторских прав преподавателей и исключительных прав самих вузов на результаты служебной деятельности работников;

– определение случаев легального свободного использования таких ресурсов как пользователями, так и в учебном процессе других учебных заведений и др. Указанные обстоятельства предопределяют актуальность избранной темы исследования.

Материалы и методы. Основу настоящего исследования составили труды российских ученых В.Л. Энтина, В.О. Калятина, Е.А. Свиродовой, А.С. Божевич, Н.В. Козловой и других, а также зарубежных исследователей – Sophie Stalla-Bourdillona, Eleonora Rosati, Justine Pila, Chuhgan Wang, RuthL. Okediji, Ole-Andreas Rognstad и других. Методологическую основу исследования составили методы сравнительного правоведения, диалектики, а также системно-структурного анализа, позволившие выявить подходы к разрешению поставленных вопросов в других юрисдикциях.

Результаты исследования. Основу образовательных ресурсов, создаваемых высшей школой, составляют различного рода мультимедийные презентации, отцифрованные лекционные материалы, онлайн курсы и их записи (в том числе передаваемые открытым образовательным платформам), записи лекций преподавателей (далее по тексту — образовательный продукт(ы)), а также объединяющие их программные средства. Кроме того, образовательные ресурсы могу содержать в себе и результаты научных исследований — исследовательские отчеты, фрагменты научных статей, монографий и т. д. Каждый из названных объектов следует соотнести с понятием и признаками объектов авторского права РФ. Отечественное законодательство определяет в качестве объекта авторских прав произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (ст. 1259 ГК РФ). Этот перечень не является исчерпывающим.

Рассмотрим более подробно признаки, позволяющие отнести произведения к объектам, охраняемым авторским правом. Важнейшим критерием отнесения объектов к произведениям (по смыслу ст. 1259 ГК РФ) является факт их создания творческий трудом автора. Творчество в самом широком смысле представляет собой интеллектуальную деятельность, результатом которой является создание ранее неизвестного интеллектуального продукта [4].

Сложившаяся в России судебная практика исходит из презумпции того, что результат интеллектуальной деятельности создан творческим трудом, пока не доказано иное. Критерий оригинальности, которому в ряде стран уделяется большое внимание, не является единственно значительным в российской практике. Как отмечается Верховным Судом РФ, само по себе отсутствие новизны, уникальности и(или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права[1].

Вторым важнейшим критерием является выражение произведения в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Это может быть письменная, устная, электронная формы, форма изображения, аудио- или видеозаписи, объемно-пространственная форма (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения. Значительная часть размещаемого образовательными организациями контента представляет собой произведение науки, выраженное в устной либо в письменной форме, либо в смешанной аудио-видео визуальной форме.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют такие виды образовательных ресурсов, как мультимедийные презентации и специально записанные онлайн-курсы. Мультимедийные презентации могут содержать в себе фотографии, отрывки видеороликов, текст и статистические сведения, а также аудио-сопровождение. Такие произведения, на наш взгляд, также следует квалифицировать в качестве сложных объектов, которые включают в себя несколько охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности. По смыслу закона, сложный объект представляет собой единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта. При этом нарушится целостность результата интеллектуальной деятельности, и его дальнейшее применение станет невозможным. Аналогичный вывод следует сделать и о сложной правовой природе онлайн образовательного курса. Он, как правило, включает в себя серию видеороликов, на котором запечатлены ведущий курса (один или несколько, не обязательно совпадающие при этом с автором сценария и текста), его выступление сопровождается

[1] *О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации*. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019. Российская газета. 2019;96.

презентацией, дублирующей по смыслу воспроизводимый текст, иногда с аудио и фото-наполнением. Кроме того, курсы включают и проверочные задания (тесты, творческие задания).

Более сложной представляется характеристика образовательного ресурса, объединяющего в себе ряд образовательных продуктов. Под образовательным ресурсом следует понимать, с одной стороны, специально разработанную программу для ЭВМ, с другой же — базу данных, объединяющую множество образовательных продуктов (произведений). Программы для ЭВМ охраняются авторским правом по смыслу ГК РФ как произведение, а с другой стороны, могут являться объектом патентного права. Следовательно, относительно образовательного ресурса, действует два правовых режима защиты: и как программы ЭВМ и базы данных, и как произведения.

В контексте исследуемой проблемы интерес вызывает проект ЮНЕСКО «Открытые образовательные ресурсы» (анг. Open Education Resources (OEP)). Указанный термин впервые был озвучен в 2002 г. на форуме ЮНЕСКО под влиянием размещения учебных материалов для высшего образования в развивающихся странах. Согласно исследованию, проведенному под эгидой ЮНЕСКО, названные ресурсы можно определить как ресурсы для преподавания и обучения на любом носителе, цифровом или ином, которые разрешают бесплатный доступ, использование, повторное использование и пересылку другими лицами. Ресурсы OEP — это ресурсы, полученные от правообладателей на условиях открытой лицензии или частично ограниченной лицензии [5].

Парижская Декларация (2012г.) рекомендует:

- содействовать информированию общества по применению соответствующих ресурсов;
- поощрять расширение доступа ко всем уровням образования;
- обеспечивать подготовку и мотивацию преподавательского состава в создании качественного и профессионального OEP и совместного его использования с учетом местных нужд и особенностей обучающихся;
- поощрять развитие и адаптацию OEP применительно к различным языкам и культурным контекстам [6].

Безусловно, реализация проекта открытых образовательных ресурсов сталкивается с национальными особенностями авторского права и необходимостью защиты прав авторов различных стран, а также отчасти усиливает объективный конфликт интересов между потребностями защиты интересов правообладателей и обеспечением доступа к знаниям, устранением дискриминации в интересах развития сферы образования во всем мире.

Вместе с тем законодательство значительного количества стран содержит указания на случаи свободного использования объектов авторского права, в том числе образовательных ресурсов. Концепции свободного использования в самом общем виде могут быть представлены в двух вариациях. Первый подход основан на доктрине добросовестного использования (fair use) [7]. При оценке корректности использования анализируются такие обстоятельства, как цель и характер использования (коммерческий или некоммерческий). Однако доктрина fair use нечасто применяется для обоснования исключительно некоммерческого использования [8]. Обращается внимание и на характер произведения (чем выше уровень творчества, тем вероятнее использование может быть квалифицированно как нарушение [9]). Подлежит оценке значительность объема заимствования; воздействие (позитивное, негативное), оказываемое на потенциальный рынок или ценность охраняемого произведения [10]. В рамках конкретного дела суды применяют и оценивают такие критерии индивидуально [11].

Второй подход, преимущественно имеющийся в странах континентального права, заключается в определении границ исключительного права и допущения конкретных случав свободного использования чужого произведения [12]. К таким случаям, как правило, относят способ использования (воспроизведение, распространение и т.д.), цель использования, сферу и объем использования. Директива 2001/29/29/ЕС ЕП и Совета ЕС от 22 мая 2001г.[2] позволяет устанавливать ограничения исключительных прав, например, в таких случаях, как иллюстрации, предназначенные для обучения, цитаты, приводимые в критике или обзоре для некоммерческих исследований или частного изучения и др.

На европейском уровне интерес представляют также положения Директивы (ЕС) № 2019/790. Подготовка и принятие указанной Директивы вызвало обширную научную дискуссию [13] и значительное количество негативных отзывов [14].

Применительно к исследуемым нами вопросам особый интерес представляет статья 5 названной Директивы (ЕС), которая вводит обязательные ограничения и исключения, позволяющие использование произведений или иных охраняемых объектов в образовательной сфере только в целях иллюстрации в учебной деятельности и в той мере, в какой это оправдано некоммерческой целью использования.

Следует согласиться с тем, что все учебные заведения, признанные государством-членом ЕС, в том числе относящиеся к начальному, среднему, профессиональному и высшему образованию, могут использовать это

[2] 2001/29/EC of the European Parliament and the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. Official Journal of the European Communities. 22.6.2001.

положение [15]. По общему правилу использование охраняемого контента в образовательных целях предполагает использование отрывков произведений или их частей, при этом такое использование не должно создавать угрозу существования рынка образовательного контента [16]. При этом страны могут не применять обозначенное исключение для отдельных видов использования или типа контента, предназначенного в большей степени для образовательной сферы, если лицензия является доступной. Страны также могут предусмотреть на уровне национального законодательства справедливую компенсацию для авторов и правообладателей [17].

Исследование опыта правового регулирования авторского права Китая показало, что статьей 22 Закона об авторском праве Китая установлены правила добросовестного использования. Так, образовательные ресурсы могут быть использованы без разрешения и вознаграждения правообладателя при условии, что владелец авторских прав идентифицирован, и другие права владельца авторских прав не должны нарушаться. Тем не менее, для использования таких материалов в образовательном контексте разрешается только переводить или воспроизводить источник в небольшом количестве экземпляров для использования учителями в классе или в научных исследованиях при условии, что перевод или воспроизведение не подлежит публикации или распространению. Следовательно, это положение в основном применимо только в конкретных ситуациях, что не позволяет реализовать его по отношению к производителям OER, размещающим свои курсы в сети Интернет.

В 2006 г. в Китае принимается Ordinance on the Protection of the Right to Network Dissemination of Information. Этот документ закрепил исключение из общих положений законодательства, указав, что такие ресурсы могут быть использованы через информационную сеть бесплатно в целях: борьбы с бедностью, профилактики и лечения болезней, предотвращения стихийных бедствий и оказания помощи; при условии, что конкретный поставщик сетевых услуг размещает соответствующую информацию, относящуюся к работе, и ее автор не возражает против загрузки и распространения своей работы. Поскольку веб-сайт размещает образовательную информацию в специальных целях, он может использовать материалы, защищенные авторским правом, без разрешения правообладателя [18].

Схожие нормы о возможности свободного использования произведений в специальных целях отражены и в действующем законодательстве РФ. Использование произведений науки, литературы и искусства любыми способами (как указанными, так и не указанными в п. п. 1 – 11 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) допускается только с согласия автора или иного правообладателя, за исключением случаев, когда ГК РФ допускается свободное использование произведения. При этом не учитывается, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели. Гражданский кодекс РФ устанавливает достаточно общий список изъятий (ограничений) исключительных прав автора.

Наибольший интерес в контексте темы настоящего исследования представляет право на использование произведений в личных целях, которое предполагает свободное воспроизведение произведения физическим лицом в некоммерческих целях законно полученного экземпляра для удовлетворения собственных потребностей и потребностей семьи этого гражданина. При этом важным является:

– способ использования (воспроизведение),

– цель (как правило, некоммерческая цель – получение новых знаний),

– законность получения экземпляра.

Так, если образовательное учреждение разместило образовательный контент на своем сайте в открытом доступе, то очевидна законность его воспроизведения. Однако может наблюдаться ситуация незаконного копирования с сайта вуза тех или иных материалов и их последующее воспроизведение (пусть и в личных целях).

Второе ограничение связано со свободой использования и последующего распространения произведений в информационных, научных, учебных или культурных целях (включая правомерное цитирование, иллюстрирование). В данном случае важным является обязанность указания на автора произведения и источник заимствования, а также соответствие объема использования образовательным целям.

И последний важнейший вопрос в контексте защиты прав авторов образовательных ресурсов — это определение правообладателей образовательного контента. Как правило, рассматриваемые в настоящей статье произведения создаются преподавателями образовательного учреждения, иными специалистами (инженерами, программистами, видео операторами и т. д.), а иногда и студентами (слушателями). Авторы (коллективы авторов) образовательного контента зачастую являются работниками вуза, однако правообладателем исключительных прав на эти объекты может быть как сам автор, так и образовательная (научная) организация.

Концепция понимания служебного произведения варьируется в зависимости от юрисдикции. В РФ при квалификации произведения как служебного учитываются следующие факты:

– относится ли сфера деятельности работодателя к той, в которой создан объект интеллектуальной собственности,

– трудовые обязанности лица или наличие специального распоряжения о выполнении конкретной работы,

– место выполнения работ и возможность осуществления работодателем процесса создания,

– цель создания, последующее поведение сторон и условия самого трудового договора.

Приведенное понимание служебного произведения по своему смыслу ближе всего к американской концепции «work for hire», согласно которой все имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в рамках трудовой функции, переходят к работодателю.

Вместе с тем, следует согласиться с выраженным в научной литературе мнением, что простое существование отношений работодатель – работник не дает работодателю права собственности на произведения, созданные работником в течение срока действия отношений. Это справедливо и в том случае, если произведение имеет отношение к делу работодателя и полезно для него, а работник, возможно, использовал время и ресурсы работодателя для завершения работы над произведением. Так, например, трудовой договор преподавателя, как правило, не содержит указание на обязанности разрабатывать онлайн курсы или вести запись лекций. Кроме того, читая одну дисциплину, преподаватель может осуществлять научные изыскания в другой, смежной сфере и создавать при этом уникальный научный контент. Представляется, что в данном случае правообладателем будет являться сам автор, и размещения таких результатов в образовательной системе вуза должно осуществляться с учетом исключений (установление авторства, получение согласия на размещение, некоммерческих характер использования). Маркёром для определения того, производится ли работа в соответствии с условиями трудового договора, является ответ на вопрос, соответствует ли выполнение работы тем видам деятельности, которые работодатель ожидает от сотрудника [18]. Другими словами, была ли работа той, которую сотрудник выполнил в соответствии со своими должностными обязанностями. Следовательно, не любое созданное работником вуза произведение попадает под понятие служебного произведения, а в каждом конкретном случае вопрос разрешается посредством обращения к признакам, обозначенным нами выше.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование показало, что проблема незаконного использования образовательного контента и защиты прав авторов и правообладателей указанного контента является широко распространённой, особенно это актуально для открытых образовательных ресурсов. Сложным для судебной оценки остается и сочетание возможности установления в законодательстве ограничений и изъятий, в том числе связанных с использованием образовательных ресурсов других вузов в личных целях, либо в научных и образовательных целях, и минимизация негативных последствий такого использования для коммерческого рынка образовательных ресурсов. Не до конца разрешены и вопросы использования цифровых копий образовательных продуктов, не определены условия использования результатов.

Минимизации же споров между самими работниками и образовательными учреждениям по поводу исключительных прав на образовательный контент будет способствовать четкое описание в трудовом договоре конкретных сторон тех видов произведений, которые могут быть результатом выполнения трудовой функции. При отсутствии конкретных указаний авторские и исключительные права должны оставаться за автором образовательного контента.

Список литературы

1. Beckerman-Rodau A. The problem with intellectual property rights: subject matter expansion. *Yale Journal of Law and Technology*. 2011. Available at: https://digitalcommons.law.yale.edu/yjolt/vol13/iss1/2 (дата обращения: 18.04.2023).
2. Merges RM. *What kind of Rights are Intellectual Property rights?* In: Dreyfuss R.C., Pila J., editors. The Oxford Handbook of Intellectual Property Law. Oxford University Press; 2018.
3. Rognstad OA. *Property Aspects of Intellectual Property*. Cambridge University Press; 2018. 244 p.
4. Howe H, Griffiths J. *Concepts of Property in Intellectual Property Law*. Cambridge University Press; 2013. 316 p.
5. Энтин В. *Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи.* Москва; 2017. 216 с.
6. Свиридова Е. Правовые аспекты коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности образовательных бюджетных организаций. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(1):152–163.
7. Hoosen S. *Survey on Governments' Open Educational Resources (OER) Policies.* UNESCO and Commonwealth of Learning; 2012. 27 p.
8. Fengchun Miao, Sanjaya Mishra, Rory McGreal. *Open Educational Resources: Policy, Costs and Transformation.* UNESCO and Commonwealth of Learning; 2016. 234 p.
9. Jacqueline DL. *Law and Authors: A Legal Handbook for Writers*. University of California Press. 2020; 272 p.
10. Калятин В. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования. *Закон.* 2015;11:40–47.
11. Hughes J. *Fair use and its politics – at home and abroad*. In: Okediji R.L, editor. Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions. Cambridge University Press; 2017. P. 234–274.

12. Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор. *Вестник гражданского права*. 2019;5:43–78.

13. Snow N. Who Decides Fair Use - Judge or Jury? *Washington Law Review*. 2019;94(1):281–282.

14. Justine P, Torremans P. European Intellectual Property Law. Oxford University Press; 2016. 671 p.

15. Stalla-Bourdillona S, Rosatia E, Turkb K. et al. An academic perspective on the copyright reform. *Computer Law & Security Review*. 2017;33(1):3–13.

16. Kretschmer M, Dusollier S, Bernt Hugenholtz P, Geiger C. The European Commission’s public consultation on the role of publishers in the copyright value chain: A response by the European Copyright Society. *European Intellectual Property Review [E.I.P.R.]*. 2016;36(10):591–595. Available at: https://papers.ssrn.com/ (дата обращения: 18.04.2023).

17. Ricolfi M, Xalabarder R, Van Eechoud M. Academics against Press Publishers’ Right, Statement from 169 EU academics. 2018. Available at: https://www.ivir.nl/ (дата обращения: 18.04.2023).

18. Stalla-Bourdillon S, Rosati E. A Brief Exegesis of the Proposed Copyright Directive. 2016; Nov 24.

19. Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2019;26:106–120.

20. Chunyan Wang, Guodong Zhao. *Open Educational Resources in the People’s Republic of China: Achievements, Challenges and Prospects for Development*. UNESCO Institute for Information Technologies in Education; 2011. 86 p.

21. Davison MJ, Monotti AL, Wiseman L. *Australian Intellectual property law*. *Fourth edition*; 2020. 1063 p.

References

1. Beckerman-Rodau A. The problem with intellectual property rights: subject matter expansion. *Yale Journal of Law and Technology*. 2011. Available at: https://digitalcommons.law.yale.edu/yjolt/vol13/iss1/2 (accessed: 18.04.2023).

2. Merges RM. *What kind of Rights are Intellectual Property rights?* In: Dreyfuss RC, Pila J, editors. The Oxford Handbook of Intellectual Property Law. Oxford University Press; 2018.

3. Rognstad OA. *Property Aspects of Intellectual Property.* Cambridge University Press; 2018. 244 p.

4. Howe H, Griffiths J. *Concepts of Property in Intellectual Property Law.* Cambridge University Press; 2013. 316 p.

5. Ehntin V. *Avtorskoe pravo v virtual'noj real'nosti (novye vozmozhnosti i vyzovy cifrovoj ehpokhi).* Moscow; 2017. 216 p. (In Russ.).

6. Sviridova E. Pravovye aspekty kommercializacii rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti obrazovatel'nykh byudzhetnykh organizacij [Legal Aspects of the Commercialization of Results of Intellectual Activity Carried out by Educational Budgetary Organizations]. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo – Economics. Taxes. Law.* 2019;12(1):152-163. (In Russ.).

7. Hoosen S. *Survey on Governments’ Open Educational Resources (OER) Policies.* UNESCO and Commonwealth of Learning; 2012. 27 p.

8. Fengchun Miao, Sanjaya Mishra, Rory McGreal. *Open Educational Resources: Policy, Costs and Transformation.* UNESCO and Commonwealth of Learning; 2016. 234 p.

9. Jacqueline DL. *Law and Authors: A Legal Handbook for Writers.* University of California Press. 2020; 272 p.

10. Kalyatin V. O perspektivakh primeneniya v Rossii doktriny dobrosovestnogo ispol'zovaniya. Zakon-Law. 2015;11:40–47. (In Russ.).

11. Hughes J. *Fair use and its politics – at home and abroad*. In: Okediji RL, editor. Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions. Cambridge University Press; 2017. P. 234–274.

12. Vorozhevich AS, Kozlova NV. Sluchai svobodnogo ispol'zovaniya ob"ektov avtorskikh prav: sushchnost', obshchij obzor [Cases of Free Fair Use of Copyright Objects: Summary, Overview]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Herald.* 2019;5:43–78. (In Russ.).

13. Snow N. Who Decides Fair Use - Judge or Jury? *Washington Law Review*. 2019;94(1):281–282.

14. Justine P, Torremans P. European Intellectual Property Law. Oxford University Press; 2016. 671 p.

15. Stalla-Bourdillona S, Rosatia E, Turkb K. et al. An academic perspective on the copyright reform. *Computer Law & Security Review.* 2017 Feb.;33(1):3–13.

16. Kretschmer M, Dusollier S, Bernt Hugenholtz P, Geiger C. The European Commission’s public consultation on the role of publishers in the copyright value chain: A response by the European Copyright Society. *European Intellectual Property Review [E.I.P.R.].* 2016;36(10):591–595. Available at: https://papers.ssrn.com/ (accessed: 18.04.2023).

17. Ricolfi M, Xalabarder R, Van Eechoud M. Academics against Press Publishers’ Right, Statement from 169 EU academics. 2018. Available at: https://www.ivir.nl/ (accessed: 18.04.2023).

18. Stalla-Bourdillon S, Rosati E. A Brief Exegesis of the Proposed Copyright Directive. 2016 Nov 24.

19. Motovilova DA. Klyuchevye polozheniya Direktivy (ES) No, 2019/790 ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh na edinom cifrovom rynke [Key Provisions of Directive (EU) 2019/790 On Copyright And Related Rights in the Digital

Single Market]. *Zhurnal suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Intellectual Property Court.* 2019;26:106–120. (In Russ.).

20. Chunyan Wang, Guodong Zhao. *Open Educational Resources in the People's Republic of China: Achievements, Challenges and Prospects for Development.* UNESCO Institute for Information Technologies in Education; 2011. 86 p.

21. Davison MJ, Monotti AL, Wiseman L. *Australian Intellectual property law. Fourth edition*; 2020. 1063 p.

Об авторах:

Касьяненко Татьяна Сергеевна, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1679-9008, kasyants@yandex.ru.

Алексеева Анна Павловна, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (236006, РФ, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30), доктор юридических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4569-7564, alexeeva.va-mvd@yandex.ru.

Заявленный вклад соавторов:

Т.С. Касьяненко — формирование основной концепции, определение цели и методологии исследования, подготовка текста, выводы. А.П. Алексеева — анализ результатов исследования, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 22.04.2023.
Поступила после рецензирования 19.05.2023.
Принята к публикации 19.05.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Tatyana S Kasyanenko, associate professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), Cand. Sc.(Law), associate professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1679-9008, kasyants@yandex.ru**.**

Anna P Alekseeva, professor of the Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law Department of the Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (30, General Galitsky St., Kaliningrad, 236006, RF), D. Sc. (Law), associate professor, ORCID : https://orcid.org/0000-0002-4569-7564, alexeeva.va-mvd@yandex.ru**.**

Claimed contributorship:

TS Kasyanenko: formulating the main concept, determining the purpose and methodology of research, preparation of the text, making conclusions. AP Alekseeva: study results' analysis, correction of the conclusions.

Received 22.04.2023.
Revised 19.05.2023.
Accepted 19.05.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-88-98

Научная статья

Противодействие экстремизму в условиях цифровизации общественных отношений

А.Н. Артамонов[1, 2], Р.В. Бушманов[1, 3], Д.В. Власов[1, 4]

[1] Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области, Российская Федерация, г Ростов-на-Дону, ул. Береговая, 11/1
[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
[3] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26
[4] Ростовский областной суд, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 164/35

✉ rodionbush@mail.ru

Аннотация

Введение. В российском законодательстве содержится определение понятия «экстремизм», применяются понятия «экстремистская деятельность», «осуществление экстремистской деятельности», определены направления противодействия экстремистской деятельности. При этом природа экстремизма, способы, механизмы и возможности его проявления, оценочный характер установления причин и следствия тех или иных действий, высказываний, провоцирующих или способных стимулировать настроения и поступки людей, носящих противоправный характер и экстремистское содержание, требуют глубокого изучения. Необходимы теоретические исследования данных вопросов с учетом изменения технологий распространения информации, способов воздействия на поведение человека и тех вредных последствий, которые может повлечь экстремистская деятельность. В статье рассмотрены результаты мониторингов законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности, проанализированы данные оценки общественно-политической обстановки в субъектах Российской Федерации Южного федерального округа, раскрывается понятие «экстремизм» в рамках современных методов противодействия данному виду преступлений, предотвращения возможных предпосылок и причин распространения подобной идеологии. Цель исследования — выявить проблемные аспекты в сфере противодействия экстремизму в условиях цифровизации общественных отношений.

Материалы и методы. Объектами исследования являются как понятие «экстремизм», так и его проявление в различных сферах общественных отношений. Использованы общенаучные методы научного познания: идеализация, формализация, логический и метод сравнения; эмпирическо-теоретические методы: аналогии, абстрагирования, индукции и дедукции; а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования и толкования правовых норм.

Результаты исследования. В результате изучения российского законодательства в сфере противодействия экстремизму, практики его применения высказаны предложения о необходимости широкого обсуждения и более детального нормативного закрепления как понятия «экстремизм», форм его проявления, так и возможностей противодействия с учетом современных способов коммуникации и распространения информации. Доказана значимость профилактики экстремизма, проведения разъяснительной деятельности принимаемых управленческих решений на всех уровнях власти с целью снижения возможности манипулирования общественным мнением и порождения экстремистских настроений. Проведен анализ практики территориальных органов Минюста России по противодействию экстремистской деятельности в общественно-политической и нормотворческой сферах. Сделана попытка найти ответы на актуальные вопросы, касающиеся принятия верных управленческих и нормотворческих решений с целью гармонизации общественной жизни и обеспечения безопасности человека, общества и государства.

Обсуждение и заключения. Вопросы экстремистских проявлений, возможностей негативного влияния на развитие общественных отношений, государственной деятельности, благополучие граждан и их объединений рассмотрены через призму оценки территориальными органами Минюста России общественно-политической обстановки, связанной с деятельностью некоммерческих организаций (далее — НКО) в субъектах РФ, их регистрацией, контролем проводимых ими мероприятий, получением финансовой поддержки и ее источников.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремистской деятельности, некоммерческая организация, цифровизация, территориальные органы Минюста России.

Благодарности. Авторы выражают благодарность редактору и рецензенту за объективную оценку материалов, представленных в статье, и предложений, позволивших повысить качество изложенной информации.

Для цитирования. Артамонов А.Н., Бушманов Р.В., Власов Д.В. Противодействие экстремизму в условиях цифровизации общественных отношений. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):88–98. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-88-98

Original article

Counteracting Extremism in the Context of Social Relations Digitalisation

Aleksey N Artamonov[1, 2], Rodion V Bushmanov[1, 3], Dmitry V Vlasov[1, 4]

[1] Chief Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov Region, 11/1, Beregovaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don, Russian Federation
[4] Rostov Regional Court, 164/35, Socialisticheskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ rodionbush@mail.ru

Abstract
Introduction. In the Russian legislation there is a definition of the notion "extremism", the notions "extremist activity", "carrying out extremist activity" are used and the directions of extremist activity counteracting are stipulated. However, in-depth study is required of the nature of extremism, the methods, mechanisms and opportunities of its manifestation, as well as of the evaluative nature of establishing the reasons and consequences of certain actions and statements provoking or encouraging people's illegitimate and extremist sentiments and actions. The theoretical study of the above issues is required due to the changes in technologies of information distribution, methods of influencing the human behavior and harmful consequences the extremist activity can entail. The article considers the results of the extremism countering legislation overview, analyses the data evaluating the socio-political situation in the subjects of the Russian Federation of the Southern Federal District, discloses the meaning of the notion "extremism" in the framework of the modern methods of countering this type of crime and preventing possible preconditions and reasons for wide spreading such ideology. The study aims at identifying the aspects of concern in extremism counteracting in the context of social relations digitalisation.
Materials and Methods. The research objectives are both the notion of "extremism" and its manifestation in various spheres of social relations. The following methods of general scientific knowledge were used: idealisation, formalisation, logical and comparative methods; the empirical and theoretical methods: method of analogies, abstracting, induction and deduction; as well as specific juridical methods: formally juridical, comparative legal, method of legal modeling and legal norms interpreting.
Results. Upon studying the Russian legislation in the field of extremism counteracting and its implementation practices, the suggestions were made on the necessity to have a wide-scale discussion and more detailed juridical stipulation of the notion of "extremism", the forms of its manifestation, as well as counteracting facilities, taking into account the modern methods of communication and distribution of information. The significance was proved of extremism prevention and conducting the awareness campaigns called to clarify the governing decisions made at all levels of authority to decrease the possibility of public opinion manipulation and extremist sentiment arising. The analysis of the Russian Ministry of Justice local bodies experience in countering the extremist activity in the socio-political and rule-making spheres was carried out. The attempt was made to find solutions in the topical issues of making the correct governing and rule-making decisions aimed at harmonising the social life and ensuring the security of a person, a society and a state.
Discussion and Conclusions. The issues of extremism manifestation, possibilities of its negative influence on the social relations development, state activity, citizens' and their associations' well-being are considered through the socio-political situation evaluation done by the local bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation in relation to the non-profit organisations' (hereinafter – NPOs) activity in the subjects of the Russian Federation (their registration, control of the events held by them, receiving the financial support and sources of such support).

Keywords: extremism, extremist activity countering, non-profit organisation, digitalisation, local bodies of the Ministry of Justice of Russia.

Acknowledgements. The authors are grateful to the editor and the reviewer for the unbiased assessment of the materials provided in the article and the suggestions that enabled improvement of the quality of presented information.
For citation. Artamonov AN, Bushmanov RV, Vlasov DV. Counteracting Extremism in the Context of Social Relations Digitalisation. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):88–98. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-88-98

Ключом ко всякой науке является вопросительный знак.
О. де Бальзак

Введение. Экстремизм в современном понимании этого слова представляет собой сложное явление, обусловленное целым комплексом причин и условий, способствующих его появлению, связанных, в том числе с многополярностью и многоконфессиональностью современного общества, различиями в уровне жизнеобеспечения как отдельных социальных групп, так и государств в целом.

Одним из приоритетных направлений деятельности нашего государства является противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности в сфере межнациональных отношений, в том числе борьба с отмыванием доходов, полученных преступным путем.

Законодательство России до подписания Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001[1] не содержало как такового определения экстремизма, а предусматривало лишь ответственность за противоправные деяния против основ конституционного строя и безопасности государства в главе 29 (статьи 278–282) Уголовного кодекса РФ[2] (далее — УК РФ).

25 июля 2002 года Президентом РФ подписан Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»[3], с принятием которого в УК РФ внесены соответствующие изменения, в частности, понятия «насильственное изменение конституционного строя» и насильственное удержание власти или «насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя» заменены понятием «осуществление экстремистской деятельности». В указанный закон введены новые уголовно-правовые составы, такие как «организация экстремистского сообщества» (ст. 282.1) и «организация деятельности экстремистской организации» (ст. 282.2).

Определение экстремизма закреплено в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Введением в действие данного закона внесены соответствующие изменения в законы, регулирующие общественно-политическую деятельность на территории нашей страны — в Федеральные законы «Об общественных объединениях»[4], «О свободе совести и религиозных объединениях»[5], «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»[6]. При этом первоначально законодатель ввел дифференциацию общественных и религиозных объединений применительно к наличию у них статуса юридического лица, определив различный круг прав таких объединений, имеющих статус юридического лица и действующих без такого.

Цель исследования — выявить проблемные аспекты в сфере противодействия экстремизму в условиях цифровизации общественных отношений.

Вопросы экстремистских проявлений, возможностей негативного влияния на развитие общественных отношений, государственной деятельности, благополучие граждан и их объединений целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть через призму оценки территориальными органами Минюста России общественно-политической обстановки, связанной с деятельностью НКО в субъектах РФ, их регистрацией, контролем проводимых ими мероприятий, получением финансовой поддержки и ее источников.

Материалы и методы. В ходе исследования были проанализированы понятие «экстремизм» и проявление экстремистской деятельности в различных сферах общественных отношений. Использованы общенаучные методы научного познания: идеализация, формализация, логический и метод сравнения; эмпирическо-

---

[1] *Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом* от 15.06.2001. Ратифицирована Федеральным законом № 3-ФЗ от 10.01.2003. URL: https://docs.cntd.ru/document/901812033 (дата обращения: 02.12.2022).
[2] *Уголовный кодекс Российской Федерации*. № 63-ФЗ от 13.06.1996. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996;25:2954.
[3] *О противодействии экстремистской деятельности*. Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221 (дата обращения: 11.01.2023).
[4] *Об общественных объединениях*. Федеральный закон № 82-ФЗ от 19.05.1995. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7877 (дата обращения: 11.01.2023).
[5] *О свободе совести и о религиозных объединениях*. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997. URL: https://feor.ru/wp-content/uploads/2019/05/Fed.zakon_.pdf (дата обращения: 11.01.2023).
[6] *О благотворительной деятельности и благотворительных организациях*. Федеральный закон № 135-ФЗ от 11.08.1995. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212 (дата обращения: 11.01.2023).

теоретические методы: аналогии, абстрагирования, индукции и дедукции; а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования и толкования правовых норм.

Федеральным законом от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»[7] введено понятие некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, регламентирован порядок учета таких организаций.

Внесение сведений в реестр иностранных агентов осуществляется добровольно на основании соответствующего заявления до начала осуществления деятельности в качестве иностранного агента, на основании требования Минюста России (его территориальных органов) либо в рамках исполнения судебных решений. Это НКО или технические подготовительные элементы, целью деятельности которых является упорядочение, систематизация видов реализации общественной активности людей и их объединений для достижения тех целей, на которые направлена их деятельность. Но остается, на наш взгляд, вопрос выявления (безошибочного и гарантированного) негативных, противоправных и крайне опасных целей и средств их достижения, которые мы пытаемся обозначить как экстремизм.

Основные направления противодействия экстремистской деятельности — это профилактические меры, направленные на ее предупреждение, в том числе и на установление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремизма в деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

С точки зрения юридической науки, очень важно найти грань, квалификационные характеристики, признаки, когда какая-либо противоправная деятельность или халатное бездействие становится экстремистским проявлением. Нельзя забывать и о «кампанейщине», когда мы увлекаемся каким-то термином, понятием, социальным явлением, имеющим негативную оценку или потенциально опасные последствия, и воспринимаем проявления общественной жизни через призму борьбы с этим злом. Особенно в этом плане опасно увлечься статистической отчетностью, попасть в зависимость от магии цифр, когда мы оцениваем свои успехи и достижения или недостатки через числовые показатели.

В этих вопросах повышенное значение приобретает разъяснительная, просветительская деятельность представителей публичной власти с гражданским обществом, когда принимаемые властью решения, планируемые или ожидаемые последствия или результаты доводятся до сведения населения и общественных объединений. В идеале (в возможных или допустимых случаях) решения принимаются совместно с заинтересованными сторонами или с их одобрения.

Противодействие экстремизму, без сомнения, являлось и является одним из приоритетов внутренней политики Российской Федерации на пути обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

Экстремизм как политический термин используется уже более ста пятидесяти лет и характеризуется как приверженность крайним взглядам, насильственным призывам и методам достижения целей [1], которыми выступает борьба за власть в сферах общественной жизни, относящихся к политической, экономической, национальной, культурной, религиозной и иным ее проявлениям.

Термин «экстремизм» часто используют вместе с понятием «радикализм», иногда в качестве синонима [2]. Однако большинство специалистов предлагают различать эти два понятия, а радикализмом характеризовать взгляды и высказывания, содержащие крайние оценки, но не переходящие запретные грани, которые должны пресекаться правовой системой государства и за которыми определяется экстремизм. Такие оценки и характеристики понятий усложняют процедуру разграничения различных негативных проявлений, их квалификации, могут порождать спорные позиции и их обоснования. Однако их обсуждение и в дальнейшем нормативное закрепление и, как следствие, формирование практики применения, в том числе судебной, способствует более точной их оценке, что также способствует снижению причин и почвы для негативных проявлений, в том числе экстремистских.

Федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности действует двадцать лет и предусматривает признаки и характеристику экстремистской деятельности (экстремизма). В законе определен широкий спектр экстремистской деятельности, в который наряду с насильственными действиями или угрозой их применения включено насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Публичное оправдание терроризма, использование нацистской атрибутики, включающей такой признак, как нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой

[7] *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента*. Федеральный закон № 121-ФЗ от 20.07.2012. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35748 (дата обращения: 20.12.2022).

принадлежности либо отношения к религии — все эти положения обозначены в Федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности.

Тематике экстремизма, формам его проявления и методам противодействия ему посвящается много исследований [3], в том числе диссертационных по юридическим, политическим и другим общественным наукам. Их активность по времени распределяется неравномерно, прослеживается явная зависимость от событий, происходящих в нашей стране и в мире в целом. Всплеск интереса к данной тематике был порожден событиями на Северном Кавказе в конце XX века. Характеристиками, предложенными в одном из таких исследований, мы хотели бы предварить наши рассуждения, связанные с заявленной тематикой.

По мнению М.П. Телякавова, организации, исповедующие идеологию экстремизма, хотя и совершают террористические акты, стараются действовать официально, для привлечения на свою сторону большого количества людей. В данной ситуации рассадником экстремистской идеологии являются правящие и элитарные группы, активно используется сталкивание различных конфессиональных или этнических групп [4]. Данной деятельности способствует технический прогресс, когда в последние годы радикально изменены возможности получения, распространения, а также фальсификации информации. Использование информационных технологий расширило возможности влиять на умы отдельных людей, формировать общественное мнение, включая различные манипуляции, связанные с экстремизмом. Приведенные выше характеристики организаций и негативные проявления их деятельности могут быть характерны и для нашего времени бурных событий, участником которых является наша страна. Все это требует и теоретического осмысления, и практического контроля.

Если усложнить характер действий и способы проявления негативного воздействия на общественное мнение, то следует сформулировать следующие вопросы.

Являются ли экстремистской деятельностью следующие действия? Разрушение или несохранение культурных ценностей в муниципальном образовании, допущение незаконной вырубки рощи, парка, их частей, отдельных ценных видов растений (то же самое в отношении животных), непринятие мер к их сохранению и т.п., будут ли относиться к проявлениям экстремизма?

С учетом возможных проявлений экстремизма в политической, культурной, религиозной сферах [5] эти виды действий взаимосвязаны. Реализация нормативных документов и деятельность организаций, целью которых является сохранение культурных, природных, религиозных ценностей, их разнообразия и т.д., становятся противодействием экстремизму.

При этом любая ли разъяснительная деятельность является профилактикой опасности экстремизма (потенциала его проявления), снижает возможности манипулировать общественным мнением? И информация бывает разная, и умение, а также формы ее преподносить, различны. Здесь возможно высказать только сожаление по поводу подготовленности информаторов, их квалификации и компетентности.

С другой точки зрения, дискуссионным остается вопрос о том, изменится ли уровень высказываний и негативных оценок, если добавить к ним национальную или межконфессиональную составляющую? Смогут ли они породить ответную реакцию экстремистской направленности, или подобные вещи сами по себе должны оцениваться как экстремистские? Готово ли наше общество к оценкам или обсуждению тем, в которых заложена такая составляющая, достаточна ли у нас подготовленность к этой работе, знание истории, психологии и других обязательных элементов аргументации?

Если вновь обратиться к законодательству о противодействии экстремистской деятельности, прослеживается комплекс профилактических мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремизма. Главное — не допускать провокационных действий, высказываний, других стимулов ответной негативной реакции. Любая информация может быть использовано как в положительном контексте и направлении, так и в обратном, вплоть до обсуждаемых проблем экстремистского характера. Речь идет о проведенной в нашей стране частичной мобилизации.

Федеральным законом определено, что считается экстремистским материалом, экстремистской организацией или символикой такой организации, ключевым и единственным поводом для которых является решение суда. Основной принцип противодействия экстремистской деятельности — это, прежде всего, неотвратимость наказания за такого рода действия.

Несмотря на имеющееся многообразие условий и причин, наиболее заметной проблемой распространения идеологии экстремизма в России в настоящее время является использование Интернет-ресурсов. Сказанное подтверждается не только Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»[8], но и статистическими данными ГИАЦ МВД России. В 2020

[8] *Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.* Указ Президента РФ № 344 от 29.05.2020. URL: https:// https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-29052020-n-342 (дата обращения: 05.10.2022).

году число преступлений, совершённых с использованием информационных технологий, выросло на 73,4 %, в том числе с использованием интернета — на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи — на 88,3 %[9]. За 5 месяцев 2021 года совершено более 227 000 преступлений в сфере компьютерной информации[10].

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» запрещает использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремизма (ст. 12), устанавливает ответственность за распространение экстремистских материалов (ст. 13). В рамках ст. 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[11] запрещается использование сайта в Интернете с призывами к террористической деятельности или оправдывающих терроризм. Также борьба в этой сфере ведётся в рамках норм уголовного права (ст. 280, 280.1, 282 УК РФ[12]). Кроме того, применяются нормы административного права — производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КОАП РФ[13]).

Необходимость понимания, выявления (распознавания) этих «скрытых форм» заставляет актуализировать анализ нашей повседневной работы, некоторые результаты которой мы представим далее. Остаются вопросы к коллегам из научной среды и практикам из разных сфер деятельности, которые связаны с предотвращением экстремистской деятельности.

Противодействие экстремизму, без сомнения, являлось и является одним из приоритетов внутренней политики Российской Федерации [6] на пути обеспечения национальной безопасности и суверенитета, особенно на территории Южного федерального округа (далее — ЮФО), который является одним из наиболее сложных и нестабильных регионов в смысле обеспечения межэтнической и межконфессиональной устойчивости.

Современный исторический период развития нашей страны и ЮФО осложняется еще и известными событиями противодействия негативным, зачастую преступным явлениям как внутри государства, так и за его пределами, что влечет за собой миграционные процессы, террористические акты и напрямую влияет на обсуждаемые проблемы.

Фундаментом нормативной базы по противодействию любым формам экстремизма и терроризма является Конституция РФ[14], запрещающая создание и деятельность НКО, действия которых могут повлечь разрушение основ конституционного строя, нарушение целостности нашего государства, подрыв безопасности России, разжигание национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ). Запрещается пропаганда или агитация, возбуждающие национальную или религиозную ненависть. Не разрешается пропаганда расового, религиозного или языкового превосходства (ст. 29 Конституции РФ).

Происходящие сейчас в стране и мире события наглядно показывают неработоспособность тех механизмов и методов, которые мы вырабатывали и применяли последнее время. Не представляется возможным соблюдение всех процедур, постоянно и максимально учитывая интересы и пожелания каждого, принимать управленческие решения. Например, стало сложно проводить публичные слушания, агитировать «за» или «против» тех или иных нововведений, спорить, доказывать или соглашаться с другим мнением. Необходимо быстро принимать решение, основанное на рекомендациях компетентных специалистов, которые знают историю и закономерности подобных явлений или событий и последствия их развития.

На основании статьи 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» органы исполнительной власти субъектов РФ участвуют в противодействии экстремизму в пределах своей компетенции, осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, разъяснительные, меры.

Проведенный анализ норм федерального законодательства позволяет сделать вывод, что на региональном уровне должен быть реализован комплекс полномочий органов власти субъекта РФ. Например, статья 16 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» запрещает осуществление экстремистской деятельности при проведении собраний, митингов, демонстраций и шествий. Данная норма неразрывно взаимосвязана с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»[15]. Так, часть 1.1 статьи 7 данного закона устанавливает минимальное расстояние между лицами, осуществляющими пикетирование, которое в свою очередь определяется нормативными актами субъекта РФ. А

[9] *Состояние преступности в России за период 2020 года.* Статистические данные ГИАЦ МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184 (дата обращения: 05.10.2022).

[10] *Состояние преступности в России за январь–май 2021 года.* Статистические данные ГИАЦ МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/24742236 (дата обращения: 10.10.2022).

[11] *Об информации, информационных технологиях и о защите информации.* Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264 (дата обращения: 02.11.2022).

[12] *Уголовный кодекс Российской Федерации.* № 63-ФЗ от 13.06.1996. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996;25:2954.

[13] *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.* № 195-ФЗ от 30.12.2001. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277 (дата обращения: 22.11.2022).

[14] *Конституция Российской Федерации.* Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013 (дата обращения: 29.01.2023).

[15] *О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях.* Федеральный закон № 54-ФЗ от 19.06.2004. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087370 (дата обращения: 29.01.2023).

согласно части 2 статьи 7, субъекты РФ регламентируют порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия, с которым надлежит обращаться в орган исполнительной власти субъекта или орган местного самоуправления. Частью 1.1 статьи 8 определены места, специально отведенные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений. Частью 2.2 статьи 8 запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций. Положениями части 3 статьи 8 установлено, что порядок проведения публичного мероприятия на территориях объектов, являющихся памятниками истории и культуры, находится в ведении органов исполнительной власти субъекта РФ. Кроме того, частью 3.1 статьи 8 предусмотрено принятие закона субъекта РФ, который бы определял порядок проведения публичного мероприятия на объектах транспортной инфраструктуры.

Принятие всех вышеуказанных нормативных правовых актов прямо предусмотрено федеральным законодателем и направлено на исключение возможности проявлений экстремизма в обществе.

Как отмечено ранее, в целях конкретизации положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[16], которая является концептуальным документом для органов государственной власти субъектов РФ и определяет основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. В п. 32 данной Стратегии отражены основные направления государственной политики по противодействию экстремизму, в числе которых разработка и принятие на уровне муниципальных образований и субъектов Российской Федерации целевых программ, направленных на создание механизма профилактики экстремизма и терроризма, а также предупреждения межнациональных (межэтнических) конфликтов. Наряду с этим в число основных направлений в сфере противодействия экстремизму входит осуществление комплекса мер, направленных на нормативную регламентацию и превентивное воздействие на проявления экстремизма с учетом социально-культурных факторов.

Кроме этого, статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремистской деятельности отнесено публичное оправдание терроризма. Данную сферу отношений регулирует в том числе специальный Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[17]. Статьей 5.1 данного закона установлены полномочия органов исполнительной власти субъектов РФ в области противодействия терроризму.

Проиллюстрировать многогранность и повышенную общественную ценность деятельности органов юстиции можно на результатах мониторинга регионального законодательства и деятельности территориальных органов Минюста России по противодействию, недопущению экстремистских проявлений в субъектах РФ ЮФО, проведенного по итогам 2021 года. По информации территориальных органов Минюста России по субъектам РФ, расположенным в пределах ЮФО, действуют 137 нормативных правовых актов в указанной сфере деятельности.

Наиболее «уязвимыми» в рассматриваемом вопросе являются религиозные организации и некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, а также НКО, чья деятельность финансируется из иностранных источников (ч. 6 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»[18]).

ЮФО — один из самых многоконфессиональных и многонациональных регионов РФ. По состоянию на начало 2022 года на территории ЮФО зарегистрировано 3 257 религиозных организаций. Православные религиозные организации составляют 60 % (1 949) от всех религиозных организаций округа. Иные традиционные религии — ислам (465) и протестанты (457) представлены в доминирующем количестве локально, что составляет по 14 % соответственно от общего числа религиозных организаций, зарегистрированных на территории ЮФО.

На территории ЮФО по состоянию на начало 2022 года в ведомственном реестре зарегистрированы 504 организации, созданные по национальному признаку, в том числе 196 национально-культурных автономий, 272 национальных общественных объединения, 33 иных национальных НКО.

Процедура принятия решения о государственной регистрации определена Федеральным законом «О некоммерческих организациях» и Административным регламентом по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций[19].

---

[16] *Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года*. Указ Президента РФ № 344 от 29.05.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555 (дата обращения: 29.01.2023).

[17] *О противодействии терроризму*. Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102170326&backlink=1&&nd=102105192 (дата обращения: 29.01.2023).

[18] *О некоммерческих организациях*. Федеральный закон № 7-ФЗ от 12.01.1996. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039064 (дата обращения: 29.01.2023).

[19] *Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций*. Приказ Министерства юстиции РФ № 199 от 26.09.2022. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=603424302&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%F0%E5%E-3%E8%F1%F2%F0%E0%F6%E8%FF+%EF%EE+%EC%E5%F1%F2%F3+%E6%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0++ (дата обращения: 29.03.2023).

Российским законодательством установлены перечни лиц (это и граждане, и лица без гражданства, и юридические лица), которым запрещается участвовать в деятельности общественных объединений и НКО в какой-либо форме [7]. Перед тем, как зарегистрировать общественное объединение или НКО, регистрирующий орган (территориальные органы Минюста России) проверяет их возможных руководителей и участников, чтобы в их число не попали иностранные граждане или лица без гражданства, в отношении которых принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) в России.

Минюст России ведет федеральный список экстремистских материалов. На 01.01.2023 в Перечень экстремистских организаций внесено около 100 НКО. Всего в 2021 году в ЮФО были зарегистрированы 1 162 НКО, в том числе 65 религиозных организаций, 470 общественных объединений, 627 иных НКО. Указанное свидетельствует о том, что территориальными органами Минюста России в ЮФО проведены проверки в отношении более тысячи уставов и иных документов НКО при их создании, а также проведены проверочные мероприятия в отношении более чем четырех с половиной тысяч учредителей физических и юридических лиц.

Результаты исследования. Реализуемый территориальными органами Минюста России комплекс проверочных мероприятий является частью механизма контроля за деятельностью НКО. Проблемным вопросом является деятельность религиозных групп без государственной регистрации, уведомляющих о начале своей деятельности территориальные органы Минюста России по месту осуществления своей деятельности.

На 01.01.2023 на территории ЮФО уведомили о начале и продолжении своей деятельности более 290 религиозных групп. Поскольку территориальные органы Минюста России уполномочены осуществлять контрольные полномочия только в отношении зарегистрированных организаций, уведомления о продолжении деятельности, которые должны представляться не реже 1 раза в год, лишь свидетельствуют о том, что такая группа продолжает свою деятельность либо (в случае отсутствия уведомления) прекратила ее осуществлять.

По результатам проведения контрольных мероприятий (проверок, анализа отчетов и участия в мероприятиях некоммерческих организаций), в зависимости от выявленных нарушений территориальные органы Минюст России могут приостановить деятельность НКО либо возбудить дело об административном правонарушении, а также направить в суд заявление о прекращении деятельности НКО. Территориальными органами на постоянной основе осуществляется мониторинг деятельности организаций из так называемой «группы риска», в том числе получающих финансирование из иностранных источников, религиозных организаций и общественных организаций, созданных по национальному признаку. В целом деятельность указанных организаций соответствует уставным целям. В ходе проведения проверок фактов, свидетельствующих о проявлениях деструктивной деятельности, а также фактов распространения экстремистских материалов религиозными организациями, общественными объединениями, созданными по национальному признаку, не выявлено. Выявленные в ходе проведения проверок нарушения в большинстве случаев устраняются, о чем представляются документы, подтверждающие их устранение. Вместе с тем, например, по результатам проведенного Управлением Минюста России по Республике Адыгея (далее — Управление) в ноябре 2021 года мониторинга данных о лицах, включенных в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, были выявлены 4 физических лица, являющихся учредителями (членами) некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Республики Адыгея. В адрес руководящих органов данных НКО Управлением были вынесены предупреждения об устранении нарушений, связанные с необходимостью исключения указанных лиц из состава учредителей (членов) НКО.

По результатам контроля деятельности религиозных организаций, общественных объединений, созданных по национальному признаку, организаций, получающих финансирование из иностранных источников, в случае выявления нарушений законодательства Российской Федерации в деятельности организаций территориальные органы применяют меры правового реагирования.

Взаимодействие территориальных органов Минюста России с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в сфере профилактики экстремизма на территории субъектов РФ ЮФО осуществляется на постоянной основе. Однако необходимо понимать, что это лишь часть работы, которая должна постоянно проводиться для противодействия возможностям экстремистских проявлений. Наивно полагать, что кто-то, тем более массово будет создавать организации, чтобы заниматься такого рода деятельностью, что злоумышленникам необходимы печати юридического лица, счета в банках для распространения своих преступных идей или действий.

Минюстом России и его территориальными органами регулярно анализируется региональное законодательство, выявляются его недостатки, противоречия федеральным положениям, принимаемые нормотворческие решения, их своевременность, достаточность на сегодняшний день. Территориальными органами Минюста России и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления организован оперативный обмен информацией, необходимой для реализации своих

полномочий.

Представители территориальных органов Минюста России принимают участие в заседаниях межведомственных рабочих групп и иных совещательных органов, в состав которых входят представители правоохранительных органов и иных органов государственной власти как в сфере обеспечения единства правового пространства и правового просвещения, так и в сфере деятельности НКО.

Выше описаны традиционные (специалисты IT-технологий могут их определить как устаревшие) формы контроля, реагирования на объективную действительность или возможности воздействия на нее. Однако мы понимаем, что этого недостаточно, что технологии, новые возможности значительно опережают набор таких мер.

Обсуждение и заключения. Вопросы экстремистских проявлений, возможностей негативного влияния на развитие общественных отношений, государственной деятельности, благополучие граждан и их объединений, связанные в настоящее время с техническим развитием, мы обозначили в работе «Цифровое право или право цифры: от удобства до опасности утраты государственного суверенитета» [8].

Оценка территориальными органами Минюста России общественно-политической обстановки, связанной с деятельностью НКО в субъектах РФ, их регистрацией, контролем проводимых ими мероприятий, получением финансовой поддержки и ее источников, анализ федерального, регионального и муниципального действующего законодательства [9] и принимаемых нормотворческих решений на этих уровнях власти позволил выявить возможности противодействия экстремизму. Понимание нами того, с чем общество борется, чему противостоит, актуализировало готовность работать на опережение, не допускать последствий уже совершенного или допущенного.

В нашей стране в этом направлении работают многие представители властных структур, наделенные соответствующими полномочиями, некоторые общественные объединения, НКО в качестве цели своей деятельности заявляют противодействие экстремизму [10]. Описание практики территориальных органов Минюста России по противодействию экстремистской деятельности в общественно-политической и нормотворческой сферах позволило проанализировать явления экстремизма, приводящие к негативным и даже трагическим последствиям. По нашему мнению, государственные органы могут принимать верные управленческие и нормотворческие решения, гармонизировать общественную жизнь и обеспечивать безопасность человека, общества и государства.

Список литературы

1. Фридинский С.Н. Понятие экстремизма и основные направления борьбы с ним. *Вестник Московского университета МВД России.* 2008;3:59–61.

2. Фридинский С.Н. *Экстремизм: понятие, сущность и основные формы проявления: научно-методическое пособие.* Москва; 2010. 124 с.

3. Пиджаков А.Ю. *Правовое регулирование борьбы с экстремизмом за рубежом.* Москва: Российская криминологическая ассоциация; 2005. 291 с.

4. Телякавов М.П. *Экстремизм в деятельности религиозных объединений на Северном Кавказе как угроза региональной безопасности России (политологический анализ)*. Дис. канд. полит. наук. Москва; 2003. 162 с.

5. Мелихов А.М. Закваска экстремизма. *Звезда.* 2005;11:164–171.

6. Бенько Л.А., Должиков В.А. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации. *Известия Алтайского государственного университета*. 2012;4–1(76):234–237.

7. Бушманов Р.В., Мазовка А.С. Влияние цифровизации на правовые аспекты Минюста России в сфере противодействия экстремистским проявлениям. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2022;9(148):66–71.

8. Артамонов А.Н. Цифровое право или право цифры: от удобства до опасности утраты государственного суверенитета. *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета.* 2022;2(102):30–33.

9. Пинкевич Т.В., Зубалова О.А. Современное состояние экстремизма и терроризма в условиях развития цифровых технологий. *Юристъ-Правоведъ.* 2020;3(94):64–68.

10. Пестрецов М.А., Ховавко С.М. История и причины возникновения экстремизма в России. *Евразийский юридический журнал.* 2017;9(112):305–307.

References

1. Fridinskij SN. Ponyatie ehkstremizma i osnovnye napravleniya bor'by s nim. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2008;3:59–61. (In Russ.).

2. Fridinskij SN. *Ehkstremizm: ponyatie, sushchnost' i osnovnye formy proyavleniya (nauchno-metodicheskoe posobie).* Moscow; 2010. 124 p. (In Russ.).

3. Pidzhakov AY. *Pravovoe regulirovanie bor'by s ehkstremizmom za rubezhom*. Moscow: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya; 2005. 291 p. (In Russ.).
4. Telyakavov MP. *Ehkstremizm v deyatel'nosti religioznykh ob"edinenij na Severnom Kavkaze kak ugroza regional'noj bezopasnosti Rossii (political analysis);* Cand.Sc. dis. (Political Science). Moscow; 2003. 162 p. (In Russ.).
5. Melikhov AM. Zakvaska ehkstremizma. *Zvezda.* 2005;11:164–171. (In Russ.).
6. Ben'ko LA, Dolzhikov VA. Radicalism as a "Threat" to National Security in the Contemporary Russian Federation. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;4–1(76):234–237. (In Russ.).
7. Bushmanov RV, Mazovka AS. Vliyanie cifrovizacii na pravovye aspekty Minyusta Rossii v sfere protivodejstviya ehkstremistskim proyavleniyam. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2022;9(148):66–71. (In Russ.).
8. Artamonov AN. Cifrovoe pravo ili pravo cifry: ot udobstva do opasnosti utraty gosudarstvennogo suvereniteta. *Yuridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*. 2022;2(102):30–33. (In Russ.).
9. Pinkevich TV, Zubalova OA. Sovremennoe sostoyanie ehkstremizma i terrorizma v usloviyakh razvitiya cifrovykh tekhnologij. *Yurist'- Pravoved'*. 2020;3(94):64–68. (In Russ.).
10. Pestrecov MA, Khovavko SM. History and Causes of the Emergence of Extremism in Russia. *Eurasian Law Journall*. 2017;9(112):305–307. (In Russ.).

Об авторах:

Артамонов Алексей Николаевич, заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области (344082, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, 11/1,), доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ru61@minjust.gov.ru

Бушманов Родион Викторович, помощник начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области (344082, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, 11/1), старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26), rodionbush@mail.ru

Власов Дмитрий Владимирович, помощник судьи Ростовского областного суда (344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 164/35), oblsud.ros@sudrf.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.Н. Артамонов, Д.В. Власов — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. Р.В. Бушманов — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 12.04.2023.
Поступила после рецензирования 29.04.2023.
Принята к публикации 29.04.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Aleksey N Artamonov, deputy head of the Chief Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov Region (11/1, Beregovaya St., Rostov-on-Don, 344082, RF), associate professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000 , RF), Cand.Sc. (Law), associate professor, ru61@minjust.gov.ru

Rodion V Bushmanov, assistant of the head of the Chief Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov Region (11/1, Beregovaya St., Rostov-on-Don, 344082, RF), senior lecturer of the State and Legal Disciplines Department, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (26, Soborny Lane, Rostov-on-Don, RF), rodionbush@mail.ru

Dmitry V Vlasov, assistant judge of the Rostov Regional Court (164/35, Socialisticheskaya St., Rostov-on-Don, RF), oblsud.ros@sudrf.ru

Claimed contributorship:

AN Artamonov, DV Vlasov: formulating the main concept, research methodology, preparation of the text, formulating conclusions. RV Bushmanov: study results analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 12.04.2023.
Revised 29.04.2023.
Accepted 29.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.225.5

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-99-108

Научная статья

Исследование влияния вида аффекта на квалификацию деяния, назначение вида и размера наказания

Ю.И. Исакова[1], А.А. Коновалов[1], О.Б. Черненко[2]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

✉ tornade@mail.ru

Аннотация

Введение. Совершение любого преступления сопряжено с интенсивными душевными переживаниями и эмоциональными всплесками. Причем подобного рода волнения возникают не только у человека, на которого совершено посягательство, но также и у субъекта совершения преступления. В большинстве своем душевные переживания связаны с совершением определенных действий, результатом которых становится нарушение уголовного закона и, следовательно, совершение преступления. Однако в некоторых случаях механизм преступления реализуется уже после и в результате возникшего сильного душевного переживания. В этом случае невозможно отрицать тот факт, что подобное состояние может оказать влияние не только на намерения и мотивы человека, но и на характер его действий, и на результат таких действий. С этой точки зрения изучение особенностей состояния аффекта имеет большое значение для уголовного права и оценки характера действий виновного лица, а также для определения необходимого репрессивного воздействия в виде срока и вида уголовного наказания. Цель данного исследования состоит в определении дифференциации влияния различных видов аффектированного состояния субъекта преступления на значимые элементы состава преступления, которые учитываются при квалификации деяния и назначения наказания.

Материалы и методы. Для того, чтобы сформулировать понятие аффекта, необходимо проанализировать имеющиеся в науке подходы к анализу данной проблемы и соотнести ее с имеющейся практикой изучения аффектированного состояния. При этом учтены не только наиболее распространенные мнения практиков и теоретиков, но и проанализированы не популярные мнения по вопросу определения аффекта. В ходе исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы, в частности, методы анализа, синтеза, интерполяции, структурного анализа, методы, используемые правовой психологией и психиатрией.

Результаты исследования. Понятие «аффект» имеет комплексный и неоднородный характер. Следовательно, для того, чтобы иметь возможность объективно оценить уголовно-правовое значение состояния лица на момент совершения преступления, необходимо не ограничиваться установлением факта наличия аффекта в момент совершения преступления. Важно определить, к какому из пяти выделенных в работе видов аффекта, к какой фазе этого эффекта можно отнести состояние, диагностируемое у субъекта преступления.

Обсуждение и заключения. В результате проведенного исследования удалось выделить такие виды аффекта, как кумулятивный, аномальный, аффект на почве алкогольного опьянения, патологический, физиологический, которые, в свою очередь, проходят несколько фаз при формировании и переживании субъектом. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что только два из выделяемых видов аффекта однозначно могут повлечь за собой уголовно-правовые последствия: аффект физиологический (не связанный с наличием болезненного состояния и предусматривающий назначение и исполнение уголовного наказания) и аффект патологический (наличие которого влечет признание человека невменяемым). Все иные аффектированные состояния, в той или иной степени являющиеся разновидностями двух вышеназванных, не могут исключить назначение и исполнения уголовного наказания, могут повлиять на содержательные характеристики субъективной стороны преступления, а, следовательно, и на вид и размер назначаемого наказания.

Ключевые слова: аффект, совершение преступления, субъективная сторона преступления, патологический аффект, физиологический аффект, фаза аффекта.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материала и предложения по совершенствованию исследования способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Исакова Ю.И., Коновалов А.А., Черненко О.Б. Исследование влияния вида аффекта на квалификацию деяния, назначение вида и размера наказания. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):99–108. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-99-108

Original article

Investigating the Influence of the Heat of Passion Type on Qualification of the Act, the Type and Scope of Imposed Punishment

Yulia I Isakova[1], **Alexander A Konovalov**[1], **Olga B Chernenko**[2]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov State University of Economics "RINH", 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ tornade@mail.ru

Abstract
Introduction. Commission of any crime involves intense emotional experience and emotional outbursts. And this kind of agitation is felt not only by a person encroached upon, but also by a subject of a crime. In the majority of cases, emotional experience is related to committing the certain actions resulting in violation of the Criminal Law and, consequently, committing a crime. However, in some cases, the mechanism of a crime is realised after and as a result of experiencing the powerful emotional experience. In such cases, it is impossible to deny the possibility of this state to have impact not only on the intentions and motives of a person, but also on the nature of his actions and their outcome. From this perspective, studying the features of the heat of passion is of great importance for the Criminal Law and for assessing the nature of a guilty person's actions, as well as for determining the appropriate punitive reaction by means of the term and type of criminal punishment. The present study aims at differentiating the influence of various types of heat of passion, experienced by a subject of a crime, on the important elements of a crime, which are taken into consideration while qualifying the act and imposing the punishment.
Materials and Methods. In order to define the concept of heat of passion, it is necessary to analyse available scientific approaches used for investigating this problem and correlate the problem with the existing practices of studying the heat of passion. Besides, not only the most popular opinions of practitioners and theoreticians have been taken into account, but the unpopular opinions on the issue of the heat of passion detection have been analysed as well. The general and specific scientific methods have been used in the research, in particular, the analysis, synthesis, interpolation, structural analysis, methods of legal psychology and psychiatry.
Results. The "heat of passion" concept has a complex and heterogeneous nature, therefore, in order to be able to assess impartially the criminal and legal value of a person's state upon committing a crime, it is necessary not to be restricted to merely establishing the fact of heat of passion presence at the moment of committing a crime. It is important to identify, to which of five types of heat of passion, stipulated in the present work, and to which of their phase, the state, diagnosed in a subject of a crime, can be referred to.
Discussion and Conclusions. As a result of conducted research, it was possible to identify such types of heat of passion as: the cumulative, the abnormal, the one caused by alcoholic intoxication, the pathological, the physiological, which, in their turn, undergo several phases during formation and experiencing by a subject. However, the majority of the researchers share the opinion that only two of the identified types of heat of passion can unambiguously entail criminal and legal consequences: physiological (not related to the diseased condition and liable to imposing and enforcement of criminal punishment) and pathological heat of passion (entailing, if present, declaring a person insane). All the other heat of passion states, which to one degree or another are varieties of the two above-mentioned, can not exclude imposing and enforcement of criminal punishment, but may affect the substantive characteristics of the subjective side of a crime, and, consequently, the type and scope of the punishment imposed.

Keywords: heat of passion, committing a crime, subjective side of a crime, pathological heat of passion, physiological heat of passion, heat of passion phase.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the material and suggestions for improving the research, has contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For citation. Isakova YI, Konovalov AA, Chernenko OB. Investigating the Influence of the Heat of Passion Type on Qualification of the Act, the Type and Scope of Imposed Punishment. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):99–108. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-99-108

Введение. При анализе формирования личности преступника, причин и условий совершения преступления, преступного поведения и реализации преступного механизма юридическую науку прежде всего интересует правовая оценка имеющихся данных. При этом психологическая структура данной системы, ее наполнение, формирование и особенности реакции становятся предметом изучения психологии. Однако такие факты не могут остаться без правовой оценки, так как они напрямую влияют на понимание сути проблемы, определения степени общественной опасности деяния и личности виновного, степень деформации его личности. В связи с этим, определение признаков, сущности и возможных вариаций аффектированного состояния имеет определяющее значение для правильной оценки действий виновного и последующего назначения наказания.

Для того, чтобы принять правильное решение, вынести справедливый и обоснованный приговор по результатам рассмотрения уголовного дела, обязательно должны быть установлены и изучены мотивы совершения противоправного деяния и эмоциональное наполнение действий виновного лица. Только в этом случае можно объективно оценить опасность для общества виновного лица, уровень его социализации и правовой адаптации, что в конечном итоге повлияет на выбранные вид и размер наказания.

В научной литературе принято говорить о наличии трех разновидностях человеческих эмоциональных переживаний:

– испытываемые чувства;

– переживаемые эмоции;

– аффекты.

Именно эти категории и их комбинации определяют ценность как внутренних, так и внешних событий для конкретного человека, а соответственно моделируют траекторию его жизнедеятельности. В связи с этим обнаружение и изучение характеристик аффекта, который сопутствовал совершению преступления, играет важную роль не только для итоговой квалификации, но и для процесса расследования и доказывания как одной из основных его частей.

Изучение аффекта берет свое начало из древнегреческой культуры, а первой работой, в рамках которой был затронут этот вопрос и употреблено само понятие аффекта, с полной уверенностью можно считать трактат «О душе», вышедший из-под пера Аристотеля [1]. Аристотель предлагал разделять эмоции в зависимости от того, как и насколько они влияют на поведение человека. В рамках таких рассуждений обосновывалась мысль о том, что все мысли человека в результате проявления определенных чувств приобретали эмоциональный контекст. Аффекты же — наиболее яркие и интенсивные виды эмоций, которые не просто трудно рационально осмыслить, но и невозможно проконтролировать (как возникновение, так и проявления). По мнению Аристотеля, аффекты способны воздействовать двумя способами:

– спровоцировать незапланированные, стремительные действия;

– изменить уже запланированный ход действий, что повлечет изменение и результата, который станет для лица непредвиденным.

Основной вывод, который сделал Аристотель относительно исследуемого вопроса, по нашему мнению, — невозможность подавления уже наступившего аффекта, что не отменяет возможности его предупреждения путем работы самого человека со своим сознанием.

Следующим, кто обратил свое внимание на вопросы, так или иначе связанные с изучением влияния сильного душевного волнения на событие преступления, стал представитель нидерландской философской школы — Б. Спиноза. Он создал новое направление изучения такого состояния, в рамках которого предлагал рассматривать аффект как «состояние тела и идеи этих состояний, которое увеличивают или уменьшают активность человека» [2, с. 491]. Однако аффект, по мнению Б. Спинозы, не является явлением однородным, а соответственно, должен рассматриваться в трех различных вариациях:

– непреодолимое влечение или желание, которое не может контролироваться человеком и являться его выбором, так как основой такого влечения выступает исключительно заложенная в человеке природа, его натура. При этом желания и влечения не могли быть приняты как понятия, которые могут использоваться как синонимы. Так, по мнению Б. Спинозы, «желание есть влечение с осознанием его» [2, с. 496], что указывает на более осознанный характер желания по отношению к влечению;

– аффект удовольствия, что увеличивает желание и вероятность действий;

– аффект неудовольствия, который действует с противоположным эффектом.

Иные аффекты также имеют место быть, однако являются лишь производными от трех перечисленных.

Цель данного исследования состоит в определении дифференциации влияния различных видов аффектированного состояния субъекта преступления на значимые элементы состава преступления, которые являются существенными для квалификации деяния и назначения наказания.

На рубеже XIX–XX веков аффект выделился в отдельную группу, и ему стало уделяться гораздо большее внимание, чем ранее. В этой связи интерес представляют рассуждения об аффекте таких представителей научного сообщества, как К. Юнг, Р. Шефер, П. Кнапп и др. В частности, выдающийся исследователь человека, его сущности и ее бессознательной части К. Юнг предлагал концептуально рассматривать аффект как «состояние чувства, отличающегося, с одной стороны, заметной иннервацией, с другой стороны, своеобразным нарушением процесса представления» [8, с. 496]. Согласно К. Юнгу, аффект выступает как синонимичное понятие эмоции, проявляемой у человека и не всегда коррелирующее с испытываемыми и проживаемыми чувствами. Аффект от чувства отличается тем, что чувства являются только предпосылкой для формирования аффекта, чувства способны вызвать аффект только при достаточной концентрации.

Другие зарубежные исследователи рассматривали аффект как многовариативный феномен и считали, что он может протекать как в виде еле заметных почти неощутимых переживаний человека, так и проявляться интенсивным всплеском ярких эмоций.

Из числа отечественных ученых на вопросы определения аффекта обращали внимание С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, В.К. Вилюнас, А.Н. Леонтьев и др.

Пожалуй, первым из видных советских ученых попытался разобраться в особенностях аффекта известный психолог С.Л. Рубинштейн [3]. Он высказывал мнение о том, что аффект необходимо понимать как особого рода эмоциональный процесс, который протекает настолько быстро и интенсивно, что лишает возможности сознанию своими волевыми усилиями контролировать разрядку, выражающуюся в активных действиях. С.Л. Рубинштейн хотя и проводил разграничение между аффектами и так называемыми страстями, но в то же время считал эти проявления родственными друг другу и полагал, что страсти выступают одним из свойств аффекта, то есть оказывают значительное влияние на сознание и проявления человека, его мыслительную и психическую активность. Все действия человека под прессингом возникшего аффекта становятся неупорядоченными, не имеют логического обоснования и напрямую зависят от переживаемого внутреннего возбуждения. Человек утрачивает способность хоть сколько-нибудь контролировать свою активность, действия его становятся спонтанными, неконтролируемыми, проявляются инстинктивно, будто не зарождаются в человека, а лишь транслируются им.

Вопросы возникновения, развития и протекания аффекта привлекли внимание и видного ученого-психолога А.Н. Леонтьева, который предлагал концепцию, в соответствии с которой аффект должен стоять в одном ряду с эмоциональными проявлениями, такими как сами эмоции человека и его чувства. Ученый предлагал рассматривать аффекты как «кратковременные, но сильные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями» [4, с. 25].

Соответственно, наглядными становятся различия в представленных взглядах на вопросы аффективного состояния и его сущности. Так в отличие от С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьев привнес в рассматриваемое определение два ранее неуказанных свойства, которыми явились:

– способность оставаться в сознании человека на уровне памяти (так называемые «аффективные следы»);

– такие следы имеют накопительный эффект и, концентрируясь при повторении психотравмирующих ситуаций, приводят к тому, что человек становится очень восприимчивым, чувствительным, а соответственно, повышается и вероятность неконтролируемой реакции [5].

Ф.С. Сафуанов высказывает мнение, согласно которому аффект представляет собой особого рода эмоциональное состояние человека, которое формируется за очень короткий промежуток времени и влияет на сознание таким образом, что лицо практически полностью утрачивает способность не только регулировать свою активность, но и понимать ее сущность. Он же впервые предложил говорить о трехчленной структуре развития аффектированного состояния [6].

Отдельным направлением исследования стали попытки развести понятия страстей и аффекта. Так, страсти рассматривались как достаточно длительная и сильная реакция на внешний раздражитель, в то время как аффект продолжал описываться через краткосрочность протекания, осложненную бурной реакцией и ярким ее выражением.

В.К. Вилюнас — известный представитель советской психологической науки, указывал, что аффекты отличаются от эмоций относительной кратковременностью и большей силой [7]. В противовес такому мнению свою позицию описывал А.Н. Леонтьев, который предлагал напрямую не связывать наличие у человека в определенный момент времени состояния аффекта и того, присутствуют ли у человека описанные признаки.

Более того, он полагал, что провести четкое разграничение между человеческими эмоциями, их проявлениями и аффектом просто невозможно на основании представленных фактов, а, следовательно, такие факты не могут быть признаны ни необходимыми, ни достаточными для такого отождествления.

По мнению В.К. Вилюнас, «эмоции вовсе не отличаются от аффектов меньшей силой или меньшими эффектами; есть более значимые отличия, чем те, которые зачастую обозначаются» [7, с. 73]. При этом психолог не только подвергал критике существующие подходы и теории, но и предложил свое видение. Граница между проявлением эмоций человеком и состоянием, связанным с наличием аффекта, должна проводится на базе описания тех отличий двух этих явлений, которые кроются в их функционале. Так, В.К. Вилюнас считал, что оценку для текущей или ожидаемой ситуации может отразить только эмоция, аффекты в свою очередь могут являться только лишь ответной реакцией на неожиданную для человека ситуацию [7]. Однако, в соответствии с мнением, которое высказал А.Н. Леонтьев, аффект должен рассматриваться в качестве определенного рода состояния, которое «возникает у субъекта помимо его воли, в то же время эмоции проявляются у человека как состояние своего Я. Аффекты всегда выступают не как то, что является моим, а как то, что происходит со мной» [5, с. 454].

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования для возможности полноценно исследовать понятийную сторону термина «аффект» и определения его уголовно-правового содержания использован метод когнитивного познания самой сущности и особенностей аффекта, как явления биологического, но вместе с тем имеющего влияние на протекание значимых для права процессов и явлений. Был проведен анализ теоретических положений правовых, общественных и естественных наук, дающих представление о компонентах, наполняющих состояние аффекта и влияющих на его возникновение, протекание и последствия, а также анализ категориального аппарата и его содержания, которые позволили обратить внимание на неоднородность указанных процессов и их естественное деление на виды и фазы протекания.

Результаты исследования. Описание аффекта представляет объективные трудности, связанные со сложностью трансляции особенностей, которые испытывает человека в таком состоянии, а также с наблюдением и определением тех процессов, которые в человеке происходят. При этом характеристика аффекта как явления, как состояния, которое проживает человек, а также определение свойств такого состояния обязательно должны быть строго установлены в науке уголовного права и отмечены в законодательстве. Так, в российском уголовном праве для того, чтобы говорить о наличии аффектированного состояния у человека, принято говорить о необходимости диагностирования двух групп признаков, названных дезорганизующими и мобилизирующими. При этом представляется, что такая характеристика не полностью соответствует действительности и отражает ее, так как аффект необходимо рассматривать не сам по себе как состояние, а относить его к общему наполнению структуры внешней активной деятельности человека. В этой связи аффект с большей долей объективности нужно характеризовать как явление, способное к воспроизведению функции следообразования. Во многом именно эта функция делает возможным говорить об аффекте как об уголовно-правовой категории, которую можно обнаружить и исследовать уже после того, как такое состояние завершится, т. е. в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Необходимо обратиться к учению К.Г. Юнга, который по этому поводу подчеркивал, что невещественные следы, образуемые в результате возникновения и существования аффекта, складываются в своей совокупности в так называемый «аффективный комплекс». Именно он и рассматривается после прохождения самого состояний, он исследуется, в том числе на этапе расследования уголовного дела и судебного разбирательства [8].

Аффективные функции обладают свойствами, которые непосредственно сказываются на состоянии человека, функциях его психики. Сами по себе определенного рода провоцирующие (аффектогенные) ситуации, которые в уголовном праве принято связывать с действиями жертвы, увеличивают не только сам аффект, но и его проявление. При этом возбужденное состояние лица неизбежно будет сходить на нет. Такая «нейтрализация» может наступить без дополнительного внешнего воздействия, чаще всего спонтанно, что характерно для аффекта в том его понимании, на которое указывает УК РФ. В этом случае говорят о катарсисе, или воспринимается как следствие проработки данного психологического состояния в ходе терапевтических процедур [4].

Наряду с утверждением о том, что действия при аффекте относительно обусловлены особенностями человеческого сознания и реализуются не на рациональном уровне, а на уровне, граничащем с подсознанием, в специальной литературе отмечается, что не всегда аффект связан с определенными биологическими потребностями организма или даже инстинктами. В этом случае, принято указывать на непосредственную зависимость аффекта от личностных переживаний [9]. С точки зрения В.К. Вилюнаса, личностные переживания «могут быть вызваны биологическими отношениями, однако неверно считать, что только в них они и живут» [7, с. 56].

Аффект необходимо рассмотреть как категорию объективную, не относящуюся отдельной отрасли для возможности правильного понимания, а соответственно и применения для решения вопроса о его значении и

влиянии на механизм преступной деятельности. В данном контексте аффект должен быть охарактеризован как весьма интенсивные переживания, связанные с эмоциональным возбуждением, которые длятся ограниченный промежуток времени, а возникает внезапно, бесконтрольно из-за наличия особых ситуаций, которые называют аффектогенными. Последние могут быть оценены с точки зрения качественных и количественных характеристик, которые делают невозможным проявление ограничивающей или тормозящей воли человека (такого волеизъявления, которое позволило бы оценить ситуацию и не совершать заведомо нежелательных действий).

Уголовное право целиком восприняло разработанное в психологии и психиатрии учение, описывающее состояние аффекта и оперирующее его следующими видами:

- физиологический;
- патологический;
- кумулятивный;
- аномальный;
- аффект на почве алкогольного опьянения.

Охарактеризуем каждый из дифференцируемых видов аффекта с точки зрения его влияния на квалификацию деяния и назначения вида и размера наказания.

Понятие физиологического аффекта, который, прежде всего, интересует нас как категория, имеющая значение для решения вопроса о квалификации деяния, назначения вида и размера наказания, было выведено искусственно — для того, чтобы иметь возможность терминологически отграничить состояние патологического аффекта от так называемого нормального, который естественен и может возникнуть у любого человека, чьё психическое и психологическое состояние находится в пределах нормы. Таким образом, говоря о физиологическом аффекте, мы должны понимать особое состояние человека, при котором он остается полностью вменяемым, однако возможности его сознания значительно ограничены, причиной чего выступает единичное психотравмирующее внешнее воздействие. Кардинальным отличием патологического аффекта является помрачение сознания, неизбежно приводящее к полной потере возможности осуществлять контроль над собой, своими реакциями и действиями. Человек в таком состоянии (при надлежащем процессуальном оформлении) признается невменяемым.

С точки зрения уголовного права и квалификации преступлений, необходимо провести четкую границу между двумя названными видами аффектов. Отличие физиологического и патологического видов аффекта в уголовном праве России представлено на рисунке 1.

Аффект

физиологический	патологический
1.Кратковременность (10 мин)	1.Несколько часов – до суток
2.Соответствие силе переживания (адекватность раздражителю)	2.Несоответствие силе раздражителя (неадекватность, достаточно ничтожной обиды)
3.Возникает сразу в ответ на действие раздражителя (реакция «короткого замыкания»)	3.Нет реакции «короткого замыкания»
4.Сознание не помрачено (но сужено)	**4.Сумеречное помрачение сознания** (часто в виде галлюцинаторно-бредового варианта)
5.Действия носят целенаправленный характер	5.В действиях отражаются психотические переживания
6. После помнят все	6. Амнезия всего периода
7. После – эмоцион. облегчение	7. После – терминальный сон
8.Не освобождает от уголовной ответственности	8. Признаются невменяемыми

Рис. 1. Различия физиологического и патологического видов аффекта в уголовном праве России

Достаточно длительный промежуток времени указанные виды аффектов разграничивали на основании психического здоровья человека, который находился в состоянии аффекта. В настоящее время при определении разницы двух рассматриваемых видов аффекта за основу берется не сам субъект как носитель такого состояния, а то, как и насколько у конкретного субъекта выражаются симптомы присутствия аффектированного состояния. Так, например, установлению подлежит наличие психологического истощения, возникающее после воздействия на психику извне, которое помогает определить наличие того или иного вида аффекта.

Особый интерес для достижения цели исследования представляет анализ отличий видов аффектов на каждой из трех стадий (фаз), которые характеризуют любой аффект:

1) подготовительная;
2) аффективные действия (аффективный взрыв);
3) заключительная (постаффективная).

Следует отметить, что при всем внешнем сходстве динамической стороны двух рассматриваемых видов аффекта механизмы развития таких состояний, а также само их возникновение разительно отличаются. Представляется необходимым рассмотреть особенности возникновения и протекания каждой стадии (фазы) анализируемых аффектов, которые приставлены на рисунке 2, так как именно их различие влияет на квалификацию деяния, назначения вида и размера наказания.

Рис. 2. Стадии (фазы) протекания патологического и физиологического аффектов

Подготовительная стадия (фаза) физиологического аффекта подразумевает возникновение аффектированного состояния, которое становится следствием реакции организма, проявлением бессознательного в действиях человека, либо еще может быть выражением аккумуляции негативных чувств и эмоций, которые человек не в силах контролировать и сдерживать. В рамках протекания патологического аффекта подготовительная стадия может и не отвечать указанной закономерности. В этом случае она может возникнуть и без наличия и предварительного влияния раздражителя.

На той стадии, когда разворачивается определенная активность, обусловленная условным внутренним взрывом — стадии аффективных действий лица, у которого наблюдается присутствие физиологического аффекта, проявляется сужение сознания, а также обращение внимания и нацеленность проявлений только на травмирующие реальные переживания. Напротив, патологический аффект напрочь лишает возможности ясно осознавать реальность, что связано с помрачением сознания или сумеречным его состоянием.

На заключительной (постаффективной) стадии (фазе) патологического аффекта наблюдается полное истощение нервной системы, что по своим проявлениям в состоянии человека сходно по степени смешения с состоянием, которое принято именовать прострацией. Для физиологического аффекта такие глубокие и ярко выраженные последствия не свойственны. В этом случае отмечается переживание чувств вялости, растерянности, раскаяния и других подобных состояний.

Диагностируя значительные отличия в протекании тех стадий аффективного состояния, которые являются общими для любого вида аффекта, специалисты делают закономерный вывод о том, что патологический аффект обнаруживает признаки, которые роднят его с различного рода психическими патологиями. Их протекание в острой фазе предполагает кратковременность, сопряженную с тем, что рассудок и сознательная часть восприятия человека полностью помрачены, что может сопровождаться полной или частичной амнезией [10].

В свою очередь, «физиологический аффект — не временное болезненное расстройство психики, поскольку его появление не зависит от психических заболеваний, а протекание определяется психологическими законами развития нормальных психических процессов» [11, с. 33]. Определение данного состояния с точки зрения психиатрии и психологии, позволяет сделать очевидный вывод о том, что в вопросе ограниченности восприятия и оценки всего происходящего, которое именуется сужением сознания, определяющее значение приобретает не наличие какого-либо заболевания или отклонения, а физиологические механизмы. В соответствии с этим

невозможно признать лицо, пережившее состояние физиологического аффекта в момент совершения преступления, невменяемым, так как сохранялась способность воспринимать информацию, анализировать ее на предмет возможности наступления общественно опасных последствий. Таким образом, человек, совершая преступление в состоянии физиологического аффекта, несет полную уголовную ответственность за совершенное деяние.

Кумулятивный аффект выделялся исследователями в советский период. Считалось, что подобного рода аффект мог возникнуть и повлиять на сознание человека в том случае, если лицо находилось в субъективно психотравмирующей ситуации достаточно длительный промежуток времени. При этом можно говорить о своеобразном накопительном эффекте негативного воздействия, а сам аффект оказывается результатом целого ряда действий или иных проявлений потерпевшего. Временных границ подобного воздействия не устанавливалось, подразумевалось, что они могут варьироваться не только в зависимости от интенсивности внешнего воздействия на психику человека, но и от устойчивости его психики.

Аномальный аффект впервые был выделен И.А. Кудрявцевым на основе изучения реакций у лиц, демонстрирующих проявления психопатической личности. По мнению Н.А. Подольного, аномальный аффект может быть описан как «взрывные эмоциональные (аффективные) реакции, характеризующиеся патологическими измененными закономерностями развития и течения» [12, с. 64]. При этом должно быть особенно подчеркнуто, что изменения, которые происходят в результате возникновения подобного рода аффектированного состояния, не свидетельствуют о невменяемости человека [12].

В совершенно иную группу должен быть выделен аффект, который наступает у человека в состоянии воздействия алкоголя. На данный момент в научных кругах уже не ведутся споры о том, необходимо ли и правомерно ли выделять в отдельную группу аффект, который может быть диагностирован у человека в легкой степени алкогольного опьянения. Однако интерес представляет позиция тех авторов, которые предлагали данный вид аффекта определить как подвид физиологического аффектированного состояния. Например, еще в 1983 году О.Д. Ситковская провела ряд опытных исследований по установлению возможности диагностировать (при проведении соответствующей судебной экспертизы) физиологический аффект у тех лиц, которые употребили алкогольсодержащие вещества, и у них было установлено состояние опьянения легкой степени [11]. По этому поводу есть и другие мнения. Так, например, Н.А. Подольный и В.В. Нагаев считали, что аффект в подобном состоянии является разновидностью аномального вида аффекта. «Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта, — подчеркивает И.А. Кудрявцев, — обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции — состояние опьянения обусловливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более агрессивная), а также изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения)» [13, с. 80]. Представляется, что в таком случае рассматриваемое влияние выступает в качестве условия для формирования аффектированного состояния. Причем наличие такого условия делает возникновение аффекта более простым.

Обсуждение и заключения. Анализ теоретических положений различных наук, дающих представление о компонентах, наполняющих состояние аффекта и влияющих на его возникновение, протекание и последствия, а также анализ категориального аппарата и содержания аффекта, позволили выявить неоднородность указанных процессов и их естественное деление на виды и фазы протекания.

Категория «аффект» выступает как родовое понятие для отдельных видов аффекта, таких как патологический, физиологический, кумулятивный, аномальный и аффект алкогольного опьянения. При этом уголовно-правовое значение, а соответственно и влияние на квалификацию содеянного, назначение вида и размера наказания имеют, прежде всего, два из проанализированных видов аффекта – физиологический (не связанный с наличием болезненного состояния и предусматривающий полную уголовную ответственность за совершенное деяние) и патологический (наличие которого влечет признание человека невменяемым).

Очевидно, что разные по своим качественным характеристикам состояния не могу быть оценены судом как равнозначные с уголовно-правовой точки зрения обстоятельства совершения преступления. Следовательно, необходимо учитывать, что влияние двух рассматриваемых видов аффекта будут дифференцировано в зависимости от анализируемой стадии (фазы), а выявленные отличия позволят определить, какой аффект переживало лицо, совершившее преступление и принять на основании этой информации справедливое и обоснованное решение.

Список литературы

1. Аристотель. *О душе*. Москва: Мир книги; 2008. 400 с.
2. Спиноза Б. *Сочинения*: в 2 т. Санкт-Петербург: Наука; 1999. 489 с., 630 с.
3. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. Москва и др.: Питер; 2012. 705 с.

4. Леонтьев А.Н. *Лекции по общей психологии*: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология». Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой (ред.). Москва: Смысл: Academia; 2010. 509 с.

5. Леонтьев А.Н. *Потребности, мотивы и эмоции*: конспект лекций. Москва: Изд-во Моск. ун-та; 1971. 38 с.

6. Сафуанов Ф.С. Аффект: судебно-психологический экспертологический анализ. *Психологический журнал*. 2001;3:15–25.

7. Вилюнас В.К. *Психология эмоциональных явлений*. Москва: Изд-во Моск. ун-та; 1976. 142 с.

8. Юнг К. *Психологические типы.* Пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским (ред.). Санкт-Петербург: Ювента; Москва: Прогресс; 1995. 715 с.

9. Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В., *Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы.* Москва: Интермедиатор; 2013. 169 с.

10. Ситковская О.Д. *Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации*: учебное пособие. Научно-исследовательский ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Москва: Зерцало; 1999. 892 с.

11. Ситковская О.Д. *Аффект криминально-психологическое исследование.* Москва: Юрлитинформ; 2001. 231 с.

12. Подольный Н.А. Понятие «аффект» в уголовном праве. *Государство и право*. 2003;4:62–67.

13. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и правовые аспекты профилактики. *Психологический журнал*. 1986;5:75–87.

References

1. Aristotel'. *O dushe.* Moscow: Mir knigi Publ.; 2008. 400 p. (In Russ.).

2. Spinoza B. Sochineniya: в 2 t. [Collected works: in 2 volumes]. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 1999. 489 p., 630 p. (In Russ.).

3. Rubinshtejn SL. *Osnovy obshchej psikhologii [Fundamentals of General Psychology]*. Moscow, et al.: Piter Publ.; 2012. 705 p. (In Russ.).

4. Leont'ev AN. *Lekcii po obshchej psikhologii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij, obuchayushchikhsya po special'nosti «Psikhologiya» [Lectures on General Psychology: a coursebook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Psychology"]*. Ed. by Leont'ev DA, Sokolova EE. Moscow: Smysl Publ.: Academia Publ.; 2010. 509 p. (In Russ.).

5. Leont'ev AN. *Potrebnosti, motivy i ehmocii: konspekt lekcij [Needs, Motives, and Emotions: Lecture Notes]*. Moscow: Moscow University Publ.; 1971. 38 p. (In Russ.).

6. Safuanov FS. Affekt: sudebno-psikhologicheskij ehkspertologicheskij analiz. *Psikhologicheskij zhurnal – Psychological Journal.* 2001;3:15–25. (In Russ.).

7. Vilyunas VK. *Psikhologiya ehmocional'nykh yavlenij.* Moscow: Moscow University Publ.; 1976. 142 p. (In Russ.).

8. Yung K. *Psikhologicheskie tipy.* Translated from German by Lorie S, revised and supplemented by Zelensky V; ed. by Zelensky V. Saint Petersburg: Yuventa Publ.; Moscow: Progress Publ.; 1995. 715 p. (In Russ.).

9. Safuanov FS, Makushkin EV. *Affekt: praktika sudebnoj psikhologo-psikhiatricheskoj ehkspertizy*. Moscow: Intermediator Publ.; 2013. 169 p. (In Russ.).

10. Sitkovskaya OD. *Psikhologicheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii : uchebnoe posobie [Psychological comments to the Criminal Code of the Russian Federation: handbook]*. Nauchno-issledovatel'skij in-t problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noj prokurature Rossijskoj Federacii *[*Research Institute of Problems of Strengthening Law and Legal Order under the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*]*. Moscow: Zercalo Publ.; 1999. 892 p. (In Russ.).

11. Sitkovskaya OD. *Affekt kriminal'no-psikhologicheskoe issledovanie.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2001. 231 p. (In Russ.).

12. Podol'nyj NA. Ponyatie «affekt» v ugolovnom prave. *Gosudarstvo i pravo – State and Law.* 2003. 2003;4:62–67. (In Russ.).

13. Kudryavcev IA, Safuanov FS, Golev AS. Narusheniya povedeniya lic v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya: psikhologicheskie mekhanizmy i pravovye aspekty profilaktiki. *Psikhologicheskij zhurnal – Psychological Journal.* 1986;5:75–87. (In Russ.).

Об авторах:

Исакова Юлия Игоревна, декан факультета «Юридический», заведующий кафедрой «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Коновалов Александр Александрович, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат экономических наук, доцент, ORCID, tornade@mail.ru

Черненко Ольга Борисовна, профессор кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности Ростовского государственного экономического университета «РИНХ» (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), доктор экономический наук, профессор, ORCID, obch2911@yandex.ru.

Заявленный вклад соавторов:

Ю. И. Исакова, А. А. Коновалов — обзор и анализ научных источников, подготовка текста, выполнение иллюстраций. О. Б. Черненко — общее руководство, постановка задачи исследования, доработка текста, формирование выводов.

Поступила в редакцию 20.04.2023.
Поступила после рецензирования 10.05.2023.
Принята к публикации 10.05.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Yulia I Isakova, dean of the Law Faculty, head of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), D. Sc. (Sociology), Cand. Sc. (Law), associate professor, ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Alexander A Konovalov, associate professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Cand. Sc. (Economics), associate professor, ORCID, tornade@mail.ru

Olga B Chernenko, professor of the State, Municipal Administration and Economic Security Department, Rostov State University of Economics "RINH" (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, RF), D. Sc., professor, ORCID, obch2911@yandex.ru

Claimed contributorship:

YI Isakova, AA Konovalov: review and analysis of scientific sources, preparation of the text, making drawings. OB Chernenko: general supervision, setting forth the research tasks, refining the text, formulating conclusions.

Received 20.04.2023.
Revised 10.05.2023.
Accepted 10.05.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.